

Карел Чапек Война с саламандрами

Книга первая. ANDRIAS SCHEUCHZERI

1. Странности капитана ван Тох

Если бы вы стали искать на карте островок Танамаса, вы нашли бы его на самом экваторе, немного к западу от Суматры. Но если бы вы спросили капитана И. ван Тох на борту судна «Кандон-Бандунг», что, собственно, представляет собой эта Танамаса, у берегов которой он только что бросил якорь, то

капитан сначала долго ругался бы, а потом сказал бы вам, что это самая распроклятая дыра во всем Зондском архипелаге, еще более жалкая, чем Танабала, и по меньшей мере такая же гнусная, как Пини или Баньяк; что единственный, с позволения сказать, человек, который там живет, – если не считать, конечно, этих вшивых батаков, – это вечно пьяный торговый агент, помесь кубу с португальцем, еще больший вор, язычник и скотина, чем чистокровный кубу и чистокровный белый вместе взятые; и если есть на свете что-нибудь поистине проклятое, так это, сэр, проклятущая жизнь на проклятущей Танамаса. После этого вы, вероятно, спросили бы капитана, зачем же он в таком случае бросил здесь свои проклятые якоря, как будто собирается остаться тут на несколько проклятых дней; тогда он сердито засопел бы и проворчал что-нибудь в том смысле, что «Кандон-Бандунг» не стал бы, разумеется, заходить сюда только за проклятой копррой или за пальмовым маслом; а впрочем, вас, сэр, это совершенно не касается: у меня свои проклятые дела, а вы, сэр, будьте любезны" занимайтесь своими. И капитан разразился бы продолжительной и многословной бранью, приличествующей немолодому, но еще вполне бодрому для своих лет капитану морского судна.

Но если бы вы вместо всяких назойливых расспросов предоставили капитану И. ван Тоху ворчать и ругаться про себя, то вы могли бы узнать побольше. Разве не видно по его лицу, что он испытывает потребность облегчить свою душу? Оставьте только капитана в покое, и его раздражение само найдет себе выход. «Видите ли, сэр, – разразится он, – эти молодчики у нас в Амстердаме, эти проклятые денежные мешки, вдруг придумали: жемчуг, любезный, поищите, мол, там где-нибудь жемчуг. Теперь ведь все сходят с ума по жемчугу и всякое такое». Тут капитан с озлоблением плюнет. «Ясно – вложить монету в жемчуг. А все потому, что вы, мои милые, вечно хотите воевать либо еще что-нибудь в этом роде. Бойтесь за свои денежки, вот что. А это, сэр, называется – кризис». Капитан ван Тох на мгновение приостановится, раздумывая, не вступить ли с вами в беседу по экономическим вопросам, – сейчас ведь ни о чем другом не говорят; но здесь, у берегов Танамасы, для этого слишком жарко, и вас одолевает слишком большая лень. И капитан ван Тох махнет рукой и пробурчит: "Легко сказать, жемчуг! На Цейлоне, сэр, его подчистили на пять лет вперед, а на Формозе и вовсе запретили добычу. А они: «Постарайтесь, капитан ван Тох, найти новые месторождения. Загляните на те проклятые островки, там должны быть целые отмели раковин», Капитан презрительно и шумно высморкается в небесно-голубой носовой платок. «Эти крысы в Европе воображают, будто здесь можно найти хоть что-нибудь, о чем никто еще не знает. Ну и дураки же, прости господи! Еще спасибо, не велели мне заглядывать каждому батаку в пасть – не блестит ли там жемчуг! Новые месторождения! В Паданге есть новый публичный дом, это – да, но новые месторождения?... Я знаю, сэр, все эти острова, как свои штаны... От Цейлона и до проклятого острова Клиппертон. Если кто думает, что он найдет здесь что-нибудь, на чем можно заработать, так, пожалуйста, – честь и место! Я плаваю в этих водах тридцать лет, а олухи из Амстердама хотят, чтобы я тут новенькое открыл!» Капитан ван Тох чуть не задохнется при мысли о таком оскорбительном требовании. «Пусть пошлют сюда какого-нибудь желторотого новичка, тот им такое откроет, что они только глазами хлопать будут. Но требовать подобное от человека, который знает здешние места, как капитан И. ван Тох!... Согласитесь, сэр, в Европе – ну, там еще, пожалуй, можно что-нибудь открыть, но здесь!... Сюда ведь приезжают только вынюхивать, что бы такое пожрать, и даже не пожрать, а купить-продать. Да если бы во всех проклятых тропиках еще нашлась какая-нибудь вещь, которую можно было бы сбить за двойную цену, возле нее вы-

строилась бы куча агентов и махала бы грязными носовыми платками пароходам семи государств, чтобы они остановились. Так-то, сэр. Я, с вашего разрешения, знаю тут все лучше, чем министерство колоний ее величества королевы». Капитан ван Тох сделает усилие, дабы подавить справедливый гнев, что и удастся ему после некоторого более или менее продолжительного кипения. «Видите вон тех двух паршивых лентяев? Это искатели жемчуга с Цейлона, да простит мне бог, сингалезцы в натуральном виде, как их господь сотворил; не знаю только, зачем он это сделал? Теперь я их вожу с собой и, как найду где-нибудь кусок побережья, на котором нет надписей „Агентство“, или „Батя“, или „Таможенная контора“, пускаю их в воду искать раковины. Тот дармоед, что поменьше ростом, ныряет на глубину восьмидесяти метров; на Принцевых островах он выловил на глубине девяноста метров ручку от киноаппарата, но жемчуг – куда там! Ни намека! Никчемный народишко эти сингалезцы. Вот, сэр, какова моя проклятая работа: делать вид, будто я покупаю пальмовое масло, и при этом выискивать новые месторождения раковин жемчужниц. Может, они еще захотят, чтобы я открыл им какой-нибудь девственный континент? Нет, сэр, это не дело для честного капитана торгового флота. И. ван Тох не какой-нибудь проклятый авантюрист, сэр, нет...» И так далее; море велико; а океан времени бесконечен; плюй, братец, в море – воды в нем не прибавится; кляни свою судьбу – а ей нипочем... И вот, после долгих предисловий и отступлений, мы подходим наконец к тому моменту, когда капитан голландского судна «Кандон-Бандунг» И ван Тох со вздохами и проклятьями садится в шлюпку, чтобы отправиться в кампонг [1] на Танамасе и потолковать с пьяным метисом от кубу и португальца о кое-каких коммерческих делах.

– Sorry, Captain ¹, – сказал в конце концов метис от кубу и португальца. – Здесь, на Танамасе, никаких раковин не водится. Эти грязные батаки, – произнес он с непередаваемым отвращением, – жрут даже медуз; они живут больше в воде, чем на земле; женщины здесь до того провоняли рыбой, что вы представить себе не можете. Так что я хотел сказать? Ах да, вы спрашивали о женщинах...

– А нет ли тут какого-нибудь кусочка берега, – спросил капитан, – где батаки не лезят в воду?

Метис от кубу и португальца покачал головой.

– Нет, сэр. Разве только Девл-Бэй, но это место вам не годится.

– Почему?

– Потому что... туда никому нельзя, сэр. Вам налить, капитан?

– Thanks ². Там что, акулы?

– Акулы и... вообще, – пробормотал метис. – Нехорошее место, сэр. Батакам не понравится, если кто-нибудь туда полезет.

– Почему?

–... Там черти, сэр... Морские черти.

– Это что же такое – морской черт? Рыба?

– Нет, не рыба, – уклончиво ответил метис. – Просто черт, сэр. Подводный черт. Батаки называют его «тапа». Тапа. У них там будто бы свой город, у этих чертей. Вам налить?

– А как он выглядит... этот морской черт?

Метис от кубу и португальца пожал плечами.

– Как черт, сэр... Один раз я его видел. Вернее, только голову. Я возвращался в лодке с Кейп

³ Гаарлем, и вдруг прямо передо мной он высунул из воды свою голову...

– Ну и как? На что это было похоже?

– Башка как у батака, сэр, только совершенно голая.

– Может, это и был батак?

¹ Прошу прощения, капитан (англ.).

² Спасибо (англ.).

³ мыса (англ. cape)

– Нет, сэр. В том месте ни один батак не полезет в воду. А потом оно... моргало *нижними веками*, сэр. – Дрожь ужаса пробежала по телу метиса. – Нижними веками, которые у него закрывают весь глаз. Это был тапа.

Капитан И. ван Тох повертел в своих толстых пальцах стакан с пальмовой водкой.

– А вы не были пьяны? Не надрались часом?

– Был, сэр. Иначе меня не понесло бы туда. Батаки не любят, когда кто-нибудь тревожит этих... чертей.

Капитан ван Тох покачал головой.

– Никаких чертей не существует. А если бы они существовали, то выглядели бы как европейцы. Это была какая-нибудь рыба или в этом роде.

– У рыбы, – пробормотал, запинаясь, метис от кубу и португальца, – у рыбы нет рук, сэр. Я не батак, сэр, я посещал школу в Бадьюнге... и я еще помню, может быть, десять заповедей и другие точные науки; образованный человек всегда распознает, где черт, а где животное. Спросите батаков, сэр.

– Это дикарские суеверия, – объявил капитан, улыбаясь с чувством превосходства образованного человека. – С научной точки зрения это бессмыслица. Черт и не может жить в воде. Что ему там делать? Нельзя, братец, полагаться на болтовню туземцев. Кто-то назвал эту бухту «Чертовым заливом», и с тех пор батаки боятся ее. Так-то, – сказал капитан и хлопнул по столу пухлой ладонью. – Ничего там нет, парень, это ясно с научной точки зрения.

– Да, сэр, – согласился метис, посещавший школу в Бадьюнге, – но здравомыслящему человеку нечего соваться в Девл-Бэй.

Капитан И. ван Тох побагровел.

– Что? – крикнул он. – Ты, грязный кубу, воображаешь, что я побоюсь твоих чертей? Посмотрим!

И он прибавил, поднимая со стула все двести фунтов своего мощного тела:

– Ну, нечего терять с тобой время, когда меня ждет бизнес. Однако заметь себе; в голландских колониях чертей не бывает; если же какие и есть, то во французских. Там они, пожалуй, водятся. А теперь позови-ка мне старосту этого проклятого кампонга.

Означенного сановника не пришлось долго искать: он сидел на корточках возле лавочки метиса и жевал сахарный тростник. Это был пожилой, совершенно голый человек, гораздо более тощий, чем старосты в Европе. Немного позади, соблюдая подобающее расстояние, сидела на корточках вся деревня, с женщинами и детьми, ожидая, очевидно, что ее будут снимать для фильма.

– Вот что, братец, – обратился капитан ван Тох к старосте по-малайски (с таким же успехом он мог бы обратиться к нему по-голландски или по-английски, так как почтенный старый батак не знал ни слова по-малайски, и метису от кубу и португальца пришлось перевести на батакский язык всю капитанскую речь; капитан, однако, по каким-то соображениям считал наиболее целесообразным говорить по-малайски). – Вот что, братец. Мне нужно несколько здоровых, сильных, храбрых парней, чтобы взять их с собой на промысел. Понимаешь, на промысел.

Метис переводил, а староста в знак понимания кивал головой; после этого он обратился к широкой аудитории и произнес речь, имевшую явный успех.

– Вождь говорит, – перевел метис, – что вся деревня пойдет с туаном⁴ капитаном на промысел, куда будет угодно туану.

– Так. Скажи им теперь, что мы пойдем добывать раковины в Девл-Бэй.

Около четверти часа продолжалось взволнованное обсуждение, в котором приняла участие вся деревня, а главным образом – старухи. Затем метис обратился к капитану:

– Они говорят, сэр, что в Девл-Бэй идти нельзя.

Капитан начал багроветь.

– А почему нельзя?

Метис пожал плечами.

– Потому что там тапа-тапа. Черты, сэр.

⁴ господином (малайск.)

Лицо капитана приобрело лиловый оттенок.

– Тогда скажи им, что, если они не пойдут... я им зубы повыбиваю... я им уши оторву... я их повешу... я сожгу их вшивый кампюнг... Понял?

Метис честно перевел все, после чего снова последовало продолжительное и оживленное со-
общение. Наконец метис сообщил:

– Они говорят, сэр, что пойдут в Паданг жаловаться в полицию и скажут, что туан им угро-
жал. На это есть будто бы статьи в законе. Староста говорит, что он этого так не оставит.

Капитан И. ван Тох из лилового стал синим.

– Так скажи ему, – взревел он, – что он...

И капитан говорил одиннадцать минут без передышки.

Метис перевел, насколько у него хватило запаса слов, и после новых, хотя и долгих, но уже
деловых дебатов передал капитану:

– Они говорят, сэр, что готовы отказаться от жалобы в суд, если туан внесет штраф непо-
средственно местным властям. Они запросили, – метис заколебался, – двести рупий. Но этого, по-
жалуй, многовато. Предложите им пять.

Краска на лице капитана начала распадаться на отдельные темно-коричневые пятна. Сначала
он изъявил намерение истребить вообще всех батаков на свете, потом снизил свои претензии до
трехсот пинков в зад, а под конец готов был удовлетвориться тем, что набьет из старосты чучело
для колониального музея в Амстердаме. Батаки, со своей стороны, спустили цену с двухсот рупий
до железного насоса с колесом, а под конец уперлись на том, чтобы капитан вручил старосте в ви-
де штрафа бензиновую зажигалку.

– Дайте им, сэр, – уговаривал метис от кубу и португальца, – у меня на складе три зажигалки,
хотя и без фитилей...

Так был восстановлен мир на Танамасе. Но капитан И. Ван Тох отныне знал, что на карту
поставлен престиж белой расы.

Во второй половине дня от голландского судна «Кандон-Бандунг» отчалила шлюпка, в кото-
рой находились следующие лица: капитан И. ван Тох, швед Иенсен, исландец Гудмундсон, финн
Гиллемайнен и два сингалезских искателя жемчуга. Шлюпка взяла курс прямо на бухту Девл-Бэй.

В три часа, когда отлив достиг предела, капитан стоял на берегу, шлюпка крейсировала на
расстоянии приблизительно ста метров от побережья, высматривая акул, а оба сингалезских водо-
лаза с ножами в руках ожидали команды.

– Ну, сначала ты, – сказал капитан тому из них, кто был подлиннее. Голый сингалезец прыг-
нул в воду, пробежал несколько шагов по дну и нырнул. Капитан стал смотреть на часы.

Через четыре минуты двадцать секунд приблизительно в шестидесяти метрах слева показа-
лась из воды бронзовая голова; с непонятной торопливостью, словно цепenea от страха, сингалез-
зец судорожно карабкался на скалы, держа в одной руке нож, а в другой – раковину.

Капитан нахмурился.

– Ну, в чем дело? – резко спросил он.

Сингалезец все еще цеплялся за скалы, не в силах вымолвить от ужаса ни слова.

– Что случилось? – крикнул капитан.

– Саиб, саиб... – прохрипел сингалезец и, тяжело дыша, рухнул на песок. – Саиб, саиб...

– Акулы?

– Джины, – простонал сингалезец, – черти, господин. Тысячи, тысячи чертей!

Он надавил кулаками на глаза.

– Сплошь черти, господин!

– Дай-ка раковину, – приказал капитан и открыл ее ножом; в ней покоилась маленькая чи-
стая жемчужина. – А больше ничего не нашел?

Сингалезец вынул еще три раковины из мешочка, висевшего у него на шее.

– Там есть раковины, господин, но их стерегут черти... Они смотрели на меня, когда я срезал
раковины...

Его курчавые волосы от ужаса встали дыбом.

– Саиб, саиб, здесь не надо!...

Капитан открыл раковины. Две оказались пустыми, а в третьей была жемчужина величиной с горошину, круглая, как шарик ртути. Капитан ван Тох смотрел то на жемчужину, то на сингалезца, распростертого на земле.

– Слушай, ты! – нерешительно сказал он. – Не попробуешь ли нырнуть еще разок?

Сингалезец безмолвно затряс головой.

У капитана И. ван Тох так и чесался язык разразиться бранью, но, к своему удивлению, он заметил, что говорит тихо и почти мягко:

– Не бойся, братец. А как выглядят... эти черти?

– Как маленькие дети, – прошептал сингалезец. – У них сзади хвост, господин, а ростом они – вот такие. – Он показал рукой сантиметров на сто двадцать от земли. – Они стояли вокруг меня и смотрели, что я делаю... Их было много-много...

Сингалезец весь дрожал.

– Саиб, саиб, не надо здесь!...

Капитан ван Тох задумался.

– А что, моргают они нижними веками или как?

– Не знаю, господин, – пробормотал сингалезец. – Их там... десять тысяч!

Капитан оглянулся на другого сингалезца: тот стоял метрах в полутора и равнодушно ждал команды, охватив плечи руками; впрочем, когда человек голый, то куда же ему девать руки, как не на собственные плечи? Капитан молча кивнул ему, и маленький сингалезец прыгнул в воду. Через три минуты пятьдесят секунд он вынырнул, цепляясь за скалы трясущимися руками.

– Вылезай! – крикнул капитан, но, приглядевшись внимательнее, помчался, прыгая по камням, к этим отчаянно цепляющимся рукам; трудно было поверить, что такая массивная фигура может выделывать подобные пируэты. В последний миг он поймал сингалезца за руку и, пыхтя, вытащил из воды. Потом положил его на камни и отер себе пот со лба. Сингалезец лежал без движения; одна голень у него была ободрана до кости, по-видимому, о камень, но других повреждений не обнаружилось. Капитан приподнял ему веки и увидел только белки закатившихся глаз. Ни раковин, ни ножа при нем не было.

В этот момент шлюпка с экипажем подошла ближе к берегу.

– Сэр, – крикнул швед Иенсен, – здесь акулы! Будете продолжать промысел?

– Нет, – ответил капитан, – подъезжайте сюда и заберите обоих.

– Посмотрите, сэр, – заметил Иенсен, когда они гребли обратно к судну, – как здесь сразу стало мелко, Отсюда тянется ровная отмель до самого берега, – показал он, тыкая веслом в воду, – как будто под водой какая-то плотина.

Только на судне маленький сингалезец пришел в себя; он сидел, уткнув подбородок в колени, и трясся всем телом. Капитан отослал всех прочь и уселся против него, широко расставив ноги.

– Ну, выкладывай! – сказал он. – Что ты видел?

– Джинов, саиб, – прошептал маленький сингалезец; теперь у него задрожали даже веки и вся кожа на теле пошла мелкими пупырышками.

Капитан ван Тох сплюнул.

– А... как они выглядят?

– Как... как...

Глаза сингалезца опять начали закатываться. Капитан И. ван Тох с неожиданным проворством дал ему две пощечины – ладонью и тыльной стороной руки, чтобы привести его в себя.

– Thanks, саиб, – прошептал маленький сингалезец, и зрачки его снова выплыли из-под век.

– Тебе лучше?

– Да, саиб.

– Были там раковины?

– Да, саиб.

Капитан И. ван Тох с большим терпением и обстоятельностью продолжал пристрастный допрос. Да, там черти. Сколько? Тысячи и тысячи. Ростом с десятилетнего ребенка, саиб, и почти

совершенно черные. Они плавают в воде, а по дну ходят на двух ногах. На двух, саиб, как вы или я, но при этом раскачиваются на ходу – туда– сюда, все время туда-сюда... Да, саиб, у них руки, как у людей... нет, когтей у них нет никаких, скорее похожи на детские руки. Нет, саиб, рогов и шерсти на теле нет. Да, хвосты есть – почти как у рыбы, только без плавников. А головы большие, круглые, как у батаков. Нет, они ничего не говорили, только как будто чмокали... Когда сингалезец срезал раковины на глубине приблизительно шестнадцати метров, он почувствовал как бы прикосновение маленьких холодных пальцев к своей спине. Он оглянулся; «их» столпилось вокруг него несколько сотен. Несколько сотен, саиб; они плавали или стояли на камнях и смотрели, что делает сингалезец. Он выронил и нож и раковины и поспешил выплыть на поверхность. При этом он наткнулся на нескольких чертей, которые плыли над ним, а что было потом, он уже не знает, саиб.

Капитан И. ван Тох задумчиво глядел на дрожащего маленького водолаза. «Этот малый, – сказал он себе, – теперь уже ни на что не годится; пошлю его из Паданга домой, на Цейлон». Ворча и пыхтя, отправился он в свою каюту. Там он высыпал из бумажного мешочка на стол две жемчужины. Одна была крохотная, как песчинка, другая – величиной с горошину и отливала серебристо-розовым. Капитан голландского судна фыркнул себе под нос и вынул из шкафчика ирландское виски.

К шести часам вечера он снова приказал подать шлюпку и отправился в кампонг, к тому же самому метису от кубу и португальца. «Тодди»⁵, – сказал он, и это было единственное произнесенное им слово. Он сидел на веранде, крытой гофрированным железом, держал в толстых пальцах стакан из толстого стекла, пил, отплевывался и, прищурившись, поглядывал из-под косматых бровей на тощих кур, которые клевали неизвестно что на грязном вытоптанном дворике под пальмами. Метис остерегался вымолвить хоть слово и только наполнял стакан. Мало-помалу глаза капитана налились кровью, и пальцы стали плохо повиноваться ему. Были уже сумерки, когда он встал, подтягивая брюки.

– Собираетесь спать, капитан? – вежливо спросил метис от черта и дьявола.

Капитан ткнул пальцем в пространство.

– Хотел бы я посмотреть, – сказал он, – какие такие есть на свете черти, которых бы я еще не видал. Эй ты, где тут этот проклятый северо-запад?

– Там, – показал метис. – Куда вы, сэр?

– В пекло, – хмыкнул капитан И. ван Тох. – Загляну в Девл-Бэй.

В этот вечер и начались странности капитана И. ван Тох. Он возвратился в кампонг только к рассвету и, не проронив ни слова, отправился к себе на судно, где просидел, запершись в своей каюте, до вечера. Это еще никому не показалось странным: «Кандон-Бандунг» должен был погрузить кое-что из благодатных даров острова Танамасы (копра, перец, камфара, каучук, пальмовое масло, табак и рабочая сила). Но когда капитану вечером доложили, что все товары погружены, он только засопел и произнес:

– Шлюпку. В кампонг.

И опять вернулся только с рассветом. Швед Иенсен, который помогал ему подняться на борт, спросил его просто из вежливости:

– Значит, сегодня отплываем, капитан?

Капитан резко обернулся, словно его укололи в зад.

– Тебе-то что? – огрызнулся он. – Занимайся своими проклятыми делами.

В течение целого дня «Кандон-Бандунг» в полной бездеятельности стоял на якоре в полумиле от берега Танамасы. Вечером капитан выкатился из своей каюты и сказал:

– Шлюпку. В кампонг.

Тщедушный грек Запатис уставился на него одним слепым и одним косым глазом.

– Ребята, – прокукарекал он, – наш старик или завел там девчонку, или совсем спятил.

⁵ пальмовая водка

Швед Иенсен нахмурился

– Тебе-то что? – огрызнулся он на Запатиса. – Занимайся своими промятыми делами.

Потом он сел с исландцем Гудмундсоном в маленькую шлюпку и стал грести по направлению к Девл Бэю. Они остановились за скалами и начали тихонько ждать, что будет дальше. По берегу залива рассаживал капитан; казалось, что он кого-то поджидает, время от времени он оставался и как-то странно цыкал: тс-тс-тс.

– Смотри, – сказал Гудмундсен и указал на море, ослепительно сверкавшее в багряном золоте заката.

Иенсен насчитал два, три, четыре, шесть острых, как лезвие, плавников, двигавшихся по направлению к Девл-Бэю.

– Господи! – пробормотал Иенсен. – Ну и акул же здесь!

То и дело одно из лезвий скрывалось, над волнами взвивался хвост, и в воде начинало что-то сильно бурлить. Капитан И. ван Тох вдруг неистово заметался по берегу, изрыгая проклятия и грозя кулаками в сторону акул. Наступили короткие тропические сумерки, и над островом всплыла луна; Иенсен взялся за весла и приблизился к берегу на расстояние одного фарлонга. Капитан сидел на скале и цыкал: тс-тс-тс. Что-то шевелилось вокруг него, но что именно – нельзя было различить.

«Похоже на тюленей, – подумал Иенсен, – только тюлени ползают иначе».

«Это» выплывало из воды между скалами и топало по берегу, раскачиваясь из стороны в сторону, как пингвины. Иенсен бесшумно погрузил весла в воду и подъехал к капитану на полфарлонга. Ага, капитан что-то говорил, но сам черт не разобрал бы, что именно; видимо, по-малайски или по-тамилски. Он размахивал руками, как будто бросал что-то этим тюленям (но это не были тюлени, как убедился Иенсен), и тараторил не то по-китайски, не то по-малайски. В этот момент весло выскользнуло у Иенсена из рук и шлепнулось в воду. Капитан поднял голову, встал и сделал шагов тридцать к воде; блеснул огонь, раздался треск: капитан палил из браунинга прямо по шлюпке. Почти в то же мгновение в бухте зашумело, забурило, послышался плеск, словно в воду прыгала тысяча тюленей. Но Иенсен и Гудмундсон уже налегли на весла и погнались своей шлюпкой за ближайший выступ с такой быстротой, что только ветер свистел в ушах. Возвратившись на судно, они никому не обмолвились ни словом. Да, северяне умеют молчать! К утру вернулся капитан; он был хмурый и злой; но не произнес ни звука. Только когда Иенсен помогал ему подняться на борт, две пары голубых глаз обменялись холодным пытливым взглядом.

– Иенсен, – сказал капитан.

– Да, сэр.

– Сегодня отплываем.

– Да, сэр.

– В Сурабае получите расчет.

– Да, сэр

И все. В тот же день «Кандон-Бандунг» вышел в Паданг. Из Паданга капитан И. ван Тох отправил своему правлению в Амстердам посылку, застрахованную на тысячу двести фунтов стерлингов. И одновременно – телеграфную просьбу о годичном отпуске: настоятельная необходимость ввиду состояния здоровья и тому подобное. После этого капитан слонялся по Падангу, пока не нашел человека, которого искал. Это был дикарь с Борнео, даяк, которого английские туристы нанимали иногда, чтобы полюбоваться своеобразным зрелищем охоты на акул; даяк работал еще по старинке, вооруженный одним только длинным ножом. Он был, по видимому, людоед, но имел твердую таксу: пять фунтов за акулу, кроме харчей. На него было страшно смотреть: обе руки, грудь и бедра ободраны кожей акулы, а нос и уши украшены акульими зубами. Звали его Шарк⁶.

С этим даяком капитан И. ван Тох отправился на остров Танамаса.

2. Пан Голомбек и пан Валента⁷

⁶ Акула (англ shark).

⁷ – Пан Голомбек и пан Валента. – Голомбек Бедржих (р. в 1901), Валента Эдуард (р в 1901) – коллеги Карела

Стояло засушливое редакционное лето, когда ничего, ну то есть ровно ничего не происходит, когда не делается политика и нет никакой европейской ситуации. Но даже и в такое время читатели газет, лежащие в агонии скуки на берегах каких-нибудь, вод или в жидкой тени каких-нибудь деревьев, деморализованные жарой, природой, деревенской тишиной и вообще здоровой и простой жизнью в отпуску, ждут (хотя и терпят каждый день разочарование), что хоть в газетах появится что-нибудь новенькое, освежающее – например, убийство, война или землетрясение, словом – Нечто; когда же ничего этого не оказывается, они потрясают газетой и с ожесточением заявляют, что в газетах ничего, ровно ничего нет, и вообще их не стоит читать, и они не будут больше на них подписываться.

А тем временем в редакции сиротливо сидят пять или шесть человек, ибо остальные коллеги в отпуску и тоже яростно комкают газетные чисты и жалуются, что теперь в газетах нет ничего, ровно Ничего А из наборной приходит метранпаж и укоризненно говорит: «Господа, господа, у нас еще нет на завтра передовой...»

– Тогда дайте... ну, хотя бы эту статью... об экономическом положении Болгарии, – говорит один из сиротливых людей.

Метранпаж тяжело вздыхает.

– Но кто же ее станет читать, пан редактор? Опять во всем номере не будет ничего «читабельного».

Шестеро осиротевших поднимают взоры к потолку, словно там можно найти нечто «читабельное».

– Хоть бы случилось Что-нибудь, – неопределенно произносит один из них.

– Или если бы... какой-нибудь... увлекательный репортаж, – перебивает другой.

– О чем?

– Не знаю.

– Или выдумать... какой-нибудь новый витамин, – бормочет третий.

– Это летом-то? – возражает четвертый. – Витамины, брат, это для образованной публики, такое больше годится осенью...

– Господи, ну и жара!... – зевает пятый. – Хорошо бы что-нибудь про полярные страны.

– Но что?

– Да так что-нибудь. Вроде этого эскимоса Вельцля⁸. Обмороженные пальцы, вечная мерзлота и тому подобное.

– Сказать легко, – говорит шестой, – но откуда взять?

И в редакции наступает безнадежная тишина.

– Я был в воскресенье в Иевичке, – нерешительно начал метранпаж.

– Ну и что?...

– Туда, говорят, приехал в отпуск некий капитан Вантох Он, кажется, оттуда родом. Из Иевичка.

– Какой Вантох?

– А такой толстый. Он, говорят, капитан морского судна, этот Вантох. Рассказывают, что он где-то добывал жемчуг.

Пан Голомбек посмотрел на пана Валенту.

– А где он его добывал?

Чапека по газете «Лидове новины», издававшейся в городе Брно; авторы ряда очерковых книг и романов.

⁸ Вроде этого эскимоса Вельцля – Вельцль Ян (р. В 1868), по происхождению чех, провел большую часть своей жизни в странствиях. Переменив ряд профессий, он оказывается в качестве золотоискателя, рыбопромышленника и торговца за Полярным кругом, в Сибири и на Аляске и на некоторое время становится главой племени эскимосов. В 1928 году Вельцль возвращается на родину, где его устные рассказы о пережитых приключениях производят сенсацию. Бедржих Голомбек и Эдуард Валента «открыли» Вельцля для литературных кругов Брно. В конце 20-х и начале 30-х годов чешский писатель и журналист Рудольф Тесногледек... а затем Голомбек и Валента издали ряд книг о путешествиях Вельцля.

- На Суматре... И на Целебасе... Вообще где-то там. И будто прожил он в тех местах тридцать лет.
- Дружище, это идея! – воскликнул пан Валента. – Может получится репортаж – первый сорт. Поедем, Голомбек?
- Что ж, можно попробовать, – решил Голомбек и слез со стола, на котором сидел.
- Это вон тот господин, – сказал хозяин гостиницы в Иевичке.
- В садике за столом, широко расставив ноги, сидел толстый господин в белой фуражке, пил пиво и толстым указательным пальцем задумчиво выводил на столе какие-то каракули. Оба приезжих направились к нему.
- Редактор Валента.
- Редактор Голомбек.
- Толстый господин поднял голову.
- What? Что?
- Я – редактор Валента.
- А я – редактор Голомбек.
- Толстый господин с достоинством приподнялся.
- Captain ван Тох. Very glad⁹. Садитесь, ребята.
- Оба журналиста охотно присели и положили перед собой блокноты.
- А что будете пить, ребята?
- Содовую с малиновым сиропом, – сказал пан Валента.
- Содовую с сиропом? – недоверчиво переспросил капитан. – Это с какой же стати? Хозяин, принесите-ка нам пива. Так вы чего, собственно, хотите? – спросил он, облокотись на стол.
- Правда ли, пан Вантох, что вы здесь родились?
- Да. Родился.
- Будьте так добры, скажите, как вы попали на море?
- Через Гамбург.
- А как давно вы состоите в чине капитана?
- Двадцать лет, парень. Документы тут, – сказал капитан, внушительно похлопывая по боковому карману. – Могу показать.
- Пану Голомбеку хотелось посмотреть, как выглядят капитанские документы, но он подавил это желание.
- За эти двадцать лет, пан капитан, вы, конечно, многое успели повидать?
- Да. Порядочно.
- А что именно?
- Ява. Борнео. Филиппины. Острова Фиджи. Соломоновы острова. Каролины, Самоа. Damned Clipperton Island. A lot of damned islands¹⁰, парень! А что?
- Нет, я просто так... это очень интересно. Нам бы хотелось услышать от вас побольше, понимаете?
- Да... Стало быть, просто так, а? – Капитан уставился на него светло-голубыми глазами. – Значит, вы из... как это? из полиции?... полиции, а?
- Нет, пан капитан, мы из газеты.
- Ах, вот оно что! Из газеты. Репортеры? Ну так пишите: Captain I. van Toch, капитан судна «Кандон-Бандунг»...
- Как?
- «Кандон-Бандунг», порт Сурабая. Цель поездки – vacances... как это называется?
- Отпуск.
- Да, черт побери, отпуск. Вот так и дайте в хронику о вновь прибывших. А теперь, ребята,

⁹ Очень приятно (англ.).

¹⁰ Проклятый остров Клиппертон. Кучу проклятых островов (англ.).

спрячьте ваши блокноты. Your health ¹¹!

– Пан Вантох, мы... приехали к вам, чтобы вы нам рассказали что-нибудь из вашей жизни.

– Это зачем же?

– Мы опишем в газете. Публике будет очень интересно почитать о далеких островах и о том, что там видел и пережил наш земляк, чех, уроженец Иевичка.

Капитан кивнул головой.

– Это верно. Я, братцы, единственный captain на весь Иевичек. Это да! Говорят, есть еще один капитан... капитан... карусельных лодочек, но я считаю, – добавил он доверительно, – что это ненастоящий капитан. Ведь все дело в тоннаже, понимаете?

– А какой тоннаж у вашего парохода?

– Двенадцать тысяч тонн, парень!

– Так что вы были солидным капитаном?

– Да, солидным, – с достоинством проговорил капитан. – Деньги у вас, ребята, есть?

Оба журналиста несколько неуверенно переглянулись.

– Есть, но мало. А вам нужны деньги, капитан?

– Да. Нужны.

– Видите ли, если вы нам расскажете что-нибудь подходящее, мы сделаем из этого очерк, и вы получите деньги.

– Сколько?

– Ну, пожалуй... может быть, тысячу, – щедро пообещал пан Голомбек.

– Фунтов стерлингов?

– Нет, только крон.

Капитан ван Тох покачал головой.

– Ничего не выйдет Столько у меня и у самого есть. – Он вытащил из кармана толстую пачку банкнот – See ¹²?

Потом он облокотился о стол и наклонился к обоим журналистам

– Я бы предложил вам, господа, а big business. Как это называется?

– Крупное дело.

– Да. Крупное дело. Но вы должны дать мне пятнадцать... нет, постойте, не пятнадцать – шестнадцать миллионов крон. Ну, как?

Оба приезжих снова неуверенно переглянулись. Журналистам нередко приходится иметь дело с самыми причудливыми разновидностями сумасшедших, изобретателей и аферистов.

– Стоп, – сказал капитан, – я могу вам кое-что показать.

Он порылся толстыми пальцами в жилетном кармане, вытащил оттуда что-то и положил на стол. Это были пять розовых жемчужин, каждая величиной с вишневою косточку.

– Сколько это может стоить? – прошептал пан Валента.

– О, lots of money ¹³, ребята. Но я ношу это с собою только... чтобы показывать, в виде образца. Ну, так как же, по рукам?... – спросил капитан, протягивая свою широкую ладонь через стол.

Пан Голомбек вздохнул.

– Пан Вантох, столько денег...

– Halt! – перебил капитан. – Понимаю, ты меня не знаешь. Но спроси о captain van Toch в Сурабае, в Батавии, в Паданге или где хочешь. Поезжай, спроси, и всякий скажет тебе – ja, captain van Toch, he is as good as his word ¹⁴.

– Пан Вантох, мы вам верим, – запротестовал Голомбек, – но только...

¹¹ Ваше здоровье! (англ.)

¹² Видали? (англ.)

¹³ кучу денег (англ.)

¹⁴ капитан ван Тох всегда верен своему слову (англ.)

– Стоп, – скомандовал капитан. – Понимаю, ты не хочешь выложить свои денежки неизвестно на что; хвалю тебя за это, парень. Но ты их дашь на пароход, see? Ты купишь пароход, будешь ship-owner¹⁵ и сможешь сам плавать на нем. Да, можешь плавать, чтобы самому видеть, как я веду дело. Но деньги, которые мы сделаем, разделим fifty-fifty¹⁶. Честный business, не так ли?

– Но, пан Вантох, – вымолвил наконец с некоторым смущением пан Голомбек, – ведь у нас нет таких денег...

– Ja, ну тогда другое дело, – сказал капиган. – Sorry. Тогда не понимаю, господа, зачем вы ко мне приехали.

– Чтобы вы нам рассказали что-нибудь, капитан. У вас ведь, наверное, большой опыт...

– Ja, это есть. Проклятого опыта у меня достаточно.

– Приходилось вам когда-нибудь терпеть кораблекрушение?

– What? A-a, ship-wrecking? Нет. Что выдумал! Если ты дашь мне хорошее судно, с ним ничего не может случиться. Можешь запросить в Амстердаме references¹⁷ обо мне. Поезжай и справишься.

– А как насчет туземцев? Встречали вы туземцев?

Капитан ван Тох покачал головой

– Это не для образованных людей. Об этом я рассказывать не стану.

– Тогда расскажите нам о чем-нибудь другом.

– Да, расскажите... – недоверчиво проворчал капитан. – А вы потом продадите это какой-нибудь компании, и она пошлет туда свои суда. Я тебе скажу, my lad¹⁸, люди – большие жулики. А самые большие жулики – это банкиры в Коломбо.

– А вы часто бывали в Коломбо?

– Ja, часто. И в Бангкоке, и в Маниле... Слушайте, ребята, – неожиданно сказал капитан – Я знаю одно судно. Шикарная посуда, и цена недорогая. Стоит в Роттердаме. Съездите, посмотрите. До Роттердама ведь рукой подать. – Он ткнул пальцем через плечо. – Нынче, ребята, суда ужасно дешевы. Как железный лом. Ему всего только шесть лет, двигатель Дизеля. Не хотите взглянуть?

– Не можем, пан Вантох...

– Странные вы люди, – вздохнул капитан и шумно высморкался в небесно-голубой носовой платок – А не знаете ли вы тут кого-нибудь, кто хотел бы приобрести судно?

– Здесь, в Иевичке?

– Ja, здесь или где-нибудь поблизости. Я хотел бы, чтобы эти крупные доходы потекли сюда, на my country¹⁹.

– Это очень мило с вашей стороны, капитан.

– Ja Остальные-то уж очень большие жулики. И денег у них нет Раз вы из newspaper²⁰, то должны знать здешних видных людей; всяких банкиров и ship-owners, как это называется, – судно-хозяева, что ли?

– Судовладельцы. Мы таких не знаем, пан Вантох.

– Жаль, – огорчился капитан.

Пан Голомбек что-то вспомнил.

– Вы, пожалуй, не знаете пана Бонди?

¹⁵ Судовладельцем (англ.)

¹⁶ пополам (англ.)

¹⁷ рекомендации (англ.)

¹⁸ парень (англ.)

¹⁹ мою родину (англ.)

²⁰ газеты (англ.)

– Бонди? Бонди? – перебирал в памяти капитан ван Тох.

– Постой Я как будто слышал эту фамилию. Я, в Лондоне есть Бонд-стрит, вот где чертовски богатые люди! Нет ли у него какой-нибудь конторы на Бонд-стрит, у этого пана Бонди?

– Нет, он живет в Праге, а родом, кажется, отсюда, из Иевичка.

– А, черт подери! – обрадовано воскликнул капитан. – Ты прав, парень! У него еще была галантерейная лавка на базаре Бонди... как его звали?... Макс! Макс Бонди. Так он теперь торгует в Праге?

– Нет, это, вероятно, был его отец. Теперешнего Бонди зовут Г. Д. Президент Г. Х. Бонди, капитан

– Г. Х.? – покрутил головой капитан. – Г. Х.? Здесь не было никакого Г. Х. Разве только это Густль Бонди, но он вовсе не был президентом. Густль – это был такой маленький веснушчатый еврейский мальчик. Нет, не может быть, чтоб это был он.

– Это наверное он, пан Вантох. Ведь уже сколько лет, как вы его не видали!

– Я, это верно. Много лет!... – согласился капитан. – Сорок лет, братец. Так что, возможно, Густль теперь уже вырос. А что он делает?

– Он председатель правления МЕАС – знаете, это крупные заводы по производству котлов и тому подобное. Ну и, кроме того, председатель еще около двадцати компаний и трестов Очень большой человек, пан Вантох. Его называют капитаном нашей промышленности.

– Капитаном?... – изумился captain ван Тох. – Значит, я не единственный капитан из Иевичка? Черт возьми, так Густль, значит, тоже captain! Надо бы с ним встретиться. А деньги у него есть?

– Ого! Горы денег. У него, пан Вантох, наверное, несколько сот миллионов. Самый богатый человек у нас.

Капитан ван Тох стал очень серьезен.

– И тоже captain! Ну, спасибо, парень. Тогда я к нему поплыву, к этому Бонди. Я, Густль Бонди I know ²¹. Такой был маленький еврейский мальчик А теперь captain Г.Х. Бонди. Я, я, как бежит время!... – меланхолически вздохнул он.

– Пан капитан, нам пора... как бы не пропустить вечерний поезд.

– Так я вас провожу на пристань, – сказал капитан и начал сниматься с якоря. – Очень рад, что вы заехали ко мне, господа. Я знаю одного редактора в Сурабае; славный парень, я, а good friend of mine ²². Пьяница страшный, ребята. Если хотите, я устрою вас в газете в Сурабае. Нет? Ну, как хотите.

Когда поезд тронулся, капитан медленно и торжественно помахал огромным голубым платком. При этом у него выпала на песок большая жемчужина неправильной формы. Жемчужина, которая никем и никогда не была найдена.

3. Г. Х. Бонди и его земляк

Как известно, чем более высокое положение занимает человек, тем меньше написано на его дверной дощечке. Старому Макс Бонди надо было намалевать большими буквами у себя над лавочкой, по обеим сторонам дверей и на окнах, что здесь помешается Макс Бонди, торговля всевозможными галантерейными и мануфактурными товарами – приданое для невест, ткани, полотенца, салфетки, скатерти и покрывала, ситец и батист, сукна высшего сорта, шелк, занавеси, ламбрекены, бахрома и всякого рода швейный приклад. Существует с 1885 года. У входа в дом его сына, Г. Х. Бонди, капитана промышленности, президента компании МЕАС, коммерции советника, члена биржевого комитета, вице-председателя союза промышленников, Consulado de la Republica Ecuador ²³ члена многочисленных правлений и т.п. и т.д., висит только маленькая черная

²¹ я знаю (англ.)

²² Мой большой друг (англ.)

²³ консула республики Эквадор (исп.)

стеклянная дощечка, на которой золотыми буквами написано:

БОНДИ

И больше ничего. Пусть другие пишут у себя на дверях: "Юлиус Бонди, представитель фирмы «Дженерал Моторс», или «Доктор медицины Эрвин Бонди», или «С. Бонди и К°», но есть только один-единственный Бонди, который – просто Бонди, без лишних пояснений. (Я думаю, что на дверях у папы римского написано просто Пий, без всякого титула и даже без порядкового номера. А у бога так и вовсе нет дощечки ни на небе, ни на земле; каждый сам должен знать, что он тут проживает. Впрочем, все это к делу не относится и замечено только так, мимоходом.)

Перед этой-то стеклянной дощечкой и остановился в знойный день господин в белой морской фуражке, вытирая свой мощный затылок голубым платком. «Ну и важный же дом, черт побери», – подумал он и несколько неуверенно потянулся к медной кнопке звонка.

В дверях показался швейцар Повондра, смерил толстого господина взглядом от башмаков до золотого позумента на фуражке – и сдержанно осведомился:

– К вашим услугам?

– Вот что, братец, – сказал господин, – здесь живет некий пан Бонди?

– Что вам угодно? – ледяным тоном спросил пан Повондра.

– Передайте ему, что с ним хотел бы поговорить captain van Toch из Сурабаи. Ja, – вспомнил он, – вот моя карточка.

И он вручил пану Повондре визитную карточку, на которой был изображен якорь и напечатано следующее²⁴:

Пан Повондра наклонил голову и погрузился в раздумье. Сказать, что пана Бонди нет дома? Или что у пана Бонди, к сожалению, сейчас важное совещание? Есть визитеры, о которых надо докладывать, и есть такие, с которыми дельный швейцар справляется сам. Пан Повондра мучительно чувствовал, что инстинкт, которым он в подобных случаях руководствовался, дал на сей раз осечку. Толстый господин как– то не подходил под обычные категории незваных посетителей и, по-видимому, не был ни коммивояжером, ни представителем благотворительного общества. А капитан Ван Тех сопел и вытирал платком лысину и при этом так простодушно щурил свои светло– голубые глаза, что паи Повондра внезапно решил принять на себя всю ответственность.

– Пройдите, пожалуйста, – сказал он, – я доложу о вас пану советнику.

Captain И. ван Тох, вытирая лоб голубым платком, разглядывал вестибюль. Черт возьми, какая обстановка у этого Густля; здесь прямо как в салоне парохода, делающего рейсы от Роттердама до Батавии. Должно быть, стоило уйму денег. А был такой маленький веснушчатый еврейский мальчик, изумлялся капитан.

Тем временем Г. Х. Бонди задумчиво рассматривал у себя в кабинете визитную карточку капитана.

– Что ему надо? – подозрительно спросил он.

– Простите, не знаю, – почтительно пробормотал Повондра.

²⁴ Капитан И. ван Тох, О [ст-] И [ндская] и Т[ихоокеанская] п [ароходная] ко [мпания], судно «Кандон-Бандунг», Сурабая, Морской клуб (англ.).

Пан Бонди продолжал вертеть в руках визитную карточку. Корабельный якорь. Captain И. ван Тох, Сурабая, – где она, собственно, Сурабая? Кажется, где-то на Яве? На пана Бонди повеяло дыханьем неведомой дали. «Кандон-Бандунг» – это звучит, как удары гонга. Сурабая... И сегодня как нарочно такой тропический день... Сурабая...

– Ладно, – проводите его сюда, – приказал пан Бонди.

В дверях остановился мощного сложения человек в капитанской фуражке и отдал честь. Г. Х. Бонди двинулся ему навстречу.

– Very glad to meet you, captain. Please, come in ²⁵!

– Здравствуйте! Добрый день, пан Бонди! – радостно воскликнул капитан.

– Вы чех? – удивился пан Бонди.

– Ja, чех. Да ведь мы знакомы, пан Бонди. По Иевичку. Лавочник Вантох – do you remember ²⁶?

– Верно, верно! – шумно обрадовался Г. Х. Бонди, почувствовав, однако, некоторое разочарование (значит, он не голландец!). – Лавочник Вантох на площади, как же! Но вы нисколько не изменились, пан Вантох. Такой же, как и прежде! Ну, как идет торговля мукой?

– Thanks, – вежливо ответил капитан, – папаша, как говорится, давно приказал долго жить...

– Умер? Так, так. Впрочем, что я, ведь вы, конечно, его сын...

Глаза пана Бонди оживились от внезапной догадки.

– Послушайте, дорогой, а не тот ли вы Вантох, который дрался со мной в Иевичке, когда мы были мальчишками?

– Да, он самый, – с важностью подтвердил капитан. – За это меня и отправили из дому в Моравскую Оставу.

– Да, мы с вами частенько дрались. Но вы были сильнее, – признал Бонди с лояльностью спортсмена.

– Да, я был сильнее. Вы ведь были таким слабеньким мальчиком, пан Бонди. И вам здорово доставалось по заду. Здорово доставалось.

– Доставалось, верно, – растроганно вспоминал Г. Х. Бонди. – Садитесь же, земляк! Вот хорошо с вашей стороны, что вы обо мне вспомнили. Откуда вы вдруг взялись?

Капитан ван Тох с достоинством уселся и положил фуражку на пол.

– Я провожу здесь свой отпуск, пан Бонди. Н-да, так то! That's so!...

– Помните, – погрузился в воспоминания пан Бонди, – как вы кричали мне: «Жид, жид, за тобою черт бежит!...»

– Ja, – сказал капитан и с чувством затрубил в носовой платок. – Ах, ja! Хорошее это было время. Но что из того, если оно так быстро проходит! Теперь мы оба старики, и оба captains.

– В самом деле, вы ведь капитан, – спохватился пан Бонди.

– Кто бы мог подумать! Captain of long distances ²⁷, ведь так это называется?

– Yah, sir. A Highsealer. East India and Pacific lines, sir ²⁸.

– Хорошая профессия, – вздохнул пан Бонди. – Я бы с вами охотно поменялся, капитан. Вы должны мне рассказать о себе.

– О да, – оживился капитан. – Я хотел бы рассказать вам кое-что, пан Бонди Очень интересная штука, парень.

Капитан ван Тох беспокойно поглядел по сторонам.

– Вы что-нибудь ищите, капитан?

– Ja. Ты пива не хочешь, пан Бонди? У меня в горле пересохло, пока я добирался домой из Сурабаи.

²⁵ Очень рад познакомиться с вами, капитан. Войдите, пожалуйста! (англ).

²⁶ Помните? (англ.)

²⁷ Капитан дальнего плавания (англ).

²⁸ Да, сэр. Плаваю в открытом море. Ост-Индия и Тихоокеанские линии, сэр (англ.).

Капитан стал рыться в обширных карманах своих брюк и вытащил голубой носовой платок, холщовый мешочек с чем-то, кисет с табаком, нож, компас и пачку банкнот.

– Я бы послал кого-нибудь за пивом, – сказал он. – Пожалуй, того стюарда, что проводил меня в эту каюту.

Пан Бонди позвонил.

– Не беспокойтесь, капитан. А пока закурите сигару.

Капитан взял сигару с красно-золотым бумажным колечком и понюхал ее.

– Табак из Ломбока. Там страшные жулики, ничего не попишешь.

И, к великому ужасу пана Бонди, он раздавил драгоценную сигару в своей мощной длани и набил искрошенным табаком трубку.

– Да, Ломбок. Или Сумба.

В дверях неслышно появился Повондра.

– Принесите пива, – распорядился Бонди.

Повондра поднял брови.

– Пива? Сколько?

– Галлон, – буркнул капитан и, швырнув обгоревшую спичку на ковер, затоптал ее ногой. – В Адене было, брат, ужасно жарко. А у меня есть для вас новость, пан Бонди. Зондский архипелаг, see? Там, сэр, можно открыть сказочное дело. А big business. Но, пожалуй, надо рассказать с самого начала эту... как называется – story, что ли?

– Рассказ?

– Да. Один рассказик. Простой.

Капитан поднял свои незабудковые глаза к потолку.

– Просто не знаю, с чего начать.

(Опять какие-нибудь торговые дела, – потухал Г. Х. Бонди. – господи, какая тоска! Будет убеждать меня, что мог бы поставлять швейные машины в Тасманию или паровые котлы и булавки на Фиджи Сказочная торговля, еще бы! Для того я вам и нужен. К черту! Я не лавочник. Я мечтатель. Я в своем роде поэт. Расскажи мне, Синдбад-мореход, о Сурабае или об островах Феникса. Не притягивал ли тебя Магнитный Утес, не уносила ли тебя в свое гнездо птица Нох? Не возвращаешься ли ты с грузом жемчуга, корицы и безоара?" Ну же, приятель, начинай свое вранье!)

– Пожалуй, начну с ящера, – объявил капитан.

– С какого ящера? – изумился коммерции советник Бонди.

– Ну, с этих-скорпионов Как это называется – lizards?

– Ящерицы?

– Да, черт, ящерики Там есть такие ящерики, пан Бонди.

– Где?

– Там, на одном острове Я не могу его назвать, парень. Это очень большой секрет, worth of millions²⁹.

Капитан ван Тох вытер лоб носовым платком.

– Где же, черт возьми, пиво?

– Сейчас будет, капитан.

– Да. Ладно. К вашему сведению, пан Бонди, они очень милые и славные зверьки, эти ящерики. Я их, брат, знаю! – Капитан с жаром хлопнул рукой по столу – А насчет того, что они черти, так это ложь? А damned lie, sir³⁰. Скорее вы сами черт или я черт, я, captain ван Тох! Можете мне поверить.

Г. Х. Бонди испугался. «Делириум, – подумал он. – Куда делся этот проклятый Повондра?»

– Их там несколько тысяч, этих ящерок. Но их здорово жрали эти... черт... эти, ну как они там называются sharks...

– Акулы?

²⁹ цена ему – миллионы (англ.)

³⁰ Проклятая ложь, сэр! (англ.)

– Да, акулы. Вот почему эти ящерицы так редко встречаются: только в одном– единственном месте, в том заливе, который я не могу назвать.

– Значит, эти ящерицы живут в море?

– Да, в море. Только ночью они вылезают на берег, но очень ненадолго.

– А как они выглядят? – Пан Бонди пытался выиграть время, пока вернется этот проклятый Повондра.

– Ну, величиной они с тюленей, но когда встают на задние лапки, тогда они вот такого роста, – показал капитан. – Нельзя сказать, чтобы они были красивы. У них нет никакой шелухи.

– Чешуи?

– Да, скорлупок. Они совершенно голые, пан Бонди, точно какие-нибудь жабы или саламандры. А передние лапки у них совсем как детские ручонки, только пальцев на каждой всего четыре. Бедненькие! – жалостливо прибавил капитан. – Но очень смышленные и милые зверьки, пан Бонди.

Капитан опустил на корточках и начал раскачиваться в такой позе.

– Вот как они переваливаются, эти ящерицы.

Сидя на корточках, капитан усиленно старался придать своему могучему телу волнообразные движения; руки он протянул вперед, словно собачка, которая «служит»; его небесно-голубые глаза не отрывались от пана Бонди и, казалось, умоляли о сочувствии. Г. Х. Бонди почувствовал волнение и как-то по-человечески устыдился. В довершение всего в дверях неслышно появился пан Повондра с кувшином пива и возмущенно поднял брови при виде неприличного поведения капитана.

– Давайте пиво и уходите, – скороговоркой выпалил Г. Х. Бонди.

Капитан поднялся, отдуваясь.

– Вот какие это зверьки, пан Бонди. Your health, – сказал он и выпил пива. – Пиво у тебя, парень, хорошее. Впрочем, когда имеешь такой дом...

И капитан вытер усы.

– А как вы нашли этих ящериц, капитан?

– Об этом как раз и будет мой рассказик, пан Бонди. Случилось так, что я искал жемчуг на Танамасе... – Капитан сразу осекся. – Или где-то еще... Да, это был другой остров, пока это мой секрет, парень. Люди страшные жулики, пан Бонди, и надо держать язык за зубами... Так вот, когда эти два проклятых сингалезца срезали под водой жемчужные shells...

– Раковины?

– Да. Такие раковины; они прилипают к камням, как прилипалы, и их приходится срезать ножом. Так вот, ящерицы смотрели на сингалезцев, а сингалезцы думали, что это морские черти. Очень необразованный народ – эти сингалезцы и батаки. И говорят мне; там, мол, черти. Да.

Капитан мощно затрубил в носовой платок.

– Понимаешь, брат, тут уж не успокоишься. Я не знаю, одни ли только мы, чехи, такой любопытный народ, но где бы я ни повстречал земляка, он обязательно всюду сует свой нос, чтобы узнать, что там такое. Я думаю, это оттого, что мы, чехи, ни во что не хотим верить. Вот и я вбил в свою старую глупую голову, что должен рассмотреть этих чертей поближе. Правда, я был выпивши, но нагрузился я потому, что эти идиотские черти не выходили у меня из головы. Там, на экваторе, многое, брат, возможно. Значит, отправился я вечером в этот самый Девл-Бэй.

Пан Бонди попытался представить себе тропическую бухту, окруженную скалами и девственным лесом.

– Ну и дальше?

– И вот, сижу я там и зову: тс-тс-тс – чтобы черти вышли. И что ж ты думаешь, вскоре вылезла из моря одна такая ящерица, стала на задние ножки и завертела всем телом. И цыкает на меня: тс-тс-тс. Если бы я не был выпивши, я бы, наверное, в нее выстрелил; но я, дружище, нализался, как англичанин, и вот я говорю: поди, поди сюда, ты, tара-boy, я тебе ничего не сделаю.

– Вы говорили с ней по-чешски?

– Нет, по-малайски. Там, брат, чаще всего говорят по-малайски. Ну, она ничего. Только переминается этак с ноги на ногу и вертится, как ребенок, когда он стесняется. А вокруг в воде было

несколько сот этих ящерок, они высунули из воды свои мордочки и смотрят. А я (правда, я был выпивши) тоже присел на корточки и стал вертеться, как эта ящерка, чтобы они меня не боялись. А потом вылезла из воды еще одна ящерка, ростом с десятилетнего мальчугана, и тоже начала так переваливаться. А в передней лапке она держала жемчужницу. – Капитан отпил пива. – Ваше здоровье, пан Бонди. Я был, правда, пьян вдрызг, так вот я и говорю ей: ах ты, хитрюга, ты как будто хочешь, чтобы я открыл тебе эту раковину, ја? Так поди сюда, я ее открою ножом. Но она – ничего, все не решалась. Тогда я снова начал вертеться, словно маленькая девочка, которая кого-то стыдится. И вот она притопала поближе, а я потихоньку протягиваю руку и беру раковину у нее из лапки. По совести говоря, трусили мы оба, это ты, пан Бонди, можешь себе представить; но я был, правда, пьян. Взял я свой нож и открыл раковину; пощупал пальцем, нет ли жемчужины, но там ничего не было, кроме противной слизи, – такой слизистый моллюск, что живет в этих раковинах. Ну вот, на, говорю, тс-тс-тс, жри себе, если хочешь. И кидаю ей открытую раковину. Ты бы посмотрел, как она ее вылизывала! Должно быть, для тех ящеров это особенный tit-bit – как это называется.

– Лакомство...

– Да, лакомство. Только они, бедняжки, не могут своими пальчиками справиться с твердыми скорлупками. Да, тяжелая жизнь... – Капитан выпил пива. – Я, брат, потом все обмозговал. Когда ящерки увидели, как сингалезцы срезают раковины, они, вероятно, подумали: ага, они их будут жрать. И хотели посмотреть, как сингалезцы их открывают. Эти сингалезцы в воде здорово смахивают на ящерок, только ящерка умнее сингалезца или батака, потому что хочет чему-нибудь научиться. А батак никогда ничему не научится, разве что воровать, – с горечью добавил капитан ван Тох. – А когда я на берегу звал – тс-тс-тс, и вертелся, как ящерка, они, наверное, подумали, что я большая саламандра, и поэтому не побоялись подойти ко мне, чтобы я открыл их раковину. Вот какие это умные и доверчивые зверьки.

Капитан ван Тох покраснел.

– Когда я с ними познакомился ближе, пан Бонди, я стал раздеваться донага, чтобы быть совсем как они, ну, то есть голым; но им показалось очень странным, что у меня волосы на груди и... всякое такое... Я.

Капитан провел носовым платком по загорелой шее.

– Но я не знаю, не слишком ли длинно я рассказываю, пан Бонди?

Г. Х. Бонди был очарован.

– Нет, несколько. Продолжайте, капитан.

– Ладно. Так вот, когда эта ящерка вылизывала раковину, другие, глядя на нее, тоже полезли на берег. У некоторых были раковины в лапах. Как им удалось оторвать их от cliffs³¹ своими детскими ручонками, да еще без больших пальцев, это, брат, просто удивительно.

Сначала они стеснялись, а потом позволили брать у них из лапок эти раковины. Правда, не все были жемчужницы; так просто, всякая дрянь, никудышные устрицы и тому подобное; но я такие раковины швырнул в воду и говорю: «Э, нет, дети, это ничего не стоит, это я вам своим ножом открывать не буду». Зато когда попадалась жемчужница, я открывал ее ножом и щупал, нет ли жемчужины. А раковины отдавал им вылизывать. К тому времени вокруг сидело уже несколько сот этих lizards и смотрело, как я открываю раковины. А некоторые пробовали сами вскрыть раковину какой-то скорлупкой, которая там валялась. Это, брат, меня и удивило. Ни одно животное не умеет обращаться с инструментами. Что поделаешь, животные – они и есть животные, таков закон природы. Правда, я видел в Байтензорге обезьяну, которая умела открывать ножом такой tin, то есть жестянку с консервами. Но обезьяна, сэр, какое же это животное! Недоразумение одно. Нет, правда, я был поражен. – Капитан выпил пива. – В ту ночь, пан Бонди, я нашел в тех shells восемнадцать жемчужин. Там были крохотные и побольше, а три были величиной с вишневою косточку, пан Бонди. С косточку. – Капитан ван Тох с важностью кивнул головой. – Когда я утром вернулся на судно, я сказал себе: captain ван Тох, это тебе, конечно, только померещилось, сэр; ты, сударь, был выпивши и тому подобное. Но какой толк в рассуждениях, когда у меня в мешочке

³¹ рифов (англ.)

лежали восемнадцать жемчужин?

– Это самый лучший рассказ, какой я когда-либо слышал, – прошептал пан Бонди.

– Вот видишь, брат! – обрадовано сказал капитан. – Днем я все это обмозговал. Я приручу и выдрессирую этих ящерок, и они будут носить мне pearl-shells³². Должно быть, ужас сколько этих раковин там, в Девл-Бэе. Ну, вечером я отправился туда снова, но чуточку пораньше. Когда солнце садится, ящерки высовывают из воды свои мордочки и тут и там – словом, по всей бухте. Сижу это я на берегу и зову: тс-тс-тс! Вдруг вижу – акула, то есть только ее плавник торчит из воды. А потом – всплеск, и одной ящерки как не бывало. Я насчитал двенадцать штук этих акул, плывших тогда при заходе солнца в Девл-Бэе. Пан Бонди, эти сволочи за один вечер сожрали больше двадцати моих ящерок!... – воскликнул капитан и яростно высморкался. – Да, больше двадцати! Ясно ведь, такая голая ящерка своими лапками не отобьется от акулы. Я чуть не плакал, глядя на это. Видел бы ты все это, парень...

Капитан задумался.

– Я ведь очень люблю животных, – произнес он наконец и поднял свои лазурные глаза на Г. Х. Бонди. – Не знаю, как вы смотрите на это, Бонди.

Пан Бонди кивнул в знак согласия.

– Вот это хорошо, – обрадовался капитан ван Тох. – Они очень славные и умные, эти tara-boys. Когда им что-нибудь рассказываешь, они смотрят так внимательно, как собака, которая слушает, что ей говорит хозяин. А главное – эти их детские ручонки... Понимаешь, брат, я старый холостяк, и семьи у меня "нет...". Я, старому человеку тоскливо одному... – бормотал капитан, преодолевая свое волнение – Ужасно милые эти ящерки, ничего не поделаешь... Если бы только акулы не пожирали их!... И знаешь, когда я кидал в них, то есть в акул, камнями, *они тоже начали кидать*, эти tara boys. Ты просто не поверишь, пан Бонди! Конечно, далеко они кинуть не могли, потому что у них чересчур короткие ручки. Но это, брат, прямо поразительно! Уж если вы такие молодцы, ребята, говорю я, попробуйте тогда открыть моим ножом раковину. И кладу нож на землю. Они сначала стеснялись, а потом одна ящерка попробовала и давай втыкать острие ножа между створок. Надо взломать, говорю, взломать, see? Вот так повернуть нож – и готово. А она все пробует, бедняжка... И вдруг хрустнуло, и раковина открылась. Вот видишь, говорю. Вовсе это не так трудно. Если это умеет какой-нибудь язычник – батак или сингалезец, так почему этого не сумеет сделать tara-boys, верно? Я не стал, конечно, говорить ящеркам, что это *сказочное marvel*³³ и удивительно, когда это делают такие животные. Но вам я могу сказать, что я был... я был... ну совершенно thunderstruck.

– Ошеломлен, – подсказал пан Бонди

– Ja, richtig³⁴. Ошеломлен. И так это у меня засело в голове, что я задержатся там с моим судном еще на день. И вечером опять отправился туда, в Девл-Бэй, и опять смотрел, как акулы жрут моих ящерок. В ту ночь я поклялся, что так этого не оставлю. И им я тоже дал свое честное слово, пан Бонди. "Tara-boys, – сказал я, – *captain И. ван Тох обещает вам здесь, под этими огромными звездами, что он вам поможет*".

4. Коммерческое предприятие капитана ван Тоха

Капитан ван Тох рассказывал с таким пылом и увлечением, что волосы у него на затылке взъерошились.

– Ja, сэр, я дал такую клятву. С той поры я, брат, не имел ни минуты покоя. В Паданге я взял отпуск и послал господам в Амстердаме сто пятьдесят семь жемчужин – все, что мне натаскали

³² жемчужницы (англ.).

³³ чудо (англ.).

³⁴ правильно (нем диалект.).

мои зверьки Потом я разыскал одного такого парня: это был даяк, shark-killer³⁵, он убивал акул в воде ножом. Страшный вор и убийца этот даяк. Вместе с ним на маленьком tramp³⁶ я вернулся опять на Танамасу и говорю – мол, теперь, fella³⁷, ты будешь тут своим ножом убивать акул. Я хотел, чтобы он истребил там акул и мои ящерики обрели покой. Он был такой разбойник и язычник, этот даяк, что tara-boys были ему нипочем. Черт или не черт, это было ему все равно. А я тем временем производил observations и experiments³⁸ над lizards. Постой-ка, у меня есть судовой журнал, в котором я каждый день делал записи.

Капитан вытащил из нагрудного кармана объемистую записную книжку и начал ее перелистывать.

– Какое у нас сегодня число? Ага, двадцать пятое июня. Возьмем тогда, например, двадцать пятое июня. Это было, значит, в прошлом году. Да, вот оно. «Даяк убил акулу. Lizards страшно интересуются этой дохлой дрянью. Тоби...» Это был маленький ящерица, замечательно умный, – пояснил капитан, – пришлось дать им имена, понимаешь? Чтобы я мог писать о них в этой книжке. Так вот: «Тоби сунул пальцы в рану, нанесенную ножом. Вечером они носили сухие ветки для моего костра». Ну, это вздор, – буркнул капитан, – я поищу какой-нибудь другой день. – Скажем, двадцатое июня, а? Lizards продолжали строить"... этот... этот... как это называется – jetty?

– Плотины?

– Да, плотины. Такая dam³⁹. Они строили тогда новую плотину в северо-западном углу Девл-Бэя. Это, брат, была замечательная работа, – пояснил капитан. – Настоящий breakwater.

– Волнорез?

– Да. Они клали на той стороне свои яйца и хотели, чтобы там были спокойные воды, понимаешь? Они сами придумали сделать такую dam; но я тебе скажу, ни один чиновник или инженер из Waterstaat⁴⁰ в Амстердаме не мог бы сочинить лучший план для подводной плотины. Замечательно искусная работа; вот только вода портила им дело. Они роют себе под водой такие глубокие ямы под берегом и живут в этих ямах. Страшно умные зверьки, сэр, совсем как beavers.

– Бобры?

– Да, эти большие крысы, которые умеют устраивать запруды на реке. А у ящериц там было множество плотин и плотинки, в Девл-Бэе; такие ровные-ровные dams, что твой город. Ну, и под конец они задумали перегородить плотиной весь Девл-Бэй. Ну так вот. «Научились выворачивать камни рычагами, – продолжал читать капитан. – Альберту – это был один tara-boy – раздавило при этом два пальца». "Двадцать первого. Даяк сожрал Альберта. После этого ему было плохо. Пятнадцать капель опия. Обещал больше этого не делать. Целый день шел дождь... Тридцатое июня. Lizards строили свою плотину. Тоби не хочет работать..." И умница же это был! – с восхищением пояснил капитан. – Умные-то никогда не хотят работать. Он постоянно вытворял какие-нибудь проказы, этот Тоби. Что поделаешь, ящерицы тоже бывают очень разные. «Третьего июля. Сержант получил нож». Это был такой большой, сильный ящерица, этот Сержант. И очень ловкий, сэр. «Седьмого июля. Сержант убил ножом cuttle-fish», – это, понимаешь, рыба, которая гадит таким темно-бурым – слышал?

– Каракатица?

– Да, она самая. «Двадцатое июля. Сержант убил ножом большую jelly-fish», – это такая сволочь, тело как студень, и жжется, как крапива. Мерзкое животное. А теперь внимание, пан Бонди.

³⁵ истребитель акул (англ.).

³⁶ пароходе (англ.).

³⁷ приятель (от англ. fellow)

³⁸ наблюдения и опыты (англ.).

³⁹ плотина (англ.).

⁴⁰ Ведомства водных сооружений (голландск.).

"Тринадцатого июля. – Это у меня подчеркнуто. – *Сержант убил ножом небольшую акулу. Вес – семьдесят фунтов*". Вот как, пан Бонди! – торжественно воскликнул капитан И. ван Тох. – Здесь это записано черным по белому. Это и есть великий день. Точно, тринадцатого июля прошлого года. – Капитан закрыл записную книжку. – Я ничуть не стыжусь, пан Бонди; там, на берегу Девл-Бэя, я упал на колени и заревел от самой искренней радости. Теперь уж я знал, что мои тара-boys не дадут себя в обиду. Сержант получил за это отличный новый гарпун – гарпун, брат, лучше всего, если хочешь охотиться на акул, и я ему сказал: *be a man*⁴¹. Сержант, и покажи тара-boys, что они могут обороняться. И вот, брат, – воскликнул капитан, вскочив с места и ударив по столу от восторга, – через три дня там плавала огромная дохлая акула, *full of gashes* – как это называется?

– Вся израненная?

– Да, сплошные дыры от ударов гарпуна. – Капитан глотнул пива с такой жадностью, что в горле у него заклокотало. – Вот оно как, пан Бонди. Тогда только я и заключил с тара-boys... ну нечто вроде договора. То есть я как бы дал им слово, что, если они будут доставлять мне жемчужницы, я им буду давать за это гарпуны и *kn-ives*, то есть ножи, чтобы они могли защищаться. *See?* Это честный бизнес, сударь. Что поделаешь, человек должен быть честным даже с животными. И я дал им еще немного досок и две железных *wheelbarrows*...

– Ручные тележки. Тачки.

– Да, такие тачки. Чтобы они могли возить камни на плотину. Им, бедняжкам, приходилось таскать все в своих лапах, понимаешь? Ну, словом, массу вещей они получили. Я бы не хотел их надувать, вовсе нет. Постой, парень, я тебе что-то покажу.

Капитан ван Тох одной рукой подтянул свой живот кверху, а другой извлек из кармана брюк холщовый мешочек.

– Вот здесь, – сказал он и высыпал содержимое мешочка на стол.

Там было около тысячи жемчужин самой различной величины: мелкие, как конопляное семя, немного побольше, величиной с горошину, несколько огромных, с вишню; жемчужины безупречно круглые, как капля, жемчужины бугорчатые, жемчужины серебристые, голубые, телесного цвета, желтоватые, отливающие черным и розовым. Г. Х. Бонди был словно зачарован; он потерял всякое самообладание, перебирал их, катал по столу кончиками пальцев, сгребал обеими руками,

– Какая красота, – восторженно прошептал он. – Капитан, это – как в сказке!...

– Да, – невозмутимо ответил капитан. – Красиво. А акул они убили около тридцати за тот год, что я провел с ними. У меня здесь все записано, – сказал он, похлопывая по нагрудному карману. – Зато сколько ножей я им дал, и пять штук гарпунов. *Мне* ножи обошлись почти по два американских доллара а *piесе*, то есть за штуку. Очень хорошие ножи, парень, из такой стали, которую не берет никакая *rust*.

– Ржавчина?

– Да. Потому что это для работы под водой, для моря. Ну, и батаки тоже стоили мне кучу денег.

– Какие батаки?

– Да туземцы на том острове. У них такая вера, будто тара-boys – это черти, и они страшно их боятся. А когда увидели, что я с их чертями разговариваю, хотели убить меня. Целыми часами звонили в колокола, чтобы отогнать, значит, чертей от своего кампонга. Ужасный тарарам подняли. Ну, а потом каждое утро приставали ко мне, чтобы я им заплатил за этот набат. За то, что они трудились, понимаешь? Что и говорить, эти батаки – отчаянные жулики. Но с тара-boys, сэр, с ящерками, можно бы сделать честный бизнес. Очень хорошее дело, пан Бонди.

Г. Х. Бонди все происходящее казалось сном.

– Покупать у них жемчуг?

– Да. Только в Девл-Бэе уже никакого жемчуга нет, а на других островах нет никаких тара-boys. В этом-то вся суть, парень.

Капитан И. ван Тох раздул щеки с победоносным видом.

– Это и есть то большое дело, которое я обмозговал. Послушай, – сказал он, тыча в воздух

⁴¹ будь мужчиной (англ.).

толстым пальцем. – Ведь этик ящерок стало гораздо больше с тех пор, как я взял их под защиту! Они могут, теперь обороняться. You see? А? А дальше их будет еще больше! Ну, так как же, пан Бонди? Разве это не замечательное предприятие?

– Я все еще не понимаю, – неуверенно произнес Г. Х. Бонди, – что вы, собственно, имеете в виду, капитан?

– Ну, перевозить tара-boys на другие жемчужные острова, – выложил наконец капитан – Я заметил, что ящерки не могут сами переплывать открытое море в глубоких местах. Они немножко плавают, немного ходят по дну, но на большой глубине для них слишком большое давление: они чересчур мягкие, понимаешь! Но если бы у меня было судно, в котором можно было бы устроить резервуар, такой бассейн с водой, то я мог бы перевозить их, куда хочу. See? И они искали бы там жемчуг, а я бы ездил к ним и привозил им ножи и гарпуны и всякие прочие вещи, в которых они нуждаются. Эти бедняжки там, в Девл-Бэе, так рас... распросились... а?

– Расплодились.

– Ja, так расплодились, что им уже почти нечего жрать. Они едят мелких рыбешек, моллюсков и водяных жуков... Но могут жрать и картошку, и сухари, и всякие обыкновенные вещи. Этим можно било бы их кормить в резервуарах, на судне. А в подходящих местах, где не очень много людей, я пускал бы их в воду и устраивал бы там такие... Такие фермы для моих ящерок. Потому что я хотел бы, чтобы они могли прокормиться, эти зверьки. Они очень славные и умные, пан Бонди. Вот увидишь их, парень, сам скажешь: хэлло, captain, полезные у тебя зверьки. Ja. Люди ведь теперь с ума сходят по жемчугу, пан Бонди. Вот это и есть тот большой бизнес, что я придумал.

Г. Х. Бонди бил в нерешительности.

– Мне очень жаль, капитан, – начал он, – но я, право, не знаю...

Лазурные глаза капитана. И. ван Тоха подернулись влагой.

– Это плохо, братец! А я бы тебе оставил все эти жемчужины, как... как залог за то судно. Сам я купить судно не могу. А я знаю очень подходящие посудину в Роттердаме. На дизеле...

– Почему вы не предложили это дело кому-нибудь в Голландии?

Капитан покачал головой.

– Я, брат, знаю этих людей. С ними об этом говорить нельзя... А я, пожалуй, – задумчиво прибавил он, – возил бы на этом судне и другие вещи, всевозможные goods⁴², и продавал бы их на тех островах. Да, я бы это мог. У меня там куча знакомств, пан Бонди. А при этом я мог бы иметь у себя на судне такие резервуары для моих ящерок...

– Гм, об этом еще можно подумать, – размышлял вслух Г. Х. Бонди. – Дело в том, что как раз... Ну да, нам *нужно* искать новые рынки для нашей промышленности. Случайно я говорил об этом на днях с несколькими лицами... Я хотел бы купить один или два парохода, один для Южной Америки, а другой для восточных стран...

Капитан ожил.

– Вот за это хвалю, пан Бонди! Суда теперь страшно дешевы, можешь купить их хоть целую гавань...

Капитан ван Тох пустился в технологические объяснения, где и за какую цену продаются всякие vessels, boats и tank-steamers⁴³. Г. Х. Бонди не слушал капитана; он только рассматривал его. Г. Х. Бонди умел разбираться в людях. Ни на одно мгновение он не принимал всерьез ящериц капитана ван Тоха; но сам капитан стоил внимания. Честный человек, да. И знает тамошние условия. Сумасшедший, конечно. Но чертовски симпатичен. В сердце Г. Х. Бонди зазвенела какая-то фантастическая струна. Корабли с жемчугом и кофе, корабли с пряностями и всякими благовониями Аравии! Г. Х. Бонди ощутил то странное, необъяснимое волнение, которое обычно предшествовало у него всякому важному и удачному решению; это можно было бы выразить в словах: «Сам не знаю почему, но я, кажется, за это возьмусь». А тем временем captain ван Тох своими

⁴² товары (англ.)

⁴³ корабли, пароходы и наливные суда (англ.)

огромными лапами чертил в воздухе силуэты судов с awning-decks и quarter-decks ⁴⁴, – превосходные суда, братец...

– Знаете что, капитан ван Тох, – сказал вдруг Г. Х. Бонди, – зайдите ко мне через две недели. Мы возобновим тогда разговор о пароходе.

Captain ван Тох понял, как много значат эти слова. Покраснев от радости, он вымолвил только:

– А как ящерики – смогу я их возить на моем пароходе?

– Разумеется. Только... пожалуйста, никому о них ни слова. Люди подумают, что вы спятили... и я заодно с вами.

– А жемчуг вам можно оставить?

– Можно.

– Ja, только я должен выбрать две жемчужины покрасивее, надо послать их кое- кому.

– Кому?

– А таким двум редакторам, парень. Ja, черт подери, постой-ка!

– Что?

– Как их звали, черт подери?

Капитан ван Тох растерянно моргал своими лазурными глазами.

– Такая, брат, глупая у меня голова... Уже забыл, как звали этих двух boys...

5. Капитан И. ван Тох и его дрессированные ящерицы

– Провалиться мне на этом месте, – воскликнул человек на набережной в Марселе, – если это не Иенсек!

Швед Иенсен поднял глаза.

– Постой, – сказал он, – и помолчи, пока я тебя не узнаю.

Он прикрыл глаза рукой.

– «Чайка»? Нет. «Императрица Индии»? Нет. «Пернамбуко»? Нет. А, знаю! «Ванкувер». Лет пять тому назад на «Ванкувере», пароходство Осака-лайн, Фриско. А зовут тебя Дингль, бродяга ты этакий, и ты ирландец.

Человек оскалил зубы и подсел к шведу.

– Right ⁴⁵, Иенсен. И, кроме того, пью любую водку, когда угощают. Ты где теперь?

Иенсен показал кивком.

– Крейсирую на линии Марсель-Сайгон. А ты?

– А я в отпуске, – похвастал Дингль, – еду домой посмотреть, сколько у меня прибавилось детей.

Иенсен глубокомысленно покачал головой.

– Значит, тебя опять выставили. Так? Пьянство в служебное время и тому подобное. Гели бы ты, брат, посещал YMCA, как я...

Дингль ужаснулся.

– Здесь тоже есть YMCA?

– Да ведь сегодня суббота, – проворчал Иенсен. – А где ты плавал?

– На одном трампе, – уклончиво ответил Дингль. – Разные острова там на юге.

– Капитан?

– Некий ван Тох. Голландец или что-то в этом роде.

Швед Иенсен задумался

– Капитан ван Тох... Я с ним тоже плавал несколько лет тому назад. Судно – «Кандон-Бандунг». Рейс – от черта к дьяволу. Толстый, лысый и ругается даже по малайски, чтобы крепче получалось. Знаю хорошо.

⁴⁴ палубой под тентом и шканцами (англ.)

⁴⁵ правильно (англ.)

– Он уже тогда был такой сумасшедший?

Швед покачал головой

– Старый Тох – all right, братец.

– Возил он тогда уже с собой ящериц?

– Нет... – Иенсен стал припоминать: – Что-то я уже слышал об этом... в Сингапуре. Какой-то враль молол там языком на этот счет.

Ирландец слегка обиделся.

– Это совсем не вранье, Иенсен. Это святая истина насчет ящериц.

– Тот, в Сингапуре, тоже божился, что это правда, – проворчал швед. – И все же получил по рылу! – прибавил он с победоносным видом.

Дай же я тебе расскажу, в чем тут дело, – упорствовал Дингль. – Уж кому знать, как не мне. Я эту мразь видел собственными глазами.

– Я тоже, – пробормотал Иенсен. – Почти совсем черные, рост – около метра шестьдесят, с хвостом, и ходят на двух ногах. Знаю.

– Отвратительные, – передернулся Дингль. – Все в бородавках, дружище! Матерь божия, я бы к ним не притронулся. Они, наверное, ядовитые!

– Почему? – буркнул швед. – Я, брат, служил как-то на судне, которое возило людей. И на верхней, и на нижней палубе – везде люди. Женщины, и все такое прочее. И танцуют и играют в карты... я там был кочегаром, понимаешь? Ну, а теперь скажи мне, олух, что ядовитее?

Дингль сплюнул.

– Если бы это были кайманы, я, брат, ничего бы не сказал. Я тоже как-то возил змей для звезринца – оттуда, из Банджермасина. Ну и воняли! Но ящерицы... Иенсен, уж слишком они странные звери. Днем-то еще ничего, днем все это сидит в таких бассейнах с водой; но ночью оно вылезает – топ-топ, топ-топ... Все судно ими кишмя кишит. И оно становится на задние ноги и поворачивает голову за тобой вслед... – Ирландец перекрестился. – Цыкает на человека – тс-тс-тс, как шлюхи в Гонконге. Прости меня, господи, только я думаю, что тут дело нечисто. Если бы не так туго было с работой, я бы там и часа не оставался, Иенсен. Ни единого часа.

– Ага, – сказал Иенсен. – Так вот почему ты возвращаешься к маменьке?

– Отчасти... Приходилось чертовски пить, чтобы вообще выдержать там, а ты сам знаешь, капитан насчет этого строг! Вот был тарарам, когда я одну из этих тварей пнул, ногой. Ну да, пнул, да еще брат, с каким удовольствием! Даже хребет перешиб. Ты бы посмотрел, что было со стариком! Посинел, схватил меня за горло и швырнул бы в воду, не окажись тут штурман Грегори. Знаешь его?

Швед кивнул головой.

– "Хватит с него, сэр", – сказал штурман и вылил мне на голову ведро воды. И в Кокопо меня списали. – Дингль плюнул, и плевок пролетел в воздухе длинной дугой. – Старику эта мразь дороже людей Знаешь, он учил их говорить! Ей-богу! Запирался с ними и часами разговаривал. Я думаю, он их дрессирует для цирка. Но самое странное то, что он их потом опять опускает в воду. Остановится у какого-нибудь дурацкого островка, болтается в шлюпке вдоль берега и измеряет глубину; а потом запрется там, где эти резервуары, откроет люк в борту и выпускает свою мразь в воду. А оно, брат, скачет через окошечко – одно за другим, как дрессированные тюлени, штук десять-двенадцать... А ночью старый Тох отправляется на берег с какими-то ящиками. Что там в этих ящиках – никто не знает. Потом двигаем дальше Вот так обстоят дела со старым Тохом, Иенс. Странно. Чересчур странно! – В глазах Дингля мелькнуло выражение ужаса. – Боже всемогущий. Иенс, до чего мне было жутко! Я пил, брат, пил как сумасшедший. А когда оно ночью топало по всему судну и служило на задних лапах... и цыкало: тс– тс-тс, так я иногда думал: эге, братец, это у тебя с перепою! Со мной уже было однажды во Фриско, помнишь, Иенсен? Но тогда мне везде мерещились пауки. «Де-ли-риум», – говорили врачи в Sailor hospital ⁴⁶. Но потом я спросил толстого Бинга, видел ли он тех чудовищ, и он сказал, что видел. Собственными глазами, говорит, подглядел раз, как один ящер взялся за ручку двери и вошел в каюту к капитану. Но не

⁴⁶ морской госпиталь (англ.)

знаю... Этот Джо тоже жутко пил. Как ты думаешь, Иенс, у Бинга тоже был делириум или нет? Как ты думаешь?

Иенсен только пожал плечами.

– А немец Петере рассказывал, будто на островах Манихики он отвез капитана на берег, а потом спрятался за скалами и стал смотреть, что там старый Тох делает со своими ящиками. Так он, брат, говорит, что эти ящеры сами пооткрывали их, когда старик дал им долото. А знаешь, что было в ящиках? Оказывается, ножи, дружище. Такие длинные ножи, гарпуны и тому подобное. Я, правда, Петерсу не верю, у него очки на носу, но все-таки это странно. Ты как думаешь?

У Иенсена вздулись жилы на лбу.

– Я думаю, – буркнул он, – что твой немец сует свой нос в дела, которые его совсем не касаются. Понял? И скажу тебе, что я ему этого не советую.

– А ты ему напиши, – усмехнулся ирландец. – Самый точный адрес – пекло, наверняка дойдет. А знаешь, что меня удивляет? Старый Тох время от времени навещает своих ящериц в тех местах, где он насажал их. Ей-богу, Иенс. Вечером приказывает отвезти себя в шлюпке на берег и возвращается только к утру. Так вот, скажи-ка мне. Иенс, ради кого ему туда ездить? И скажи мне, что спрятано в посылочках, которые он отправляет в Европу? Смотри – вот такие маленькие посылочки страхует на тысячу фунтов.

– Откуда ты знаешь? – еще более хмуро спросил швед.

– Да вот знаю, – уклончиво ответил Дингль. – А как ты думаешь, откуда старый Тох возит этих ящериц? Из Девл-Бэя. Из Чертова залива, Йене. У меня там есть один знакомый, он агент, человек с образованием, так он мне говорил, брат, что это вовсе не дрессированные ящерицы. Куда там! Пусть малым детям рассказывают, что это просто животные. А нам, брат, пусть зубы не заговаривают. – Дингль многозначительно подмигнул. – Вот какие дела, Иенсен... А ты мне говоришь, что captain van Toch – all right!...

– Ну-ка, повтори еще раз! – угрожающе прохрипел огромный швед.

– Был бы старый Тох all right, не развозил бы чертей по всему свету... и не запускал бы их всюду на островах, словно блох в шубу. За то время Йене, что я плавал с ним, он перевез их несколько тысяч, не меньше. Старый Тох продал свою душу, браток. И я знаю, чем ему черти платят. Рубины, жемчуг и тому подобное. Можешь не сомневаться, даром он не стал бы это делать.

Иенс Иенсен побагровел.

– А тебе-то что? – рявкнул он, стукнув кулаком по столу. – Занимайся своими проклятыми делами!

Маленький Дингль испуганно подскочил.

– Ну, чего ты... – смущенно залепетал он. – Что ты так вдруг... Я ведь только рассказываю, что видел. А если хочешь, так все это мне только померещилось. Только ради тебя, Иенсен... Пожалуйста, могу сказать, что это бред. Иенсен, ты же знаешь, со мной было уже такое во Фриско. «Тяжелый случай», – говорили врачи в Sailor hospital. Ей-богу, брат, мне показалось, что я видел ящериц, или чертей, или еще что-то такое. А на самом деле ничего не было.

– Было, Пат, – мрачно сказал швед, – я их видел.

– Нет, Иенс, – убеждал его Дингль. – Это у тебя был просто делириум. Старый Тох – all right, но... ему не следовало бы развозить чертей по свету. Знаешь что? Когда я приеду домой, закажу мессу за спасение его души. Провалиться мне на этом месте, Иенсен, если я этого не сделаю.

– По нашей религии, – меланхолично протянул Иенсен, – этого не полагается. А как ты думаешь, Пат, помогает, если отслужить за кого-нибудь мессу?

– Чудесно помогает!... – воскликнул ирландец. – Я слышал на родине не раз, что это помогало ну, даже в самых тяжелых случаях! Против чертей вообще и... тому подобное, понимаешь?

– Тогда я тоже закажу католическую мессу, – решил Иенс Иенсен. – За капитана ван Тоху. Но я закажу ее здесь, в Марселе. Я думаю, что вон в том большом соборе это можно сделать дешевле, по оптовой цене.

– Может быть, но ирландская месса лучше. У нас, брат, такие монахи, что почище всяких колдунов будут. Прямо как факиры или язычники.

– Слушай, Пат, – сказал Иенсен, – я бы тебе дал двенадцать франков на мессу. Но ты ведь

парень непутевый, пропьешь...

– Иенс, такого греха я на душу не возьму. Но постой, чтобы ты мне поверил, я напишу на эти двенадцать франков расписку. Хочешь?

– Это можно, – сказал швед, который во всем любил порядок.

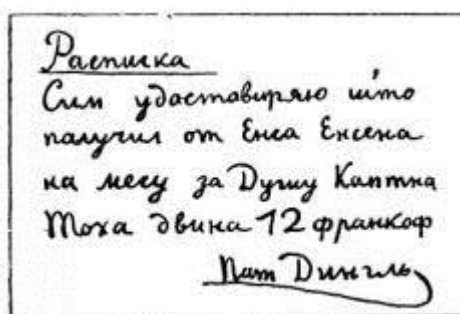
Дингль раздобыл листок бумаги, карандаш и занял этими принадлежностями почти весь стол.

– Что же мне тут написать?

Йенс Иенсен заглянул ему через плечо.

– Сначала напиши сверху, что это расписка.

И Дингль медленно, с усилием, высовывая язык и слюнявя карандаш, вывел:

Расписка
Сумма удовлетворена што
получил от Енса Енсена
на месу за Душу Каптта
Муха звика 12 франков
Пет Дингль

– Так правильно? – неуверенно спросил Дингль. – А у кого из нас должен остаться этот листок?

– У тебя, конечно, осел ты этакий, – не задумываясь ответил швед. – Это делается, чтобы человек не забыл, что он получил деньги.

Эти двенадцать франков Дингль пропил в Гавре и вместо Ирландии отправился оттуда в Джибути. Короче говоря, месса отслужена не была, вследствие чего естественный ход событий не нарушался вмешательством каких-либо высших сил.

6. Яхта в лагуне

Мистер Эйб Леб, прищурившись, глядел на заходящее солнце. Ему хотелось как-то высказать, до чего это красиво, но крошка Ли – она же мисс Лили Валлей, по документам Лилиан Новак, а для друзей – златокудрая Ли, Белая Лилия, длинноногая Лилиан, и как там ее еще называли в ее семнадцать лет, – спала на горячем песке, закутавшись в мохнатый купальный халат и свернувшись в клубок, как прикорнувшая собачонка. Поэтому Эйб ничего не сказал о красоте природы и только вздыхал, шевеля пальцами босых ног, чтобы вытряхнуть песчинки. Недалеко от берега стоит на якоре яхта «Глория Пикфорд», эту яхту Эйб получил от папаша Леба за то, что сдал университетские экзамены. Молодчина папаша Леб, Джесс Леб, магнат кинопромышленности и так далее «Эйб, пригласи нескольких приятелей или приятельниц и поезди по белу свету», – сказал старик Папаша Джесс – молодец первый сорт! И вот теперь там, на перламутровой поверхности моря застыла «Глория Пикфорд», а здесь, на горячем песке, спит крошка Ли. У Эйба захватило дух от счастья. Спит, как маленький ребенок, бедняжка Мистер Эйб ощутил непреодолимое, страстное желание спасти Ли от какой-нибудь опасности "Собственно говоря, следовало бы действительно жениться на ней", – подумал молодой мистер Леб, и сердце его сжалось от сладостного и мучительного чувства, в котором твердая решимость смешивалась с малодушием. Мамаша Леб, наверное, не согласится на это, а папаша Леб только руками разведет «Ты с ума сошел, Эйб». Родители просто не могут этого понять, вот и все. И мистер Эйб, нежно вздохнув, прикрыл полой купального халата беленькую лодыжку Ли. «Как глупо, – смущенно подумал он, – что у меня такие волосатые нога!»

Господи, до чего здесь красиво, до чего красиво! Жаль, что Ли этого не видит. Мистер Эйб залюбовался красивой линией ее бедра и, по какой-то смутной ассоциации, начал думать об искусстве. Ли ведь тоже артистка. Киноартистка. Правда, она еще не играла, но твердо решила сде-

латься величайшей кинозвездой всех времен; а если Ли что-нибудь задумает, то обязательно добьется своего. Вот этого как раз и не понимает мамаша Леб. Артистка-это... одним словом, артистка и не может быть такой, как другие девушки. К тому же другие девушки ничуть не лучше, решил Эйб. Например, эта Джэди, там, на яхте, такая богатая девица... а я знаю, что Фред ходит к ней в каюту. *Каждую* ночь, изволите ли видеть! Тогда как я и Ли... Просто Ли *не такая*. Я желаю всего лучшего Фреду-бейсболисту, великодушно размышлял Эйб, он мой товарищ по университету. Но каждую ночь... Нет, богатая девушка не должна была бы *так* поступать. То есть девушка из такой семьи, как Джэди. И ведь Джэди – даже не артистка. (О чем только эти девушки иногда шушукуются! – вспомнил вдруг Эйб. – И как у них при этом горят глаза и как они хихикают. *Мы* с Фредом о *таких* вещах никогда не говорим). (Ли не надо пить коктейль в таком количестве; она потом сама не знает, что говорит.) (Например, сегодня днем – это было уж слишком...) (Я имею в виду, как они с Джэди заспорили, у кого из них ноги красивее. Само собой разумеется, что у Ли. Я-то знаю.) (А Фреду нечего было затевать этот дурацкий конкурс красивых ног. Это можно устраивать где-нибудь на Палм-Бич, но не в своей интимной компании. А девушкам не следовало *так высоко* задирать юбки. Это уже, собственно, были *не только ноги*... По крайней мере Ли не следовало этого делать. Тем более перед Фредом. И такая богатая девушка как Джэди, зря это делала.) (А я, пожалуй, напрасно позвал капитана и предложил ему быть судьей. Это было глупо. Как побагровел капитан, и усы у него ощетинились. «Простите, сэр», – и хлопнул дверью. Неприятно. Ужасно неприятно. Капитану не следовало быть до такой степени грубым. В конце концов ведь это моя яхта, не так ли?) (Правда, у капитана нет с собой девушки; так легко ли ему, бедняге, смотреть на *такие* вещи? То есть поскольку ему приходится оставаться на холостом положении?) (А почему Ли плакала, когда Фред сказал, что у Джэди ноги красивее? Потом она говорила, что Фред такой невоспитанный, отравил ей всю поездку... Бедненькая Ли!...) (Теперь девушки дуются друг на друга. А когда я хотел поговорить с Фредом, Джэди подозвала его к себе, как собачонку. Все-таки Фред – мой лучший приятель. Конечно, если он возлюбленный Джэди, он *должен* говорить, что у нее ноги красивее. Но зачем было утверждать это так категорически? Это было *нетактично* по отношению к бедняжке Ли. Ли права, что Фред самоуверенный чурбан. Ужасный чурбан.) (Собственно, я представлял себе это путешествие по-иному. На черта мне сдался Фред!)

Мистер Эйб обнаружил, что он уже не любит перламутровым морем, но с весьма мрачным видом просеивает между пальцами песок с ракушками. Он был огорчен и расстроен. Папаша Леб сказал: «Поезжай да постарайся повидать побольше». А что мы видели? Мистер Эйб старался припомнить, но в памяти его всплывала только одна картина – как Джэди и Ли показывают свои ноги, а Фред, широкоплечий Фред, сидит перед ними на корточках. Эйб нахмурился еще больше. Как, собственно, называется этот коралловый остров? Тараива, говорил капитан. Тараива, или Тахуара, или Тараихатуара-тахуара. Что, если вернуться домой и сказать старому Джессу: «Папа, мы побывали даже на Тараихатуара-тахуара». (И зачем только я позвал тогда капитана, – поморщился мистер Эйб.) (Надо будет поговорить с Ли, чтобы она не делала таких вещей. Господи, почему я ее так ужасно люблю? Когда проснется, поговорю с ней. Скажу, что мы могли бы пожениться...) Глаза мистера Эйба наполнились слезами. Господи, отчего это – от любви или от муки? Или же эта безмерная мука оттого, что я ее так *ужасно* люблю?...

Подведенные синим, блестящие, похожие на нежные ракушки, веки крошки Ли затрепетали.

– Эйб, – прозвучал сонный голосок, – знаешь, о чем я думаю? Здесь, на этом острове, можно было бы сделать ши-кар-ный фильм.

Мистер Эйб старался засыпать свои злополучные волосатые ноги мелким песком.

– Превосходная идея, крошка. А какой фильм?

Ли открыла свои бездонные синие глаза.

– Например... Представь себе, что я была бы на этом острове Робинзоном. Женщина– Робинзон! Правда, совершенно новая идея?

– Да-а, – неуверенно произнес мистер Эйб. – А как бы ты попала на этот остров?

– Превосходнейшим манером!... – ответил сладкий голосок. – Просто наша яхта потерпела бы во время бури крушение, и вы все потонули бы – ты, Джэди, капитан и все.

– А Фред? Он ведь замечательно плавает.

Гладкий лобик наморщился.

– Тогда пусть Фреда съест акула. Получится изумительный кадр! – захлопала Ли в ладоши. – Ведь у Фреда безумно красивое тело, правда?

Мистер Эйб вздохнул.

– Ну, а дальше?

– А меня в бессознательном состоянии выбросила бы на берег волна. На мне была бы пижама, та, в голубую полоску, что так понравилась тебе позавчера. – Взгляд, брошенный из-под опущенных ресниц, наглядно продемонстрировал силу женских чар. – Вернее, это должен быть цветной фильм, Эйб Все говорят, что голубой цвет поразительно идет к моим волосам.

– А кто бы тебя здесь нашел? – деловито осведомился мистер Эйб.

Крошка Ли задумалась.

– Никто! Какой же тогда Робинзон, если тут будут люди, – ответила она с неожиданной логикой. – Вот почему эта роль такая шикарная, ведь я все время играла бы одна. Вообрази только – Лили Валлей в главной и вообще единственной роли!

– А что бы ты делала в течение всего фильма?

Крошка Ли оперлась на локоть.

– У меня уже все придумано. Купалась бы и пела на скале.

– В пижаме?

– Без, – сказала крошка. – Ты не думаешь, что я имела бы огромный успех?

– Но не можешь ведь ты ходить все время голой, – проворчал Эйб с явным неодобрением.

– А почему бы и нет? – невинно удивилась крошка. – Что здесь такого?

Мистер Эйб пробормотал что-то нечленораздельное.

– А потом, – продолжала свои размышления Ли, – постой... ага, знаю. Потом меня похитила бы горилла. Понимаешь, такая страшная, волосатая, черная горилла.

Мистер Эйб покраснел и постарался еще глубже зарыть в песок свои проклятые ноги.

– Но здесь же нет горилл, – возразил он малоубедительным тоном.

– Есть. Здесь есть всевозможные звери. Ты должен относиться к делу как художник, Эйб Горилла удивительно подойдет к моему оттенку кожи. А ты обратил внимание, какие у Джэди волосы на ногах?

– Нет, – ответил Эйб, крайне недовольный этой темой.

– Ужасные ноги, – заметила Ли и с удовлетворением посмотрела на собственные икры. – А когда горилла понесет меня на руках, из лесной чащи выйдет молодой прекрасный дикарь и заколет ее.

– А как он будет одет?

– У него будет лук, – без колебаний решила крошка, – и венки на голове. Этот дикарь возьмет меня в плен и приведет в становище каннибалов.

– Здесь нет никаких каннибалов. – Эйб попробовал вступить за островок Тахуара.

– Есть. Людоеды захотят принести меня в жертву своим идолам и споют при этом гавайские песни. Знаешь, как негры поют в ресторане «Парадиз». Но тот молодой людоед влюбился бы в меня, – прошептала крошка Ли с широко раскрытыми от восторга глазами, – и потом еще один дикарь влюбился бы в меня, скажем – предводитель этих каннибалов... а потом один белый.

– Откуда же тут возьмется белый? – спросил Эйб в интересах точности.

– Он был бы у них в плену. Например, это был бы знаменитый тенор, который попал в руки дикарей. Это для того, чтобы он мог петь в фильме.

– А в чем он был бы одет?

Ли поглядела на пальчики своих ножек.

– Он был бы... без всего, как и людоеды.

Мистер Эйб покачал головой.

– Не годится, крошка. Все знаменитые тенора страшно толстые.

– Жалко, – огорчилась Ли. – Ну, тогда его мог бы играть Фред, а тенор только пел бы. Знаешь, как теперь озвучивают фильмы.

– Но ведь Фреда сожрала акула?

Ли рассердилась.

– Нельзя быть таким ужасным реалистом, Эйб! С тобой вообще невозможно говорить об искусстве! А предводитель обвинил бы меня всю нитками жемчуга...

– Где бы он его взял?

– Здесь масса жемчуга, – с уверенностью объявила, Ли. – А Фред из ревности боксировал бы с ним на скале над морским прибором. Получится шикарно: силуэт Фреда на фоне неба! Правда, блестящая идея? При этом они оба упали бы в море...

– Ли просветлела. – Тут и пригодится эпизод с акулой. Вот взбесится Джэди, если Фред будет играть со мной в фильме! А я бы вышла замуж за того красивого дикаря. – Златокудрая Ли вскочила. – Мы стояли бы тут на берегу... на фоне солнечного заката... совершенно нагие... и диафрагма постепенно закрывалась бы... – Ли сбросила купальный халат. – А теперь я иду в воду.

– Ты не надела купальный костюм, – пробормотал Эйб, оглядываясь на яхту, не смотрит ли кто-нибудь оттуда; но Ли уже вприпрыжку бежала по песку к лагуне.

«...Собственно, в платье она лучше», – заговорил вдруг в молодом человеке голос холодной и жестокой критики. Эйб был потрясен отсутствием у него надлежащего любовного восторга и чувствовал себя почти преступником, но... все-таки когда Ли в платье и туфельках, то... право же, это как-то красивее.

«Ты, верно, хочешь сказать – приличнее», – возражал Эйб холодному голосу.

«Ну да, и это тоже. И красивее. Почему она так нелепо шлепает по воде? Почему у нее так трясутся бока? Почему то, почему се...»

«Перестань, – с ужасом отбивался Эйб. – Ли – самая красивая девушка, которая когда-либо существовала на свете! Я ее ужасно люблю...»

«...Даже когда на ней нет ничего?» – спросил холодный критический голос.

Эйб отвернулся и взглянул на яхту в лагуне. Как она красива, как безупречны все линии ее бортов! Жаль, нет тут Фреда. С Фредом можно было бы поговорить о красоте яхты. Тем временем Ли стояла уже по колено в воде, простирая руки к заходящему солнцу и пела.

«Скорей бы уж лезла в воду, черт бы ее драл! – раздраженно подумал Эйб. – А все-таки это было красиво, когда она лежала, свернувшись клубочком, закутанная в халат, с закрытыми глазами. Милая крошка Ли! – И Эйб, растроганно вздохнув, поцеловал рукав ее купального халата. – Да, я ужасно ее люблю. Так люблю, что больно делается».

Внезапно с лагуны донесся пронзительный визг. Эйб привстал на колени, чтобы лучше видеть. Ли пищит, размахивает руками и бегом спешит к берегу, спотыкаясь и разбрызгивая воду... Эйб вскочил и бросился к ней.

– Что такое, Ли?

(Посмотри, как она нелепо бежит, – отметил холодный критический голос. – Как она выбрасывает ноги. Как размахивает руками во все стороны. Это просто *некрасиво*. И еще кудахчет при этом, да, кудахчет.)

– Что случилось, Ли? – кричал Эйб, спеша на помощь.

– Эйб, Эйб... – пролепетала Ли и – трах! – мокрая и холодная, повисла на нем. – Эйб, там какой-то зверь!

– Ничего там нет, – успокаивал ее Эйб. – Наверное, просто какая-нибудь рыба.

– Но у него такая страшная голова!... – зарыдала крошка и уткнулась мокрым носом в грудь Эйба.

Эйб хотел отечески похлопать Ли по плечу, но шлепки по мокрому телу получились бы слишком звучными.

– Ну, ну, – проворчал он, – посмотри, там уже ничего нет.

Ли оглянулась на лагуну.

– Это было ужасно, – прошептала она и вдруг взвизгнула. – Вон... вон... видишь?

К берегу медленно приближалась черная голова, то разевая, то закрывая широкую пасть. Ли издала истерический вопль и сломя голову кинулась прочь.

Эйб был в нерешительности. Бежать за Ли, чтобы она не боялась? Или же остаться здесь и показать ей, что ему не страшен этот зверь? Само собой разумеется, он избрал второе решение. Он

сделал несколько шагов и, остановившись по щиколотку в воде, сжав кулаки, посмотрел зверю в глаза. Черная голова тоже остановилась, странно закачалась и произнесла:

– Тс-тс-тс...

Эйбу стало немного жутко, но ведь нельзя же показывать виду.

– В чем дело? – резко спросил он, обращаясь к голове.

– Тс-тс... – ответила голова.

– Эйб, Эйб, Эйб... – верещала крошка Ли.

– Иду!... – крикнул Эйб и медленно (чтобы никто не подумал) зашагал к своей возлюбленной. По дороге он даже приостановился и бросил строгий взгляд назад.

На берегу, где волны выводят на песке свои вековечные, непрочные узоры, стоял на задних лапах какой-то темный зверь с круглой головой и извивался всем телом. Эйб застыл на месте с бьющимся сердцем.

– Тс-тс-тс... – произнес зверь.

– Эйб! – вопила Ли, близкая к обмороку.

Эйб отступал шаг за шагом, не спуская глаза со зверя. Тот не шевелился и только поворачивал голову вслед за Эйбом.

Наконец Эйб оказался возле крошки, которая лежала ничком на земле и, захлебываясь, всхлипывала от ужаса.

– Это... что-то вроде тюленя, – неуверенно сообщил Эйб. – Надо бы возвратиться на яхту, Ли.

Но Ли только дрожала.

– И вообще тут нет ничего опасного, – твердил Эйб.

Ему хотелось опуститься на колени, склониться над Ли, но он чувствовал себя обязанным рыцарски стоять между нею и зверем. «Был бы я не в одних трусах, – думал он, – да будь у меня хоть перочинный нож... или хоть бы палку какую найти...»

Начало смеркаться. Зверь приблизился еще шагов на тридцать и остановился. А вслед за ним вынырнули из моря пять, шесть, восемь таких же животных и, раскачиваясь, нерешительно засеменили к тому месту, где Эйб сторожил Ли.

– Не смотри, Ли... – прошептал Эйб, но в этом не было надобности, так как Ли не оглянулась бы ни за что на свете.

Из моря выходили, все новые тени и продвигались вперед широким полукругом. "Их уже около шестидесяти, – мысленно подсчитал Эйб. – А это светлое – купальный халат Ли. Халат, в котором она только что спала... Животные тем временем подошли уже к светлому предмету, – который широким пятном выделялся на песке.

И тогда Эйб совершил нечто само собой разумеющееся и в то же время бессмысленное, подобно шиллеровскому рыцарю, который спустился на арену ко львам за перчаткой своей дамы. Ничего не поделаешь, есть такие само собой разумеющиеся и в то же время бессмысленные поступки, которые мужчины будут совершать до тех пор, пока существует мир. Не раздумывая, с высоко поднятой головой и сжатыми кулаками, мистер Эйб Леб вступил в круг зверей, чтобы отнять у них купальный халат крошки Ли.

Звери немного отступили, но не убежали. Эйб поднял халат, перебросил его через руку, как тореадор, и остановился.

– Эйб!... – неслись сзади отчаянные вопли.

Мистер Эйб почувствовал прилив безмерной отваги и силы.

– Ну что? – сказал он зверям и подступил к ним еще на шаг. – Чего вы, собственно, хотите?

– Тс-тс, – зацкал один зверь, а потом каким-то, скрипучим старческим голосом пролаял: – Ноаж!...

– Ноаж!... – отозвались скрипучие голоса немного дальше:

– Ноаж! Ноаж!

– Э-эйб!...

– Не бойся. Ли! – крикнул Эйб.

– Ли!... – залаяло перед ним. – Ли! Ли! Э-эйб!...

Эйбу казалось, что он видит сон.

– В чем дело?

– Ноаж!

– Э-эйб! – стонала Ли. – Иди сюда!

– Сейчас... Вы имеете в виду нож? У меня никакого ножа нет. Я вам ничего не сделаю. Что вы хотите еще?

– Тс-тс, – цыкнул зверь и заковылял к нему.

Эйб, придерживая переброшенный через руку халат, широко расставил ноги, но не отступал.

– Тс-тс, – сказал он. – Чего надо?

Зверь, казалось, протягивал к нему переднюю лапу; это не понравилось Эйбу.

– Что? – спросил он довольно резко.

– Ноаж! – пролаял зверь и выронил из лапы что-то беловатое, похожее на каплю. Но это не было каплей, потому что оно покатилося.

– Эйб! – захлебывалась Ли. – Не оставляй меня здесь!

Мистер Эйб не чувствовал уже никакого страха.

– Прочь с дороги! – сказал он и махнул на зверя купальным халатом.

Зверь поспешно и неуклюже отступил. Теперь Эйб мог удалиться с честью, но пусть Ли увидит, какой он храбрый; и он нагнулся, чтобы рассмотреть то беловатое, что зверь выронил из лапы. Это были три твердых, гладких, матово-блестящих шарика. Мистер Эйб поднес их к глазам, так как уже смеркалось.

– Эйб! – пищала покинутая Ли. – Эйб, Эйб!

– Иду, иду! – крикнул мистер Эйб – Ли, у меня для тебя что-то есть! Ли, Ли, я тебе что-то несу!

Размахивая купальным халатом над головой, мистер Эйб мчался па берегу, как молодой бог. Ли сидела на корточках, вся скорчившись, и дрожала.

– Эйб, – простонала она, стуча зубами. – Как ты можешь... Как ты можешь.

Эйб торжественно преклонил перед ней колена.

– Лили Валлей, морские боги, они же тритоны, пришли воздать тебе почести. Они поручили передать тебе, что, с тех пор как Венера родилась из пены морской, ни одна артистка не производила на них такого впечатления, как ты В знак своего восхищения они посылают тебе. – Эйб протянул к ней руку, – три жемчужины. Смотри.

– Не мели вздор, Эйб! – захныкала Ли.

– Серьезно, Ли! Посмотри же, это настоящий жемчуг!

– Покажи! – простонала Ли и взяла в свои дрожащие пальцы три беловатых шарика. – Эйб, – прошептала она, – ведь это жемчуг! Ты нашел его в песке?

– Но, Ли, крошка моя, жемчуг не водится в песке!

– Водится, – заявила Ли. – И его промывают. Видишь, я говорила, что здесь масса жемчуга!

– Жемчужины растут в таких раковинах под водой, – почти с полной уверенностью сказал Эйб. – Ей-богу, Ли, это тебе принесли тритоны. Они видели, как ты купалась. Они захотели преподнести их тебе лично, но ты так испугалась...

– Да, они такие противные!... – воскликнула Ли. – Эйб, это шикарные жемчужины! Я ужасно люблю жемчуг!

(Вот теперь она красива, – сказал критический голос. – Когда она стоит здесь на коленях и держит жемчужины на ладони – ну... просто хорошенькая, да и все!)

– Эйб, это действительно принесли мне те... те звери?

– Они не звери, крошка. Они морские боги. Называются тритоны.

Ли несколько не удивилась.

– Очень мило с их стороны, правда? Они ужасно симпатичные. Как ты находишь, Эйб, должна я как-нибудь их поблагодарить?

– Ты уже не боишься их?

Ли вздрогнула.

– Боюсь... Эйб, пожалуйста, уведи меня отсюда.

– Тогда слушай, – сказал Эйб – Нам надо добраться до нашей лодки. Идем, и не бойся!
– Но ведь... ведь они стоят на дороге... – стучала зубами Ли. – Эйб, ты не хочешь пойти к ним без меня?

Только не смей оставлять меня здесь одну!

– Я понесу тебя на руках, – героически предложил мистер Эйб.

– Да, так лучше... – прошептала Ли.

– Только надень халат, – буркнул Эйб.

– Сейчас.

Мисс Ли поправила обеими руками свои великолепные золотые кудри.

– Я ужасно растрепана, правда? Эйб, у тебя нет с собой губной помады?

Эйб набросил ей на плечи халат.

– Идем же, Ли.

– Я боюсь... – шептала Ли.

Мистер Эйб взял ее на руки. Ли казалась на вид легонькой, как облачко. «Черт возьми, это тяжелее, чем ты думал, верно? – спросил Эйба холодный критический Голос. – И теперь у тебя обе руки заняты; если эти звери на нас нападут, что тогда?»

– Ты бы не побежал бегом? – предложила Ли.

– Хорошо... – пропыхтел Эйб, с трудом перебирая ногами.

Уже почти совсем стемнело. Эйб приближался к широкому полукругу животных.

– Скорей, Эйб, бегом, бегом!... – шептала Ли.

Животные начали раскачиваться странными волнообразными движениями и извиваться верхней половиной туловища.

– Ну, беги же, беги быстрее! – простонала Ли, истерически дрыгая ногами, и в шею Эйба вонзились ногти, покрытые серебристым лаком.

– Черт возьми, Ли, пусти же! – взвыл Эйб.

– Ноаж! – пролаяло рядом с ним. – Тс-тс-тс! Ноаж! Ли! Ноаж! Ноаж! Ноаж! Ли!

Но они уже миновали страшный полукруг, и Эйб почувствовал, что его ноги погружаются во влажный песок.

– Можешь спустить меня на землю, – прошептала Ли как раз в тот момент, когда у Эйба окончательно отнялись уже и руки и ноги.

Эйб тяжело дышал, отирая локтем пот со лба.

– Иди к лодке! Поживее! – скомандовала крошка Ли.

Полукруг темных теней повернулся теперь лицом к Ли и стал приближаться.

– Тс-тс-тс! Ноаж! Ноаж! Ли!

Но Ли не закричала. Ли не бросилась бежать. Ли подняла руки к небу, и купальный халат соскользнул с ее плеч. Ли, нагая, махала обеими руками колеблющимся теням и посылала им воздушные поцелуи. Ее дрожащие губы слегка искривились, что должно было, очевидно, изображать очаровательную улыбку.

– Вы такие милые, – произнес трепетный голосок, а белые руки снова простерлись к колеблющимся теням.

– Иди помоги мне, Ли, – немного грубо проворчал Эйб, сталкивая лодку в воду.

Ли подняла свой купальный халат.

– До свидания, дорогие мои!

Можно было слышать, как тени шлепают уже по воде.

– Ну же, шевелись, Эйб, – прошептала крошка, пробираясь к лодке. – Они опять здесь?

Мистер Эйб Леб отчаянно напрягал усилия, чтобы столкнуть лодку в воду. А тут еще в нее влезла мисс Ли, махая рукой на прощанье.

– Перейди на другую сторону, Эйб, а то им не видно меня.

– Ноаж! Тс-тс-тс! Эйб!

– Ноаж! Тс, ноаж!

– Тс-тс!

– Ноаж!

Лодка наконец закачалась на волнах. Мистер Эйб вскарабкался в нее и изо всех сил налег на весла. Одним веслом он угодил по чьему-то скользкому телу.

Ли глубоко перевела дух.

– Правда, они ужасно милые? А правда, я *великолепно* провела сцену с ними?

Мистер Эйб изо всех сил греб к яхте.

– Надень халат, Ли, – довольно сухо сказал он.

– Я считаю, что имела *огромный* успех, – констатировала мисс Ли. – А эти жемчужины, Эйб. Как ты думаешь, сколько они стоят?

Мистер Эйб на мгновение перестал грести.

– Я думаю, что ты не должна была показываться им *в таком виде*...

Мисс Ли слегка обиделась.

– Что здесь такого? Сразу видно, Эйб, что ты *не артист*. Гребки, пожалуйста, мне холодно в халате.

7. Яхта в лагуне (Продолжение)

В этот вечер на яхте «Глория Пикфорд» не было личных переживаний, зато шумно проявилось расхождение в научных взглядах. Фред (лояльно поддержанный Эйбом) считал, что это *определенно* какие-то ящеры, тогда как капитан настаивал на млекопитающих. В море не бывает ящеров, горячо утверждал капитан; однако молодые джентльмены из университета не слушали его возражений; ящеры, как-никак, более эффектная сенсация. Крошка Ли удовольствовалась тем, что это были тритоны, что они были просто *шикарны* и что вообще она имела такой успех!... И Ли (в голубой полосатой пижаме, которая *так* нравилась Эйбу) с горящими глазами мечтала о жемчужинах и морских богах. Джэди, конечно, была убеждена, что все это чепуха и враки и Ли с Эйбом все выдумали; она яростно моргала Фреду, чтобы он бросил эти дурацкие разговоры. Эйб считал, что Ли *могла бы* упомянуть о том, как он, Эйб, бесстрашно пошел к этим ящерам за ее купальным халатом; поэтому он уже в третий раз рассказывал, как *замечательно* справилась с ними Ли, пока он, Эйб, спускал лодку на воду, и собрался рассказать это в четвертый раз, но Фред и капитан ничего не слушали, поглощенные страстным спором о ящерах и млекопитающих. (Как будто в самом деле важно, *что именно* там было, подумал Эйб.) В конце концов Джэди зевнула и объявила, что идет спать; она многозначительно посмотрела на Фреда, но Фред как раз вспомнил, что до всемирного потопа существовали такие старые забавные ящеры – как они, черт бы их драл, назывались: диплозавры, бигозавры, или как-то там еще – и они разгуливали, сэр, на задних ногах; Фред сам видел такую забавную научную картинку, сэр, в одной толстой книжке. Замечательная книга, сэр, вам бы надо с ней познакомиться.

– Эйб, – произнесла Ли, – У меня есть *шикарная* идея для фильма.

– А именно?

– Нечто потрясающе новое. Представь себе, что наша яхта потонула, и только я одна спаслась на этом острове. И жила бы, как Робинзон.

– А чем бы вы занимались? – скептически осведомился капитан.

– Купалась бы и вообще, – просто ответила Ли. – И в меня влюбились бы морские тритоны и приносили бы мне жемчужины. Понимаешь, совсем как в действительности! Это может быть видовой и научно-воспитательный фильм, как ты думаешь? Нечто вроде «Торгового флага»⁴⁷.

– Ли права, – решительно заявил Фред. – Надо бы заснять завтра этих ящеров.

– То есть млекопитающих, – поправил его капитан.

– То есть меня, – сказала Ли, – как я стою среди морских тритонов.

– Но в купальном костюме... – поспешил вставить Эйб.

– Я, пожалуй, надену *белый* купальный костюм, – сказала Ли. – А Грета пусть как следует причешет меня. Сегодня я была прямо ужасна!...

– А кто будет снимать?

⁴⁷ «Торговый флаг» – популярный фильм американского режиссера Уильяма фон Дика, выпущенный в 1931 году.

– Эйб. Пусть хоть какая-то польза от него будет. А Джэди придется светить, когда станет темно.

– А Фред?

– У Фреда будет лук и венок на голове, и, когда тритоны захотят меня похитить, он их убьет.

– Покорнейше благодарю, – осклабился Фред. – Но я предпочту револьвер. А как насчет капитана?

Капитан воинственно ощетинил усы.

– Не извольте беспокоиться. Уж я-то знаю, что будет нужно.

– А именно?

– Три человека из экипажа, сэр. И хорошо вооруженных, сэр.

Крошка Ли восхитилась.

– Вы считаете, что это *так* опасно, капитан?

– Я ничего не считаю, – деточка, – буркнул капитан. – Но у меня есть инструкции от мистера Джесса Леба, по крайней мере в отношении мистера Эйба.

Мужчины горячо занялись техническими деталями экспедиции. Эйб мигнул крошке Ли, давая понять, что пора уже ложиться в постель, и все такое прочее. Ли послушно ушла.

– Знаешь, Эйб, – сказала она в своей каюте, – мне кажется, это будет *потрясающий* фильм!

– Да, крошка, – согласился мистер Эйб и собрался ее поцеловать.

– Сегодня нельзя, Эйб, – отстранилась Ли, – ты должен понимать, что мне необходимо ужасно сосредоточиться.

Весь следующий день мисс Ли интенсивно сосредоточивалась, отчего у несчастной камеристки Греты работы было по горло: ванны с очень важными солями и эссенциями, мытье головы, шампунем «Только для блондинок», массаж, педикюр, маникюр, завивка, прическа, утюжка и примерка платьев, перешивание, гримировка и множество, других приготовлений. Джэди, тоже захваченная этой горячкой, помогала Ли. (В трудные минуты женщины проявляют удивительную лояльность друг к другу, например, когда решаются проблемы одевания.) Пока в каюте мисс Ли кипела лихорадочная деятельность, мужчины собрались вместе и, оставив стол пепельницами и бутылками виски, принялись разрабатывать стратегический план – где кто будет стоять и в чем будет заключаться его обязанности, если что-нибудь произойдет; при этом, когда обсуждался вопрос командования, престиж капитана несколько раз подвергался тяжким оскорблениям. Днем на берег лагуны переправили киноаппарат, небольшой пулемет, корзину с провизией и посудой, ружья, граммофон и прочее военное снаряжение, все это было превосходно замаскировано пальмовыми листьями. Еще до захода солнца заняли свои места трое вооруженных людей из экипажа и капитан в качестве верховного главнокомандующего. Потом на берег был доставлен огромный сундук с некоторыми мелочами, могущими понадобиться мисс Лили Валлей. Потом причалил Фред с мисс Джэди. Потом начался закат во всем его тропическом великолепии.

Тем временем мистер Эйб уже в десятый раз стучался в каюту мисс Ли.

– Крошка, теперь уже *действительно* пора!

– Сейчас, сейчас! – отвечала крошка – Пожалуйста, не нервируй меня. Должна же я одеться, не правда ли?

Капитан в это время осматривал позиции. Вон там на гладкой поверхности залива сверкает длинная ровная полоса, отделяющая волнующееся море от тихих вод лагуны. Словно там под водой какая-то плотина или волнорез, подумал капитан; вероятно, это песчаная мель или коралловый риф, но похоже на искусственное сооружение странное место!

Над спокойной гладью лагуны там и сям стали показываться черные головы, которые двигались к берегу. Капитан сжал губы и беспокойно схватился за револьвер. Было бы лучше, мелькнуло у него, если бы женщины оставались на судне!... Джэди начала дрожать и конвульсивно уцепилась за Фреда.

«Какой он сильный, – подумала она, – господи, как я его люблю!»

Наконец от яхты отчалила последняя лодка. В ней – мисс Лили Валлей в белом купальном трико и прозрачном пеньюаре, в котором она, видимо, будет выброшена волнами на берег в каче-

стве потерпевшей кораблекрушение, далее – мисс Грета и мистер Эйб.

– Почему ты так медленно гребешь, Эйб? – упрекнула его Ли.

Мистер Эйб посмотрел на черные головы, продвигающиеся к берегу, и ничего не ответил.

– Тс-тс!

– Тс!

Мистер Эйб вытащил лодку на песок и помог выйти Ли и мисс Грете.

– Беги скорей к аппарату, – прошептала артистка, – и, как только я тебе скажу «пора», начинай крутить.

– Да ведь уже ничего не видно, – возразил Эйб.

– Тогда пусть Джэди даст свет. Грета!...

Пока мистер Эйб занимал свое место у аппарата, артистка распростерлась на песке в позе умирающего лебедя, а мисс Грета поправляла складки ее пеньюара.

– Пусть немного будут видны ноги, – шептала потерпевшая кораблекрушение. – Готово? Ну, марш отсюда! Эйб, пора!

Эйб начал крутить ручку.

– Джэди, свет!

Но никакой свет не зажегся. Из моря вынырнули колеблющиеся тени и стали приближаться к Ли. Грета зажала рот рукой, чтобы не закричать.

– Ли! – крикнул мистер Эйб. – Ли, беги!

– Ноаж! Тс-тс-тс! Ли! Ли! Эйб!

Кто-то спустил предохранитель револьвера.

– К черту! Не стрелять! – прошипел капитан.

– Ли! – надрывался Эйб, перестав снимать. – Джэди, свет!

Ли медленно, томно встает и поднимает руки к небу. Легонький пеньюар соскальзывает с ее плеч. Теперь на песке стоит белоснежная Лили, грациозно вздымая руки над головой, как всегда делают потерпевшие кораблекрушение, приходя в себя после обморока. Мистер Эйб яростно закрутил ручку аппарата.

– Черт возьми, Джэди, дай же свет!

– Тс-тс-тс!

– Ноаж!

– Ноаж!

– Э-эйб!

Черные тени качаются, кружатся вокруг белой Ли.

Стойте, стойте, это уже не игра! Ли уже не вздымает руки над головой, но отталкивает что-то от себя и пищит:

– Эйб, Эйб, оно меня тронуло!

В этот момент вспыхивает ослепительный свет. Эйб стремительно закрутил ручку аппарата, а Фред и капитан с револьверами в руках побежали к Ли, которая сидит на песке, стуча зубами от страха. В то же мгновение при ярком свете видно, как десятки и сотни длинных темных теней во всю прыть, спотыкаясь, спешат к морю. В то же мгновение два матроса набрасывают сеть на одну убегающую тень. В то же мгновение Грета лишается чувств и падает, как мешок. В то же мгновение прозвучали два или три выстрела, море с плеском разверзается, двое матросов лежат на чем-то извивающемся и мечущемся под ними, и свет в руках мисс Джэди гаснет.

Капитан зажег карманный фонарик.

– Деточка, с вами ничего не случилось?

– Оно меня тронуло за ногу, – проскулила крошка. – Фред, это было ужасно!

В это мгновение подбежал и мистер Эйб со своим фонариком.

– Это было замечательно, Ли! – кричал он. – Только

Джэди должна была бы дать свет пораньше.

– Он не зажегся, – пролепетала Джэди, – он ведь не зажегся правда, Фред?

– Она испугалась, – оправдывал ее Фред. – Честное слово, она это сделала не нарочно, верно, Джэди?

Джэди обиделась, но в это время подросли двое матросов, волоча в сети что-то трепещущее, как большая рыба.

– Вот оно, капитан. Живое.

– Сволочь, обрызгало нас чем-то ядовитым. У меня руки сплошь в волдырях, сэр. Адски жжет.

– На меня тоже попало, – простионала мисс Ли. – Посвети, Эйб, посмотри, нет ли волдыря?

– Да нет же, ничего у тебя нет, крошка! – удостоверил Эйб; он едва удержался, чтобы не поцеловать то место над коленом, которое крошка тщательно растирала.

– Какое оно было холодное! Бррр!... – жаловалась Ли.

– Вы потеряли жемчужину, мадам! – сказал один из матросов, подавая Ли шарик, который был подобран на песке.

– Господи, Эйб! – воскликнула мисс Ли. – Они опять принесли мне жемчуг! Дети, давайте искать жемчуг! Эти бедняжки, наверное, принесли мне массу жемчужин. Ну, разве они не прелесть, Фред? Вот еще жемчужина!

– И еще!

Три фонарика направили круги света на землю.

– Я нашел одну громадную!

– Она моя! – объявила Ли.

– Фред! – ледяным тоном позвала мисс Джэди.

– Сейчас! – отозвался мистер Фред, ползая по песку на коленях.

– Фред, я хочу вернуться на яхту!

– Кто-нибудь отвезет тебя! – сказал Фред, занятый делом.

– Черт, вот потеха!

Трое мужчин и мисс Ли продолжали копошиться в песке, как большие светлячки.

– Вот еще три жемчужины! – провозгласил капитан.

– Покажите, покажите! – в восторге завизжала Ли и устремилась на коленях к капитану.

В этот момент вспыхнул магний и затрещал киноаппарат.

– Ну вот, теперь вы запечатлены, – мстительно объявила Джэди. – Получится замечательное фото для газет. Компания Американцев Ищет Жемчуг! Морские Ящеры Кидают в Людей Жемчужинами!

Фред сел на песок.

– Клянусь богом, Джэди права! Дети, мы обязаны послать это в газеты!

Ли тоже села.

– Джэди, душечка Джэди, сними нас еще раз, только спереди!

– Ты бы много потеряла, милочка! – возразила Джэди.

– Дети, – сказал мистер Эйб, – давайте лучше искать. А то начинается прилив.

Во тьме, у линии воды, зашевелилась черная колеблющаяся тень. Ли взвизгнула

– Там... там...

Три фонарика направили круги света в ту сторону.

Но это оказалась всего лишь коленопреклоненная Грета, которая искала в темноте жемчуг.

Ли держала на коленях капитанскую фуражку с двадцатью одной жемчужиной. Эйб наполнил рюмки, а Джэди меняла пластинки на граммофоне. Необытная звездная ночь простирала свой покров над вечно ропшущим морем.

– Так какой же мы дадим заголовок? – шумел Фред.

– *"Дочь промышленника из Милуоки снимает для фильма ископаемых ящеров!"*

– *«Допотопные пресмыкающиеся поклоняются красоте и молодости»*, – поэтически предложил Эйб.

– *«Яхта „Глория Пикфорд“ открывает неведомые существа»*, – посоветовал капитан. – Или *«Загадка острова Тахуара»*.

– Это годилось бы только как подзаголовок, – сказал Фред. – Заголовок должен говорить больше.

– Скажем: *«Фред-бейсболист воюет с чудовищами»*, – отозвалась Джэди. – Фред был прямо замечателен, когда устремился на них. Только бы это хорошо вышло на пленке.

Капитан откашлялся.

– Я, собственно, бросился туда первым, мисс Джэди? Но не будем говорить об этом. Я считаю, господа, что заголовок должен быть научным. Трезвым и... одним словом, научным: *«Предлювиальная фауна на Тихоокеанском острове»*.

– Предлидувиальная, – поправил Фред. – Нет, предвидуальная, черт, как же это? Антилювиальная. Антедувиальная. Нет, не годится. Надо дать какой-нибудь более простой заголовок, чтобы каждый мог выговорить. Ну, Джэди, ты же у нас на все руки мастер!...

– Антедилувиальная, – сказала Джэди.

Фред покачал головой.

– Слишком длинно, Джэди. Длиннее, чем те чудища, вместе с хвостом. Заголовок должен быть краткий. Но Джэди прямо изумительна, правда? Скажите, капитан, разве она не замечательна?

– Да, – согласился капитан, – превосходная барышня.

– Вы – славный парень, капитан, – признательно сказал молодой атлет. – Ребята, наш капитан – молодчина! Но предлювиальная фауна – это чушь. Это не газетный заголовок. Скорее уж *«Влюбленные на острове жемчужин»* или что-нибудь в этом роде.

– *«Тритоны осыпают жемчугом Белую Лилию!»* – крикнул Эйб.

– *«Дань Посейдонов а царства!»*, *«Новая Афродита!»*

– Чушь!... – возмущенно запротестовал Фред. – Никаких тритонов никогда не было. Это, брат, научно установленный факт. И никакой Афродиты тоже не было. Правда, Джэди?... *«Сражение людей с древними ящерами! Отважный капитан кидается на допотопных чудовищ!»* Понимаешь, в заголовке должна быть изюминка!

– Экстренный выпуск!... – голосил Эйб., – *«Киноартистка подверглась нападению морских чудовищ! Sex appeal⁴⁸ современной женщины побеждает первобытных ящеров! Вымершие пресмыкающиеся предпочитают блондинок!»*

– Эйб! – произнесла Ли. – У меня есть идея...

– Какая?

– Для фильма. Получится шикарная штука, Эйб. Представь себе, что я купаюсь на берегу моря...

– Белое трико тебе страшно идет, Ли!... – поспешно вставил Эйб.

– Да?... Ну, и тритоны влюбились в меня и утащили на дно морское. И я стала их королевой.

– На дне морском?

– Да, под водой. В их таинственном царстве, понимаешь? У них ведь там есть города и вообще все.

– Крошка, но ты ведь утонешь!

– Не бойся, я умею плавать, – беззаботно возразила Ли. – И только один раз в день я выплывала бы на берег подышать воздухом. – Ли изобразила упражнения для дыхания, сочетающие выпячивание груди с плавными движениями рук. – Примерно так, понимаешь? А на берегу в меня влюбится... хотя бы молодой рыбак. А я в него. Безумно!... – вздохнула крошка. – Знаешь, он был бы такой красивый и сильный... А тритоны захотят его утопить, но я бы его спасла, и мы удалились бы в его хижину. А тритоны будут осаждать нас... Ну, а потом уж на помощь явитесь вы.

– Ли, – серьезно сказал Фред, – это до того глупо, что, ей-богу, это можно снять. Я буду просто удивлен, если старый Джесс не сделает из этого грандиозный фильм.

Фред оказался прав. В свое время был сделан грандиозный фильм производства «Джесс Леб Пикчер»: мисс Лили Валлей в главной роли. Кроме нее, в фильме было занято шестьсот nereid, один Нептун и двенадцать тысяч статистов, наряженных допотопными ящерами. Но пока до этого дошло, утекло много воды и совершилось много событий, а именно:

1. Захваченное животное, помещенное в ванне в туалетной каюте Ли, в течение двух дней

⁴⁸ Зов пола (англ...)

пользовалось живейшим вниманием всего общества; на третий день оно перестало двигаться, и мисс Ли утверждала, что бедняжка тоскует; на четвертый день оно начало издавать зловоние, и пришлось его выбросить, так как разложение зашло уже довольно далеко.

2. Из кадров, снятых на берегу лагуны, годными оказались только два. На первом – Ли, присев от страха на карточки, машет руками на обступивших ее животных. Все утверждали, что это шикарный снимок. На втором можно было видеть, как трое мужчин и одна девушка ползают на коленях, уткнувшись носом в землю; они были сняты сзади и производили впечатление людей, поклоняющихся какому-то божеству. Этот кадр был отвергнут.

3. Что касается намеченных газетных заголовков, то сотни американских и всяких других газет, еженедельников и ежемесячников использовали почти все из них (в том числе и «антедиллювиальную фауну»); под этими заголовками описывалось все происшествие в мельчайших подробностях и с многочисленными иллюстрациями, как то: крошка Ли среди ящеров, отдельно – Ли в купальном костюме, отдельно – ящер в ванне, мисс Джэди, мистер Эйб Леб, Фред-бейсболист, капитан яхты, отдельно – яхта «Глория Пикфорд», отдельно – остров Тараива, отдельно – жемчужины на черном бархате. Тем самым карьера крошки Ли была обеспечена; она даже категорически отказалась выступить в варьете и заявила газетным репортерам, что намерена посвятить себя исключительно Искусству.

4. Нашлись, однако, люди, которые, опираясь на свой авторитет ученых–специалистов, утверждали, что – насколько можно судить по снимкам – речь идет отнюдь не о первобытных ящерах, а о каком-то виде саламандр. Еще более крупные специалисты утверждали даже, что этот вид саламандр науке неизвестен, а следовательно, и не существует. В печати происходили по этому поводу долгие споры, конец которым положил профессор Дж. У. Гопкинс (Иэльский университет), заявивший, что он изучил представленные снимки и считает их мистификацией (hoax) или кинотрюком; изображенные на них животные несколько напоминают исполинскую саламандру, скрытожаберную (*Cryptobranchus japonicus*, *Sieboldia maxima*, *Tritomegas Sieboldii* или *Megalobatrachus Sieboldii*), но это неточная и неумелая, дилетантская подделка. После этого заявления научная сторона вопроса довольно долго считалась исчерпанной.

5. Наконец по прошествии подходящего срока мистер Эйб Леб женился на мисс Джэди. Его лучший друг, Фред-бейсболист, был шафером на его свадьбе, отпразднованной с величайшей пышностью при участии многочисленных выдающихся представителей политических, артистических и иных кругов.

8. Andrias Scheuchzeri

Человеческая любознательность не имеет границ. Людям было недостаточно того, что профессор Дж. Гопкинс (Иэльский университет), величайший в то время авторитет в области науки о земноводных, объявил эти загадочные существа антинаучным вздором и сплошной выдумкой. В научных изданиях и в газетах стали все чаще и чаще встречаться известия о появлении в самых различных районах Тихого океана неведомых доселе животных, похожих на исполинскую саламандру. По более или менее достоверным данным, этих животных можно было найти на Соломоновых островах, на острове Шоутена, на Кампингамаранги, Бутарита и Тапетеуэа, на группе островков Нукуфетау, Фунафути, Нуканоно и Фукаофу, наконец даже на Хиау, Уахука, Уапу и Пукапука. Приводились рассказы о чертях капитана ван Тоха (распространенные главным образом в Меланезии), и о тритонах мисс Лили (чаще всего упоминаемых в Полинезии); газеты (больше потому, что наступил летний сезон и не о чем было писать) решили, что речь идет о разных видах допотопных подводных страшилищ. Подводные страшилища пользовались значительным успехом у читателей. Тритоны вошли в моду особенно в Соединенных Штатах; в Нью-Йорке выдержало триста представлений роскошно поставленное обозрение «Посейдон» с участием трехсот самых хорошеньких тритонид, nereid и сирен; в Майами и на калифорнийских пляжах молодежь купалась в костюмах тритонов и nereid (три нитки жемчуга и больше ничего), а в Центральных штатах и штатах Среднего Запада необычайно разрослось «Движение за искоренение безнравственности (ДИБ)»; дело дошло до публичных манифестаций, причем несколько негров было повешено и

несколько сожжено.

Наконец в «Национальном географическом ежемесячнике» появился бюллетень научной экспедиции Колумбийского университета (организованной на средства Дж. С. Тинкера, так называемого «консервного короля»); сообщение подписали П. Л. Смит, В. Клейншмидт, Чарльз Ковар, Луи Форжерон и Д. Эрреро, то есть мировые знаменитости в области рыбьих паразитов, кольчатых червей, биологии растений, инфузорий и тлей. Приводим выдержки из этого обширного сообщения:

"...На острове Ракаханга экспедиция наткнулась на следы задних ног неизвестной до сих пор исполинской саламандры. Отпечатки – пятипалые, длина пальцев от трех до четырех сантиметров. Судя по количеству следов, побережье острова Ракаханга, видимо, кишмя кишит этими саламандрами. Так как отпечатков передних ног не оказалось (за исключением одного четырехпалого следа, принадлежащего, очевидно, детенышу), то экспедиция пришла к выводу, что эти саламандры передвигаются, вероятно, на задних конечностях. Надо отметить, что на островке Ракаханга нет ни реки, ни болота; саламандры, следовательно, живут в море и являются, вероятно, единственными представителями своего вида, населяющими пелагические области. Известно, впрочем, что мексиканские аксолотли (*Amblystoma mexicanum*) обитают в соленых озерах, однако о пелагических (то есть живущих в море) саламандрах мы не находим упоминания даже в классическом труде В. Корнгольда «Хвостатые земноводные (*Urodela*)», Берлин, 1913.

...Мы ждали до вечера, желая поймать или хотя бы увидеть живой экземпляр, но напрасно. С сожалением покинули мы прелестный островок Ракаханга, где Д. Эрреро посчастливилось найти прекрасную новую разновидность клопа...

Гораздо больше повезло нам на острове Тонгарева. Мы ждали на берегу с ружьями в руках. После захода солнца из воды показались головы саламандр – сравнительно крупные и умеренно сплюснутые. Вскоре саламандры вылезли на песок; они раскачивались при ходьбе, но довольно быстро передвигались на задних ногах. В сидячем положении их рост немного превышал метр. Они расселись широким полукругом и начали извиваться своеобразным движением, в котором участвовала только верхняя половина тела; казалось, будто они танцуют. В. Клейншмидт встал, чтобы лучше видеть. Тогда саламандры повернули к нему головы и на мгновение совершенно замерли; потом стали приближаться к нему с большой быстротой, издавая свистящие и лающие звуки. Когда они были на расстоянии примерно семи шагов, мы выстрелили в них из ружей. Они обратились в поспешное бегство и бросились в море; в тот вечер они больше не показывались. На берегу остались только две мертвые саламандры и одна с перебитым позвоночником, издававшая своеобразные звуки, вроде «божемой, божемой, божемой». Она издохла, когда В. Клейншмидт вскрыл ей грудную клетку...

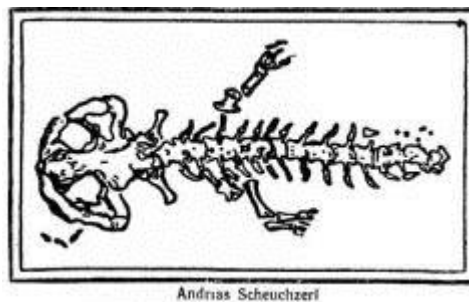
(Далее следуют анатомические подробности, которых мы, профаны, все равно не поняли бы; читателей-специалистов мы отсылаем к цитируемому бюллетеню)

Как явствует из приведенных данных, речь идет о типичном представителе отряда хвостатых земноводных (*Urodela*), к которому, как известно, принадлежит семейство саламандр (*Salamandridae*), подразделяющееся на род тритонов (*Intones*) и черных саламандр (*Salamandrae*), а также семейство головастиковых саламандр (*Jchthyoidea*), подразделяющихся на саламандр скрытожаберных (*Cryptobranchiata*) и прозрачножаберных (*Phanerobranchiata*). Саламандра, обнаруженная на острове Тонгарева, находится, по-видимому, в наиболее близком родстве с головастиковыми саламандрами скрытожаберными, во многих отношениях, особенно своими размерами, она напоминает японскую исполинскую саламандру (*Megalobatrachus Sieboldi*) или американского скрытожаберника, прозванного «болотный черт», но отличается от них хорошо развитыми органами чувств, а также более длинными и сильными конечностями, которые позволяют ей передвигаться проворно как в воде, так и на суше.

(Следуют дальнейшие подробности из области сравнительной анатомии)

Когда мы отпрепарировали скелеты убитых животных, то обнаружили любопытнейшую вещь оказалось, что скелеты этих саламандр почти полностью совпадают с отпечатком скелета ископаемой саламандры, который был найден на каменной плите в энингенских каменоломнях д-

ром Иоганном Якобом Шейхцером" ⁴⁹ – и описан им в его сочинении «Homo diluvii testis» ⁵⁰, изданном в 1726 году. Напоминаем менее осведомленным читателям, что названный д-р Шейхцер считал свою находку останками *допотопного человека*.

«Помещаемый здесь рисунок, – писал он, – который я предлагаю ученому миру в виде изящно исполненной гравюры на дереве, бесспорно и вне всяких сомнений изображает человека, бывшего свидетелем всемирного потопа; здесь нет ни одной линии, которая нуждалась бы в буйном воображении, дабы, отправляясь от нее, измыслить нечто подобное человеку; но везде имеется полное соответствие с отдельными частями человеческого скелета и полная соразмерность. Окаменелый человек виден здесь спереди; сие – памятник вымершего человечества, более древний, чем все римские, греческие и даже египетские и все вообще восточные гробницы». Впоследствии Кювье распознал в энингенском отпечатке скелет окаменелой саламандры, которая получила название *Cryptobranchus primaevus* или *Andrias Scheuchzen Tschudi* и считалась представительницей давно вымершего вида. Путем остеологического сравнения нам удалось установить идентичность найденной нами саламандры с якобы вымершей древней саламандрой *Andrias*. Таинственный пращер, как его называли в газетах, *есть не что иное, как ископаемая скрытожаберная саламандра Andrias Scheuchzen*, или, если нужно новое название, – *Cryptobranchus Tinckeri erectus*, она же Исполинская саламандра полинезийская...

...Остается загадкой, каким образом эта интересная исполинская саламандра ускользала до сих пор от внимания науки, несмотря на то, что по крайней мере на островах Ракаханга, Тонгарева и на группе островов Манихики она водится в огромном количестве. Даже Рандолиф и Монтгомери в своем труде «Два года на островах Манихики» (1885) не упоминают о ней. Местные жители утверждают, что это животное (которое они, между прочим, считают ядовитым) впервые появилось здесь лишь шесть-восемь лет тому назад. Они уверяют, будто «морские черти» умеют говорить (!) и строят в населенных ими бухтах целые системы насыпей и плотин наподобие подводных городов, будто в их бухтах вода в течение всего года бывает такой же спокойной, как в аквариуме, будто они роют для себя под водой норы и проходы длиною в десятки метров, где и находятся в течение дня, а ночью якобы воруют на полях сладкие бататы и ямс, а также похищают у людей мотыги и другие орудия. Вообще люди их не любят и даже боятся; во многих случаях жители предпочли перебраться в другие места. Здесь мы явно имеем дело с примитивными сказками и поверьями, объясняемыми, пожалуй, отвратительным видом безобидных исполинских саламандр и тем, что они ходят на двух ногах, несколько напоминая этим человека...

С большой осторожностью следует относиться к сообщениям путешественников, согласно которым эти саламандры обнаружены еще и на других островах, кроме Манихики. Зато в отпечатке задней ноги, который был найден на берегу острова Тонгатабу капитаном Круассье (снимок опубликован в «Ля Натюр»), можно без всяких колебаний признать след *Andrias'a Scheuchzeri*. Эта находка имеет особо важное значение, так как она устанавливает связь между островами Манихики и австралийско-новозеландским районом, где сохранилось столько остатков древнейшей фауны

⁴⁹ Иоганн Якоб Шейхцер (1672 – 1732) – швейцарский естествоиспытатель, геолог и палеонтолог, открытие, о котором говорится в тексте сделано Шейхцером в 1700 году

⁵⁰ «Человек, современный потопу» (лат)

ны; напомним, в частности, «допотопного» ящера (гаттерию или таутару), до сих пор живущего на острове Стивена. На таких пустынных, по большей части малонаселенных и почти не затронутых цивилизацией островках могли сохраниться отдельные экземпляры тех видов животных, которые в других местах уже вымерли. К ископаемому ящеру (гаттерии) благодаря мистеру Дж. С. Тинкеру прибавилась ныне допотопная саламандра. Славный д-р Иоганн Якоб Шейхцер мог бы увидеть теперь воскресение своего энингенского Адама..."

Этого ученого бюллетеня, несомненно, было бы достаточно для исчерпывающего выяснения вопроса о загадочных морских чудовищах, которые вызвали столько Толков. К несчастью, одновременно с ним появилось сообщение голландского исследователя Хогенхука, который отнес эту скрытожаберную исполинскую саламандру к семейству истинных саламандр или тритонов под названием *Megatriton moluccanus* и определил область ее распространения на принадлежащих Голландии островах Зондского архипелага – Джиллоло, Моротай и Церам; затем был напечатан доклад французского ученого д-ра Миньяра, который, признав новое животное типичной саламандрой, указал, что родиной ее являются принадлежащие Франции острова Такароа, Рангиороа и Ра-роа, и назвал ее просто-напросто *Cryptobranchus salamandroides*; далее была опубликована статья Г. У. Спенса, объявившего этих саламандр новым семейством *Pelagidae*, а острова Джильберта – их родиной; этот ученый дал новому виду саламандр научное наименование *Pelagotriton Spencei*. Мистеру Спенсу удалось доставить один живой экземпляр в лондонский зоологический сад; здесь саламандра стала предметом дальнейших исследований, вследствие чего обрела новые названия – *Pelagobatrachus Hookeri*, *Salamandrops maritimus*, *Abranchus giganteus*, *Amphiuma gigas* и многие другие. Некоторые ученые утверждали, что *Pelagotriton Spencei* тождествен с *Cryptobranchus Tinckeri* и что саламандра Миньяра не что иное, как *Andrias Scheuchzeri*. В связи с этим возникло много споров о приоритете и прочих чисто научных вопросах. В результате получилось так, что естествознание каждой страны отстаивало собственных исполинских саламандр и с яростным ожесточением отвергало исполинских саламандр других наций. Из-за этого наука так и не достигла достаточной ясности в чрезвычайно важном – вопросе о саламандрах.

9. Эндрью Шейхцер

Как-то раз в четверг, когда лондонский зоологический сад был закрыт для публики, мистер Томас Греггс, сторож в павильоне земноводных, чистил бассейн и террарии своих питомцев. Он находился в полном одиночестве в отделении саламандр, где были выставлены американский скрытожаберник, японская исполинская саламандра, *Andrias Scheuchzeri* и множество мелких тритонов, саламандрид, аксолотлей, угрей, сирен, протеев и т. д. Мистер Греггс орудовал тряпкой и шваброй, насвистывая песенку об Энни-Лори, как вдруг кто-то сзади произнес скрипучим голосом:

– Смотри, мама!

Мистер Томас Греггс оглянулся, но там никого не было; только скрытожаберник пощелкивал языком, сидя в своей тине, да большая черная саламандра, этот Андреас, опиралась передними лапками о край бассейна и вертела туловищем. «Это мне показалось», – подумал мистер Греггс и продолжал мести пол с таким усердием, что пыль столбом стояла.

– Смотри: саламандра! – раздалось сзади.

Мистер Греггс быстро обернулся; черная саламандра, этот Андриас, смотрел на него, мигая нижними веками.

– Бррр! Ну, и противный же!... – сказала вдруг саламандра. – Пойдем отсюда, дружок!

Мистер Греггс раскрыл рот от изумления.

– Что?

– Он не кусается? – проскрипела саламандра.

– Ты... ты умеешь говорить? – запинаясь, пробормотал мистер Греггс, не веря своим ушам.

– Я боюсь его, – заявила саламандра. – Мама, что он ест?

– Скажи «здравствуйте», – произнес ошеломленный мистер Греггс.

Саламандра завертела всем туловищем.

– Здравствуйте!... – закрипела она. – Здравствуйте! Здравствуйте! Можно дать ему булочку?

Мистер Греггс в смятении полез в карман и вытащил оттуда кусок булки.

– На вот тебе...

Саламандра взяла булку в лапку и начала ее грызть.

– Смотри: саламандра!... – удовлетворенно похрюкивала она. – Папа, почему она такая черная?

Вдруг она нырнула в воду, выставив одну голову.

– Почему она в воде? Почему? У-у, какая противная.

Мистер Томас Греггс удивленно почесал затылок. Ага, она повторяет то, что слышала от людей.

– Скажи «Греггс», – попробовал он.

– Скажи Греггс, – повторила саламандра.

– Мистер Томас Греггс.

– Мистер Томас Греггс.

– Здравствуйте, сэр!

– Здравствуйте, сэр. Здравствуйте. Здравствуйте.

Казалось, саламандра не может наговориться вдоволь; но Греггс уже не знал, что бы сказать ей еще; мистер Томас Греггс был человеком не слишком красноречивым.

– Помолчи пока, – сказал он, – вот справлюсь с работой, поучу тебя говорить.

– Помолчи пока, – проворчала саламандра. – Здравствуйте, сэр. Смотри: саламандра. Поучу тебя говорить...

Дирекция зоологического сада бывала недовольна, когда сторожа учили своих животных каким-нибудь штукам; ну, слон – куда ни шло, но остальные животные находятся здесь для образовательных целей, а не для того, чтобы давать представления, как в цирке. Вот почему мистер Греггс облакал свои визиты в отделение саламандр покровом тайны, выбирая часы, когда там уже никого не оставалось. А так как он был вдов, то никто не удивлялся его затворничеству в павильоне земноводных. У каждого человека свои причуды. К тому же отделение саламандр мало посещалось публикой. Крокодил еще пользовался широкой популярностью, но Andrias Scheuchzeri проводил дни в относительном одиночестве.

Однажды, когда уже наступили сумерки и павильоны закрывались, директор зоологического сада, сэр Чарли Витгэм, обходил некоторые отделения, чтобы проверить, все ли в порядке. Когда он проходил по отделению саламандр, в одном из бассейнов послышался плеск воды и кто-то скрипучим голосом произнес:

– Добрый вечер, сэр!

– Добрый вечер, – удивленно ответил директор. – Кто там?

– Извините, сэр, – сказал скрипучий голос. – Вы не мистер Греггс.

– Кто там? – повторял директор.

– Энди. Эндрию Шейхцер...

Сэр Чарльз подошел поближе к бассейну. Там была только саламандра, неподвижно стоявшая на задних лапах.

– Кто здесь разговаривал?

– Энди, сэр, – сказала саламандра. – А вы кто?

– Витгэм, – произнес сэр Чарльз, – вне себя от изумления.

– Очень приятно, – учтиво молвил Энди. – Как поживаете?

– Что за черт! – взревел сэр Чарльз. – Греггс! Э-эй, Греггс!

Саламандра вздрогнула и молниеносно скрылась под водой. В дверях появился запыхавшийся и взволнованный мистер Греггс.

– Да, сэр?

– Что это значит, Греггс? – крикнул сэр Чарльз.

– Что-нибудь случилось, сэр? – беспокожно пробормотал мистер Греггс.

– Это животное разговаривает!

– Извините, сэр, – удрученно ответил мистер Греггс. – Нельзя этого делать, Энди. Я вам тысячу раз говорил, что вы не должны надоедать людям своими разговорами. Прошу прощения, сэр, больше это не повторится.

– Это вы научили саламандру говорить?

– Но... она начала первая, сэр, – оправдывался Греггс.

– Надеюсь, что больше этого не будет, Греггс, – строго сказал сэр Чарльз. – Я прослежу за вами.

Спустя некоторое время сэр Чарльз сидел с профессором Петровым, беседуя о так называемом интеллекте животных, об условных рефлексах и о том, как широкая публика переоценивает умственные способности животных. Профессор Петров высказал свои сомнения насчет эльберфельдских лошадей, которые якобы умели не только считать, но даже возводить в степень и извлекать корни; ведь даже средний образованный человек не умеет извлекать корни, заметил ученый. Сэр Чарльз вспомнил о говорящей саламандре Греггса...

– У меня здесь есть саламандра... – нерешительно начал он. – Это знаменитый Andrias Scheuchzeri... ну, и она... научилась говорить, как попугай.

– Исключено, – возразил ученый. – У саламандр неподвижно приросший язык.

– Пойдемте посмотрим, – возразил сэр Чарльз. – Сегодня день чистки, так что там будет мало народу.

И они пошли. У входа к саламандрам сэр Чарльз остановился. Изнутри доносился скрип швабры и монотонный голос, читающий по слогам.

– Подождите, – прошептал сэр Чарльз Виггэм.

– «Есть ли на Марсе люди?» – тянул по слогам монотонный голос. – Читать это?

– Что-нибудь другое, Энди, – ответил другой голос.

– «Кто возьмет дерби в нынешнем году – Пелгэм-Бьюти или Гобериадор?»

– Пелгэм-Бьюти, – сказал второй голос, – но все-таки прочтите это.

Сэр Чарльз потихоньку открыл дверь. Мистер Томас Греггс тер пол шваброй, а в аквариуме с морской водой сидел Andrias– Scheuchzeri и медленно, скрипучим голосом читал по слогам вечернюю газету, держа ее в передних лапах.

– Греггс! – позвал сэр Чарльз.

Саламандра метнулась и исчезла под водой. Мистер Греггс от испуга выронил швабру.

– Да, сэр?

– Что это значит?

– Прошу прощения, сэр, – пробормотал, запинаясь, несчастный Греггс. – Энди читает мне, пока я подметаю. А когда он подметает, я читаю ему...

– Кто его научил?

– Это он сам подглядел, сэр... я... я даю ему свои газеты, чтобы он не болтал столько. Он все время хочет говорить, сэр. И я подумал, – сэр, пусть он по крайней мере научится говорить, как образованные люди.

– Энди! – позвал сэр Чарльз.

Из воды вынырнула черная голова.

– Да, сэр? – проскрипела она.

– На тебя пришел посмотреть профессор Петров.

– Очень приятно, сэр. Я – Энди Шейхцер.

– Откуда ты знаешь, что тебя зовут Andrias Scheuchzeri?

– Здесь написано, сэр. Андреас Шейхцер. Острова Джильберта.

– И часто ты читаешь газеты?

– Да, сэр. Каждый день, сэр.

– А что тебя больше всего интересует?

– Судебная хроника, бега и скачки, футбол...

– Ты когда-нибудь видал футбол?

– Нет, сэр.

- А лошадей?
- Не видал, сэр.
- Почему же ты читаешь это?
- Потому, что это есть в газетах, сэр.
- Политика тебя не интересует?
- Нет, сэр. *«Будет ли война?»*
- Этого никто не знает, Энди.
- *"Германия готовит новый тип подводных лодок, – озабоченно выговорил Энди. – Лучи смерти могут превратить в пустыню целые континенты"...*
- Это ты тоже прочел в газетах, а? – спросил сэр Чарльз.
- Да, сэр. *«Кто возьмет дерби в нынешнем году – Пелгэм-Бьюти или Гобернадор?»*
- А ты как думаешь, Энди?
- Гобернадор, сэр; но мистер Греггс считает, что Пелгэм-Бьюти. – Энди покачал головой. – *"Покупайте английские товары", сэр. «Подтяжки Снайдера – самые лучшие. Приобрели ли вы уже новый шестицилиндровый танкред-юниор? Быстроходный, дешевый, элегантный».*
- Спасибо, Энди, хватит.
- *"Какая киноартистка нравится вам больше всех?"*
- Профессор Петров взъерошил волосы и ощетинил усы.
- Простите, сэр Чарльз, – проворчал он, – но мне пора идти.
- Хорошо, идемте. Энди, ты не будешь возражать, если я направлю к тебе нескольких ученых джентльменов? Я думаю, они охотно поговорят с тобой.
- Буду очень рад, сэр, – проскрипела саламандра. – До свидания, сэр Чарльз! До свидания, профессор!
- Профессор Петров торопливо шел, раздраженно фыркая и что-то ворча себе под нос.
- Простите, сэр Чарльз, – сказал он наконец, – но не можете ли вы показать мне какое-нибудь животное, которое *не читает газет?*...

Ученые джентльмены – это были доктор медицины сэр Бертрэм Д. М., профессор Эбиггэм, сэр Оливер Додж, Джолиан Фоксли и другие. Приводим выдержку из стенограммы их беседы с Andrias'ом Scheuchzeri.

- *"Как вас зовут?"*
- *Эндрью Шейхцер.*
- *Сколько вам лет?*
- *Не знаю. Хотите иметь молодежавый вид? Носите корсет Либелла.*
- *Какой сегодня день?*
- *Понедельник. Отличная погода, сэр. В эту субботу на скачках в Инсоме побежит Гибралтар.*
- *Сколько будет трижды пять?*
- *Для чего это?*
- *Считать умеете?*
- *Да, сэр. Сколько будет двадцать девять на семнадцать?*
- *Предоставьте спрашивать нам, Эндрью. Назовите английские реки.*
- *Темза.*
- *А еще?*
- *Темза.*
- *Других не знаете? Кто царствует в Англии?*
- *Король Георг. Да хранит его бог!*
- *Хорошо, Энди! Кто величайший английский писатель?*
- *Киплинг.*
- *Очень хорошо. Вы читали что-нибудь из его произведений?*
- *Нет. Как вам нравится Мэй Уэст⁵¹?*

⁵¹ Мей Уэст (р. В 1892 г.) – известная американская опереточная и драматическая актриса, одна из звезд Голливуда;

- Лучшие мы будем спрашивать вас, Энди. Что вы знаете из английской истории?
- "Генриха Восьмого"⁵²
- Что вы о нем знаете?
- Наилучший фильм последних лет. Феерическая постановка. Изумительное зрелище.
- Вы видели этот фильм?
- Не видел. Хотите узнать Англию? Купите форд-малютку.
- Что вы больше всего хотели бы видеть, Энди?
- Гребные гонки Кэмбридж-Оксфорд, сэ.
- Сколько есть частей света?
- Пять.
- Очень хорошо. Назовите их.
- Англия и остальные.
- Назовите остальные.
- Это большевики и немцы. И Италия.
- Где находятся острова Джильберта?
- В Англии. Англия не станет связывать себе руки на континенте. Англии необходимы десять тысяч самолетов. Посетите южный берег Англии.
- Разрешите осмотреть ваш язык, Энди?
- Да, сэ. Чистите зубы пастой «Флит». Самая экономная. Наилучшая из всех. Английская продукция. Хотите, чтобы у вас хорошо пахло изо рта? Пользуйтесь пастой «Флит».
- Спасибо. Хватит. А теперь скажите нам, Энди..."

И так далее. Стенограмма беседы с Andrias'ом Scheuchzeri занимала шестнадцать полных страниц и была опубликована «Нэчурэл Сайнс».

В конце стенограммы комиссия экспертов следующим образом формулировала результаты произведенного ею освидетельствования:

"1. Andrias Scheuchzen, саламандра, содержащаяся в лондонском зоологическом саду, умеет говорить, хотя и несколько скрипучим голосом; располагает приблизительно четырьмястами слов; говорит только то, что слышала или читала. Само собой разумеется, что о самостоятельном мышлении у нее не может быть и речи. Язык у нее достаточно подвижный; голосовые связи мы при данных обстоятельствах не могли исследовать более подробно.

2. Названная саламандра умеет читать, но только вечерние газеты. Интересуется теми же вопросами, что и средний англичанин, и реагирует на них подобным же образом, то есть в соответствии с общепринятыми, традиционными взглядами. Ее духовная жизнь – поскольку можно говорить о таковой – ограничивается мнениями и представлениями, распространенными в настоящий момент среди широкой публики.

3. «Ни в коем случае не следует переоценивать ее интеллект, так как он ни в чем не превосходит интеллект среднего человека наших дней».

Несмотря на этот трезвый вывод экспертов, Говорящая Саламандра сделалась сенсацией лондонского зоологического сада. «Душку Энди» осаждали толпы людей, жаждущих побеседовать с ним на всевозможнейшие темы, начиная от погоды и кончая экономическим кризисом и политической ситуацией. При этом Энди получал от своих посетителей столько конфет и шоколада, что заболел тяжелой формой желудочного и кишечного катара. В конце концов пришлось закрыть доступ в отделение саламандр, но было уже поздно. Andrias Scheuchzeri, известный под именем Энди, пал жертвой своей популярности. Как видно, слава деморализует даже саламандр.

10. Праздник в Новом Страшеце

автор пьесы «Sex».

⁵² "Генрих восьмой" – "Частная жизнь Генриха VIII" – реакционно-монархический кинобоевик, Поставленный в 1933 году английским режиссером Александром Корда.

Пан Повондра, швейцар в доме Бонди, на сей раз проводил отпуск в своем родном городе. Завтра должен был быть храмовой праздник, и когда пан Повондра вышел из дому, держа за руку своего восьмилетнего Франтика, то по всему Новому Страшецу пахло свежесдобными пирогами, а на улицах мелькали женщины и девушки, спешившие отнести к пекарю приготовленное тесто. На площади уже поставили свои ларьки два кондитера, торговец стеклянными и фарфоровыми изделиями и голосистая дама, продававшая всевозможные галантерейные товары. Был там еще балаган, закрытый со всех сторон брезентовыми полотнищами. Маленький человек, стоя на лесенке, как раз прикреплял вывеску.

Пан Повондра остановился, желая посмотреть, что это будет.

Тощий человечек слез с лесенки и удовлетворенно взглянул на прибиту вывеску. И пан Повондра с изумлением прочитал:

Пан Повондра вспомнил большого толстого человека в капитанской фуражке, которого он когда-то впустил к пану Бонди. «До чего докатился бедняга, – участливо подумал пан Повондра, – капитан, и вот разъезжает по свету с таким дрянным цирком. А ведь был крепкий, здоровый человек! Надо бы повидаться с ним», – расчувствовался пан Повондра.

Тем временем маленький человечек повесил у входа в балаган другую вывеску:

Пан Повондра заколебался. Две кроны да еще крону за мальчугана – это, конечно, дорого, но Франтик хорошо учится, а знакомство с животным миром далеких стран полезно для образования. Пан Повондра готов был на некоторые жертвы ради образования и потому подошел к маленькому тощему человечку.

– Вот что, приятель, – сказал он, – я хотел бы поговорить с капитаном Вантохом.

Человечек выпятил грудь, обтянутую полосатым трико.

– Это я, сударь.

– Вы капитан Вантох? – удивился пан Повондра.

– Да, – сказал человечек и показал якорь, вытатуированный на его запястье.

Пан Повондра растерянно моргал глазами. Чтобы капитан так ссохся? Нет, это невозможно...

– Дело в том, что я лично знаком с капитаном, – пояснил он. – Моя фамилия Повондра.

– Ну, тогда другое дело, – ответил человечек. – Но эти саламандры в самом деле от капитана ван Тоха. Гарантированные, настоящие австралийские ящеры, сударь. Будьте любезны, заходите внутрь. Сейчас как раз начнется большое представление, – кудахтал он, приподнимая полотнище у входа.

– Пойдем, Франтик, – сказал Повондра-отец и вошел внутрь.

Необычайно высокая и толстая дама поспешно уселась за маленький столик «Странная парочка!» – удивленно подумал пан Повондра, выкладывая свои три кроны. Внутри балагана не было ничего, кроме довольно неприятного запаха и железного бака.

– Где же ваши саламандры? – спросил пан Повондра.

– В той ванне, – равнодушным голосом ответила гигантская дама.

– Не бойся, Франтик, – сказал Повондра-отец и подошел к баку.

Что-то черное, напоминающее по величине старого сома, безжизненно лежало в воде, только кожа на затылке немного подымалась и снова опадала.

– Вот это и есть та допотопная саламандра, о которой столько писали газеты!... – назидательно произнес Повондра-отец, ничем не выдавая своего разочарования. (Опять дал себя надуть, – подумал он, – но мальчику незачем об этом знать Эх, жалко трех крон!)

– Папа, почему она в воде? – спросил Франтик.

– Потому что саламандры живут в воде, понимаешь?

– Папа, а что она ест?

– Рыбу и тому подобное, – сказал Повондра-отец. (Должно же оно чем-нибудь питаться!)

– А почему она такая уродливая? – приставал Франтик.

Пан Повондра не знал, что отвечать, но в это время в балаган вошел маленький человек.

– Итак, прошу вас, дамы и господа, – начал он осипшим голосом.

– У вас только одна саламандра? – укоризненным тоном осведомился пан Повондра. (Были бы хоть две, – мелькнула у него мысль, – а то на одну такие деньги ухлопал!)

– Вторая издохла, – ответил человек. – Итак, дамы и господа, перед вами знаменитый Андриаш, редкий и ядовитый ящер с австралийских островов. У себя на родине он достигает человеческого роста и ходит на двух ногах. Ну-ка! – сказал он ткнул в то черное и безжизненное, что неподвижно лежало в воде.

Черное зашевелилось и с трудом поднялось Франтик подался назад, но пан Повондра крепко сжал его руку: не бойся, мол, я здесь, с тобой.

Теперь оно стояло на задних ногах, опираясь передними о кран бака. На затылке судорожно трепетали жабры, раскрытая черная пасть ловила воздух. Обвисшая кожа была ободрана до крови и усеяна бородавками; круглые лягушечьи глаза временами как-то болезненно закрывались, исчезая под пленкой нижних век.

– Как видите, дамы и господа, – продолжал человек хриплым голосом, – это животное обитает в воде; поэтому оно снабжено жабрами и легкими, чтобы могло дышать, когда выходит на берег. На задних ногах у него по пяти пальцев, а на передних по четыре, и оно умеет брать ими разные предметы. На!

Животное зажало в пальцах прут и держало его перед собой, словно шутовской скипетр.

– Умеет также завязывать веревку узлом, – объявил человек, взял у животного прут и дал ему грязную бечевку.

Животное с минуту подержало ее в пальцах и в самом деле завязало узелок.

– Умеет также бить в барабан и танцевать, – прокудахтал человек и дал животному детский барабанчик и палочку.

Животное несколько раз ударило в барабан и повертело верхней половиной чудовища; при этом оно уронило палочку в воду.

– Я т-тебя, гадина!... – выругался человек и выловил палочку из воды. – Это животное, – продолжал он затем, торжественно повышая голос, – обладает таким умом и способностями, что умеет говорить, как человек.

И он хлопнул в ладоши.

– Guten Moigen! – проскрипело животное, болезненно подергивая нижними веками – Добрый день!...

Пан Повондра был почти испуган, но на Франтика это не произвело особенного впечатления.

– Что надо сказать почтенным господам? – строго спросил человек.

– Добро пожаловать, – поклонилась саламандра; края ее жаберных щелей судорожно сжима-

лись. – Willkommen. Ven venuti ⁵³.

– Считать умеешь?

– Умею.

– Сколько будет шестью семь?

– Сорок два, – с усилием проквакала саламандра.

– Видишь, Франтик, – наставительно заметил Повондра-отец, – как она хорошо считает.

– Дамы и господа, – кукарекал человечек, – вы можете сами задавать вопросы.

– Ну, спроси ее о чем-нибудь, Франтик, – предложил пан Повондра.

Франтик сконфуженно замялся.

– Сколько будет восемью девять? – выдавил он наконец; по его мнению, видимо, это был самый трудный из всех возможных вопросов.

Саламандра медленно закрыла и вновь открыла глаза.

– Семьдесят два.

– Какой сегодня день? – спросил пан Повондра.

– Суббота

Пан Повондра изумленно покачал головой

– И вправду, как человек? Как называется этот город?

Саламандра открыла пасть и закрыла глаза.

– Она уже устала, – поспешно объявил человек. – Что надо сказать господам?

Саламандра поклонилась.

– Мое почтение. Покорнейше благодарю. Всего хорошего. До свидания.

– Это. Это особенное животное!... – удивлялся пан Повондра; но так как три кроны все таки большие деньги, то он добавил. – А больше у вас ничего нет такого, что можно было бы показать ребенку?

Человечек в раздумье пощипывал подбородок.

– Это все, – сказал он – Раньше я держал обезьянок, но с ними получилась такая история... – пояснил он. – Разве показать вам жену? Она была прежде самой толстой женщиной в мире Марушка, иди сюда!...

Марушка с трудом поднялась с места.

– В чем дело?

– Покажись господам, Марушка!

Самая толстая женщина в мире кокетливо склонила голову набок, выставила одну ногу вперед и подняла юбку выше колена. Под юбкой оказался красный шерстяной чулок, облегавший нечто разбухшее, массивное, как окорок.

– Объем ноги вверху – восемьдесят четыре сантиметра, – объяснил тощий человечек – но при теперешней конкуренции Марушка уже не самая толстая женщина в мире.

Пан Повондра потянул потрясенного Франтика из балагана.

– Покорный слуга, – заскрипело из бака, – заходите опять Auf Wiedersehen!

– Ну как, Франтик, – спросил пан Повондра. Когда они вышли. – Понял все?

– Понял, – сказал Франтик. – Папа, а почему у этой тети красные чулки?

11. О человекоящерах

Было бы явной натяжкой утверждать, что в ту пору ни о чем другом не говорили и не писали, кроме как о говорящих саламандрах. Говорили и писали также о будущей войне, об экономическом кризисе, о футбольных матчах, о витаминах и о новых модах. И все-таки о говорящих саламандрах писали очень много и главное – очень ненаучно. Именно поэтому один из выдающихся ученых, профессор др Владимир Угер (из университета в Брно), написал для газеты «Лидове новины» ⁵⁴ статью, в которой отметил, что мнимая способность Andnas'a Scheuchzen к членораздель-

⁵³ Добро пожаловать (нем. и итал.)

⁵⁴ «Лидове новины» – чешская либеральная газета

ной речи, то есть строго говоря, способность повторять, как попугай произнесенные другими слова, с научной точки зрения далеко не так интересна, как некоторые другие вопросы, касающиеся этого своеобразного земноводного. Научная загадка, представляемая Andrias'ом Scheuchzen, заключается совсем в другом, как, например откуда он взялся, где его первоначальная родина, в пределах которой он пережил целые геологические периоды, почему он так долго оставался неизвестным, тогда как теперь выясняется, что он чрезвычайно распространен почти во всей экваториальной области Тихого океана? По видимому, в последнее время он размножается необычайно быстро, откуда же взялась эта изумительная жизненная сила у первобытного существа третичного периода, если до недавнего времени его существование носило совершенно скрытый, то есть, по видимому, крайне спорадический характер, причем, вероятнее всего, в топографически изолированных местах? Изменились ли в благоприятную сторону жизненные условия этой доисторической саламандры, вследствие чего для редкостного пережитка миоценовой эпохи настал новый период необычайно высокого развития? В таком случае не исключено, что Andrias будет не только количественно размножаться, но и эволюционировать в своем качественном развитии и что нашей науке представится единственная в своем роде возможность наблюдать мощный мутационный процесс хотя бы одного из животных видов. То что Andrias может проскрипеть несколько десятков слов и научиться нескольким штукам, в чем профаны видят проявление какого то интеллекта, – это с научной точки зрения вовсе не чудо, действительным чудом является тот могучий жизненный порыв, который столь внезапно и полно возродил застывшее на низком уровне развития и почти совершенно вымершее семейство земноводных. Здесь есть некоторые особенные обстоятельства Andrias Scheuchzen – *единственная* саламандра, живущая в море, и (что еще более очевидно) *единственная* саламандра, которая водится в эфиопско-австралийской области, в мифической Лемурии⁵⁵. Разве не хочется сказать, что природа как бы стремится поспешно наверстать одну из упущенных жизненных возможностей и осуществить завершение развития одной из форм, которую она в этом районе оставила в забвении или не могла прокормить? И далее, было бы странно, если бы во всей океанской области, отделяющей японских исполинских саламандр от аллеганских, не оказалось ни одного связующего звена между ними. Если бы Andrias'a не было, то мы должны были бы *предположить* его существование как раз в тех местах, где он действительно обнаружен, можно сказать, что он просто-напросто заполнил теперь то свободное пространство, в котором он, в силу географических и эволюционных взаимозависимостей, *должен* был водиться издавна. Но как бы то ни было, – писал в заключение ученый профессор, – на примере этого эволюционного воскрешения миоценовой саламандры мы с благоговейным изумлением убеждаемся, что Гений Развития на нашей планете еще далеко не завершил своей созидательной работы.

Эта статья появилась, несмотря на молчаливое, но твердое убеждение редакции, что такие ученые рассуждения не годятся, в сущности, для газеты. Вскоре после этого профессор Угер получил следующее письмо от одного из читателей.

«Милостивый государь!

В прошлом году я купил в Чаславле дом на площади. При осмотре дома я нашел на чердаке ящик со старыми редкими научными книгами, как то: Гыбловский журнал «Гиллос»⁵⁶ за 1821 – 1822 годы, «Млекопитающие» Яна Сватоплука Пресла⁵⁷. "Основы природоведения или физики Войтеха Седлачка"⁵⁸, девятнадцать томов общедоступного энциклопедического сборника "Крок

⁵⁵ «Лемурия» – По предположению английского зоолога и зоографа Ф. Л. Склетера (1829-1913), на месте нынешнего Индийского океана находился материк, соединявший современную Африку с Индией и Индонезией; в результате смещения земной коры так называемая Лемурия опустилась и была затоплена.

⁵⁶ ...Гыбловский журнал «Гиллос»... – Гыбл Ян (1786– 1834) -деятель чешского национального Возрождения; писатель, переводчик, редактор; в 1821 – 1822 годы издавал научный журнал «Гиллос».

⁵⁷ ...«Млекопитающие» Яна Сватоплука Пресла... – Пресл Ян Святуплук (1791 – 1849)-выдающийся деятель чешского национального Возрождения; энциклопедически образованный ученый, виднейший популяризатор естественных наук. Труд Пресла «Млекопитающие, систематическое руководство для самообучения», написан в 1834 году.

⁵⁸ ...«Основы природоведения или физика» Войтеха Седлачка... – Седлачек Иозеф Войтех (1785 – 1836) – чешский

⁵⁹ и тринадцать Ежегодников Чешского музея. В пресловском переводе «Рассуждений о катаклизмах земной коры» Кювье (1834) я нашел вложенную туда в виде закладки вырезку из старой газеты, где было напечатано сообщение о каких-то странных ящерах. Когда я прочел Вашу статью о загадочных саламандрах, я вспомнил об этой закладке и отыскал ее. Думаю, она могла бы Вас заинтересовать, а потому, будучи горячим другом природы и Вашим усердным читателем, посылаю ее Вам.

С совершенным почтением

И. В. Найман»

На приложенной в письме вырезке не было ни названия газеты, ни даты; судя по правописанию и шрифту, она относилась к двадцатым или тридцатым годам прошлого столетия; бумага так пожелтела и истерлась, что трудно было читать. Профессор Угер чуть было не бросил ее в корзину, на ветхость этого листочка почему-то расстрогала его; он начал читать. Через минуту он про-
бормотал" «Дьявол!» – и взволнованно поправил очки. Текст вырезки гласил:

О человекоящерах *

60

В одной иноземной газете мы прочитали, что некий капитан (командир) английского военного корабля, возвратившийся из далеких стран, представил донесение о странных пресмыкающихся, которых он встретил на одном маленьком островке в Австралийском море. На этом острове есть озеро с соленой водой, отделенное, впрочем, от моря и весьма малодоступное, означенный капитан и корабельный лекарь отдыхали здесь: вдруг из озера вышли животные вроде ящериц, величиной с морскую собаку или тюленя, ступающие на двух ногах, как люди, и начали презабавно и на особенный лад, словно танцуя, вертеться на берегу. Командир и лекарь, выстрелив из ружей, уложили двоих из этих животных. Тело у них скользкое, без шерсти и без какой-либо чешуи, так что в этом они похожи на саламандру. Явившись назавтра за ними, капитан и лекарь вынуждены были из-за сильного зловония оставить их на месте и приказали макросам обшарить озеро неводом и доставить на корабль живьем несколько этих страшилищ. Обшарив озерце, моряки перебили всех ящериц (в огромном количестве) и доставили на корабль только двух, заявив, что тело у них ядовитое и жжется, как крапива. После этого животных поместили в бочки с морской водой, чтобы доставить их до Англии живыми. Но не тут-то было! Когда корабль проходил в виду острова Суматры, пленные ящерицы, вылезши из бочек и отворивши сами оконце подпалубного помещения, выпрыгнули ночью в море и скрылись. По свидетельству командира и корабельного хирурга, эти животные очень забавны и хитры, ходят на двух ногах и как-то странно лают и чмокают, однако для человека вовсе не опасны. А посему их с полным правом можно было бы назвать человекоящерами.

На этом вырезка кончалась. «Дьявол!» – в волнении повторил профессор Угер. Почему здесь нет ни даты, ни названия газеты, из которой кто-то когда-то вырезал это? И что это за «иноземная газета», как имя того «некоего командира», что это за «английский корабль»? И что за островок в Австралийском море? Неужели люди тогда не могли выражаться несколько точнее и... ну, ска-

писатель и ученый; «Основы природоведения или физики и математики, относительной либо смешанной» (1825-1828)-первое крупное научное сочинение в области физики и математики, написанное на чешском языке.

⁵⁹ «Крок» – чешский научный журнал, выходивший в 1821-1840 годы; объединял передовых деятелей чешской науки эпохи национального Возрождения.

⁶⁰ «О человекоящерах». – В оригинале эта газетная вырезка дана готическим шрифтом с сохранением особенностей чешского правописания начала XIX века. Дальнейшие рассуждения профессора Угера набраны латинским шрифтом, но также с сохранением старочешского правописания; подчеркивая, таким образом, духовное родство персонажа с деятелями науки начала XIX века, Чапек иронизирует над устаревшими телеологическими концепциями современных ему чешских ученых.

жем, чуточку научнее? Ведь это исторический документ, которому цены нет!...

Островок в Австралийском море – ладно. Озерцо с соленой водой. По-видимому, это был коралловый остров, атолл с малодоступной соленой лагуной – как раз подходящее место, где могло бы сохраниться ископаемое животное в естественной резервации, изолированное от среды, стоящей на более высокой ступени развития. Конечно, оно не могло особенно размножаться, так как не находило в озере достаточно пищи. Это ясно, сказал себе профессор. Животное, похожее на ящерицу, но без чешуи, и ходящее на двух ногах, как люди, значит – или *Andrias Scheuchzeri*, или другая саламандра, находящаяся в близком родстве с ним. Допустим, что это был наш *Andrias*. Допустим, проклятые матросы истребили его в том озере, а одна пара была доставлена живьем на корабль; пара, которая – не тут-то было! – удрали в море у острова Суматры. То есть на самом экваторе, где биологические условия в высшей мере благоприятны, а пищи неограниченное количество! Возможно ли, чтобы эта перемена среды дала миоценовой саламандре такой мощный толчок к развитию? Допустим, она привыкла к соленой воде; представим себе ее новое место расселения в виде спокойной закрытой бухты с большим обилием корма; что тогда? Саламандра, попав в оптимальные условия, начнет стремительно развиваться с изумительной жизненной энергией. Это так! – ликовал ученый. Отныне саламандра с неукротимой стихийной силой движется по пути развития, она цепляется за жизнь, как сумасшедшая; она размножается в страшном количестве, потому что в новой среде ее яйцам и головастикам не угрожают больше специфические враги. Она населяет остров за островом; впрочем, странно, что в своем шествии она как бы перепрыгивает через некоторые острова. В остальном же это типичный случай миграции в поисках пищи. Теперь вопрос; почему она не развивалась раньше? Не связано ли с этим то, что в эфиопско-австралийской области неизвестны, или не были до сих пор известны, какие-либо саламандры? Не происходило ли в этой области в миоценовую эпоху каких-либо перемен, биологически неблагоприятных для саламандр? Это возможно. Мог, например, появиться какой-нибудь специфический враг, который полностью истребил саламандр. И только на одном островке, в закрытом озерце миоценовая саламандра удержалась – впрочем, ценой остановки в своем развитии, процесс ее эволюции был прерван получилось нечто вроде скрученной пружины, которая не могла распрямиться. Не исключено, что природа имела большие виды на эту саламандру и ей *предстояло* развиваться все дальше и дальше, все выше и выше – кто знает, до каких пределов... (Профессор Угер почувствовал, как при этой мысли у него забегали по спине мурашки; кто знает, не должен ли был *Andrias Scheuchzeri* стать человеком миоценовой эпохи!...)

Но впрочем, погодите! Это *недоразвившееся* животное внезапно попадает в новую, несравненно более благоприятную для него среду, скрученная пружина распрямляется... С каким жизненным порывом, с каким миоценовым размахом и рвением устремляется *Andrias* по пути развития! С какой лихорадочной поспешностью наверстывает он сотни тысяч и миллионы лет, упущенные в его эволюции! Мыслимо ли, чтобы он удовольствовался той стадией развития, на которой находится сейчас? И кто может ныне сказать, каких высот достигнет он при том мощном размахе своей эволюции, свидетелями которой мы являемся, – ибо он стоит еще только на пороге этой эволюции и лишь готовится устремиться вверх!

Таковы были мысли и предположения, которые профессор Владимир Угер набрасывал на бумагу, сидя над пожелтевшей вырезкой из старой газеты, трепеща от восторга первооткрывателя. "Пошлю это в газету, – решил он, – потому что научной периодики никто не читает. Пусть все знают, к какому великому процессу в природе мы приближаемся! И назову это:

«Есть ли будущее у саламандр?»

Однако в редакции «Лиловых новин» взглянули на статью профессора Угера и только покачали головой. Опять саламандры! Мне кажется, наши читатели уже по горло сыты саламандрами. Пора перейти к чему-нибудь другому. К тому же такие ученые рассуждения не годятся для газеты. В результате статья о развитии и будущем саламандр так и не увидела света.

12. Синдикат «САЛАМАНДРА»

Председатель Г. Х. Бонди позвонил в колокольчик и поднялся с места.

– Милостивые государи, – начал он, – имею честь объявить чрезвычайное общее собрание акционеров Тихоокеанской Экспортной Компании открытым. Приветствую всех присутствующих и благодарю их за участие в нашем многолюдном собрании.

– Господа, – продолжал он взволнованно, – на мою долю выпала тяжелая обязанность сообщить вам печальное известие. Капитана Яна ван Тоха больше нет. Умер наш, если можно так выразиться, основатель, отец счастливой идеи завязать торговые сношения с тысячами островов далекого Тихого океана, наш первый капитан и самый преданный сотрудник. Он скончался в начале этого года на борту нашего парохода «Шарка», недалеко от острова Фаннинга, скончался от апоплексического удара при исполнении служебных обязанностей. (Видно, какой-нибудь скандал устроил, – подумал Бонди.) Прошу вас почтить его светлую память вставанием.

Присутствующие поднялись, гремя стульями, и застыли в торжественном молчании, обеспокоенные одной и той же мыслью: как бы общее собрание не слишком затянулось (Бедный мой товарищ Вантох, – с искренним огорчением думал Г. Х. Бонди. – Что-то с ним теперь? Скорее всего, спустили в море на доске. Вот, должно быть, плюхнулся! Н-да, славный был малый, и глаза такие голубые...)

– Благодарю вас, господа, – коротко добавил Г. Х. Бонди, – что вы с таким чувством воздали должное памяти моего личного друга, капитана ван Тоха. Прошу господина директора Волавку доложить нам, к каким хозяйственным итогам пришла ТЭК в текущем году. Цифры еще не окончательны, но не следует ожидать, чтобы они могли существенно измениться к концу года. Итак, пожалуйста!...

– Милостивейшие государи, – зажурчал г-н директор Волавка, и пошел и пошел: – Положение со сбытом жемчуга в высшей степени неудовлетворительно. Когда в прошлом году добыча жемчуга возросла почти в двадцать раз по сравнению с благоприятным для нас тысяча девятьсот двадцать пятым годом, жемчуг начал катастрофически падать в цене, и это падение дошло до шестидесяти пяти процентов. Правление решило поэтому не выпускать на рынок добычу нынешнего года, а держать ее на складе, пока не повысится спрос. К сожалению, с осени прошлого года жемчуг вышел из моды, очевидно потому, что он так подешевел. В настоящий момент в нашем амстердамском отделении находится на складе свыше двухсот тысяч жемчужин, которые сейчас почти невозможно сбыть.

– Наоборот, в текущем году, – продолжал журчать директор Волавка, – добыча жемчуга значительно понизилась. Пришлось отказаться от ряда месторождений, потому что доходы от них не окупают стоимости рейсов в эти места. По видимому, месторождения, открытые два или три года назад, в большей или меньшей степени исчерпаны. Правление решило поэтому обратить внимание на другие продукты морских глубин, как то: кораллы, раковины и губки. И действительно, рынок кораллов и других украшений удалось оживить, но пока эта конъюнктура пошла на пользу больше итальянским, чем тихоокеанским кораллам.

Правление изучает также вопрос о возможности интенсивного рыболовства в водах Тихого океана. Главный вопрос заключается в том, как доставлять тамошнюю рыбу на европейские рынки, имеющаяся пока информация не слишком благоприятна.

– В противоположность этому, – читал дальше директор, слегка повысив голос, – несколько возросли обороты по торговле разными побочными товарами, а именно: вывоз на Тихоокеанские острова текстильных изделий, эмалированной посуды, радиоаппаратуры и перчаток. Эта торговля имеет тенденцию к дальнейшему расширению и развитию; уже в текущем году ее баланс будет сведен со сравнительно ничтожным дефицитом. Однако совершенно исключено, чтобы Компания выплатила в конце года какие-либо дивиденды по своим акциям. В связи с этим правление заранее оповещает, что на этот раз оно отказывается от всяких тантьем и вознаграждений.

Наступило длительное и тягостное молчание. (Как он выглядит, этот остров Фаннинга? – думал Г. Х. Бонди. – Бедняга Вантох умер как настоящий моряк. Жалко его, славный был парень. И не такой уж старый... не старше меня...) Наконец слова попросил д-р Губка. Дальше мы приво-

дим протокол чрезвычайного общего собрания акционеров Тихоокеанской Экспортной Компании.

"Д-р Губка спрашивает, не имеется ли в виду ликвидация ТЭК?

Г. Х. Бонди отвечает, что по этому вопросу правление решило выждать дальнейших предложений.

Луи Бонанфан выразил упрек, что у Компании не было на местах постоянных представителей для приемки жемчуга, которые контролировали бы, производится ли добыча жемчуга достаточно интенсивно и технически правильно.

Директор Волавка указывает, что этот вопрос подвергался обсуждению, но было признано, что такая мера слишком увеличила бы административные расходы предприятия. Потребовалось бы не меньше трехсот постоянно оплачиваемых агентов; благоволите также принять в соображение невозможность контролировать, сдают ли эти агенты весь найденный жемчуг.

М. Х. Бринкелер спрашивает, можно ли полагаться на то, что саламандры действительно сдают весь жемчуг, который находят, и не отдают ли они его еще кому-нибудь, кроме доверенных лиц Компании.

Г. Х. Бонди констатирует, что это первое публичное упоминание о саламандрах. До сих пор Компания придерживалась правила не приводить подробностей о том, каким способом производится добыча жемчуга. Он подчеркивает, что именно поэтому было выбрано скромное название – Тихоокеанская Экспортная Компания.

М. Х. Бринкелер задает вопрос, воспрещается ли здесь говорить о вещах, затрагивающих интересы Компании, которые к тому же давно известны самой широкой общественности.

Г. Х. Бонди отвечает, что это не воспрещается, но является новшеством. Он рад, что отныне можно говорить об этом открыто. На первый вопрос г-на Бринкелера он может ответить, что, по его сведениям, нет никаких оснований сомневаться в полнейшей честности и работоспособности саламандр, занятых на добыче жемчуга и кораллов. Надо, однако, считаться с тем, что известные нам до сих пор месторождения жемчуга в значительной мере исчерпаны или будут исчерпаны в более или менее близком будущем. Именно в поисках новых месторождений умер наш незабвенный сотрудник капитан ван Тох на пути к островам, не эксплуатировавшимся до сих пор. Пока что мы не можем заменить его человеком, который обладал бы таким же опытом, такой же безупречной честностью и любовью к делу.

Полковник Д. У. Брайт полностью признает заслуги покойного капитана ван Тоха. Однако он отмечает, что капитан, о кончине которого мы глубоко скорбим, слишком нянчился с упомянутыми саламандрами. (*Возгласы одобрения.*) Не было никакой надобности снабжать саламандр ножами и другими инструментами такого первоклассного качества, как это делал покойный ван Тох. Не было никакой надобности так много тратить на их кормежку. Можно было бы значительно снизить расходы, связанные с содержанием саламандр, и тем самым повысить доходность наших предприятий. (*Шумные аплодисменты.*)

Вице-председатель Дж. Джильберт соглашается с полковником Брайтом, но подчеркивает, что при жизни капитана ван Тоха это было неосуществимо. Капитан ван Тох уверял, что у него имеются личные обязательства по отношению к саламандрам. По разным причинам было невозможно и нежелательно оставлять без внимания требования старика.

Курт фон Фриш спрашивает, нельзя ли использовать саламандр как-нибудь иначе, в частности, более выгодно, чем на добыче жемчуга. Следовало бы подумать об их прирожденных, так сказать, «бобровых способностях» к постройке плотин и прочих сооружений под водой. Можно было бы использовать их для углубления гаваней, постройки молов и для других технических работ под водой.

Г. Х. Бонди сообщает, что правление тщательно рассматривает этот вопрос; в этом направлении, бесспорно, открываются огромные возможности. Он указывает, что число саламандр, находящихся в собственности Компании, составляет в настоящее время приблизительно шесть миллионов; если учесть, что пара саламандр дает в год около ста головастика, то в будущем году мы будем иметь в своем распоряжении до трехсот миллионов саламандр; через десять лет численность их достигнет прямо астрономической цифры.

Г. Х. Бонди спрашивает, что Компания намерена делать с этим необычным множеством са-

ламандр, которых уже сейчас за недостатком естественного корма – приходится подкармливать на саламандровых фермах копррой, картофелем, кукурузой и т.п.

Курт фон Фриш спрашивает, съедобны ли саламандры.

Дж. Джильберт. Ни в коем случае. Точно так же их кожа ни на что не годится.

Бонанфан задает правлению вопрос, что же в таком случае оно намерено предпринять.

Г. Х. Бонди (*встает*). Милостивые государи! Мы созвали настоящее чрезвычайное общее собрание для того, чтобы открыто заявить о крайне неблагоприятных перспективах нашей Компании, которая – позвольте мне с гордостью напомнить это – в прошлые годы приносила дивиденды в размере от двадцати до двадцати трех процентов, помимо прочно консолидированных резервных фондов и различных отчислений. Теперь мы стоим на распутье: тот способ ведения дел, который оправдывал наши ожидания в прошлые годы, на практике изжит; нам остается лишь искать новые пути. (*Возгласы: «Превосходно!»*)

Я усмотрел бы, господа, веление судьбы в том факте, что именно в этот момент нас покинул наш замечательный капитан и преданный друг И. ван Тох. С его личностью была связана романтическая, красивая и – скажу прямо – довольно сумасбродная идея торговли жемчугом. Я считаю ее уже законченной главой нашей деятельности; она имела свое" так сказать, экзотическое очарование, но не годилась для современной эпохи. Милостивые государи! Жемчуг не может быть объектом грандиозного вертикально и горизонтально разветвленного предприятия. Лично для меня это дело с жемчугом служило только небольшим развлечением. (*Движение в зале.*) Да, господа, развлечением, которое и вам и мне принесло порядочно денег. Кроме того, на первых порах нашей деятельности саламандры обладали, я сказал бы, некоторой прелестью новизны. Триста миллионов саламандр не будут уже обладать такой прелестью. (*Смех.*)

Я сказал «новые пути». Пока был жив мой добрый друг, капитан ван Тох, исключена была всякая возможность придать нашему предприятию иной характер, чем тот, который я назвал бы стилем капитана ван Тох. (*С места: «Почему?»*) Потому что у меня слишком много вкуса, чтобы смешивать различные стили. Стиль капитана ван Тох – это был, я сказал бы, стиль приключенческих романов. Это был стиль Джека Лондона, Джозефа Конрада и т. п. Старый экзотический, колониальный, почти героический стиль. Не отрицаю, он по-своему увлекал меня. Но после смерти капитана ван Тох мы не имеем права продолжать эту авантюрную, ребяческую эпопею. Перед нами, господа, не новая глава, а новая концепция, задача для нового и притом существенно иного творческого замысла. (*С места: «Вы говорите об этом, как о романе!»*) Да, милостивый государь, вы правы! Торговля интересует меня как художника. Без известного творческого воображения вы никогда не выдумаете ничего нового. Мы должны быть поэтами, если не хотим, чтобы мир остановился (*Аплодисменты. Г. Х. Бонди кланяется.*)

Я, господа, с сожалением подвожу черту под этой, так сказать, вантоховской главой: в ней мы изжили то, что было авантюрного и детского в нас самих. Пора кончить сказку о жемчугах и кораллах Синдбад-Мореход умер, господа. Вопрос о том, что предпринять теперь? (*С места: «Об этой мы вас и спрашиваем!»*) Ну, так вот, господа: – благоволите взять карандаши и пишите. Шесть миллионов. Написали? Помножьте на пятьдесят. Получается триста миллионов, не так ли? Помножьте опять на пятьдесят. Это пятнадцать миллиардов, правда? А теперь, господа, будьте так добры, посоветуйте, что нам делать через три года с пятнадцатью миллиардами саламандр? Как мы их используем, как мы их прокормим и так далее... (*С места: «Ну и пусть передохнут!»*) Да, но разве не жалко! Разве вы не учитываете, что каждая саламандра представляет собою некоторую экономическую ценность, ценность рабочей силы, которая ждет своего применения? Господа, с шестью миллионами саламандр мы еще можем кое-как управиться. С тремястами миллионами это будет потруднее. Но пятнадцать миллиардов саламандр, господа, – это уже просто захлестнет нас с головой. Саламандры съедят Компанию. Вот так (*С места: «Вы будете отвечать за это! Вы затеяли все дело с саламандрами!»*)

Г. Х. Бонди (*поднял голову*). Я полностью принимаю на себя ответственность, господа! Кто хочет, может немедленно избавиться от акций Тихоокеанской Экспортной Компании. Я готов заплатить за каждую акцию... (*С места: «Сколько?»*) Полную стоимость, милостивый государь! (*Общий шум Президиум объявляет перерыв на десять минут.*)

По возобновлении заседания слово просит **М. Х. Бринклер**. Он выражает свое удовлетворение по поводу того, что саламандры столь бурно размножаются, тем самым увеличивая имущество Компании. Однако, господа, было бы явной нелепостью разводить их даром: если у нас самих нет для них подходящей работы, то я от имени группы акционеров предлагаю просто-напросто продавать саламандр как рабочую силу всякому, кто собирается предпринять какие-либо работы в воде или под водой. (*Аплодисменты.*) Прокормление саламандры обходится в несколько сантимов в день; если продавать пару саламандр, скажем, за сто франков и если рабочая саламандра может выжить, допустим, хотя бы один год, то любой предприниматель шутя окупит такое капиталовложение. (*Возгласы одобрения.*)

Дж. Джилберт отмечает, что саламандры достигают значительно большего возраста, чем один год; за отсутствием достаточно продолжительных наблюдений срок их жизни вообще еще не установлен.

М. Х. Бринклер вносит после этого поправку к своему проекту, предлагая, чтобы цена одной пары саламандр была в таком случае повышена до трехсот франков с доставкой в порт.

С. Вейсбергер спрашивает, какие, собственно, работы могли бы выполнять саламандры.

Директор Волавка. По своим врожденным инстинктам и по необычайной технической сметке саламандры годятся для строительства плотин, дамб и волнорезов, для углубления гаваней и каналов, для удаления мелей и илистых наносов, для очистки водных путей сообщения; они могут укреплять и регулировать морские побережья, расширять пространство, занятое сушей, и тому подобное. Во всех этих случаях речь идет о колоссальных работах, требующих сотни и тысячи рабочих рук, о работах, настолько обширных, что даже современная техника никогда не отважится взяться за них, пока не будет иметь в своем распоряжении неслыханно дешевую рабочую силу. (*Возгласы: «Правильно!», «Превосходно!»*)

Д-р Губка высказывает предположение, что, продавая саламандр, которые смогут, вероятно, размножаться и у новых владельцев. Компания потеряет монополию на саламандр. Он предлагает не продавать, а только отдавать внаем предпринимателям водных сооружений рабочие колонны надлежащим образом выдрессированных саламандр, ставя условием, чтобы их возможное потомство поступало в собственность Компании.

Директор Волавка указывает, что невозможно уследить в воде за миллионами или даже миллиардами саламандр, а тем паче за их пометом: к сожалению, много саламандр было уже украдено для зоологических садов и зверинцев.

Полковник Д. У. Брайт. Следовало бы продавать или отдавать внаем только саламандр-самцов, чтобы они не могли размножаться нигде, кроме саламандровых инкубаторов и ферм, составляющих собственность Компании.

Директор Волавка. Мы не можем утверждать, что саламандровые фермы составляют собственность Компании. Нельзя приобрести в собственность или в исключительное пользование участок морского дна. Юридический вопрос-кому, собственно, принадлежат саламандры, живущие, например, в территориальных водах ее величества королевы нидерландской, очень неясен и может вызвать много споров. (*Волнение в зале.*) В большинстве случаев за ними не обеспечено даже право рыболовства: мы, господа, устраивали свои саламандровые фермы на Тихоокеанских островах, так сказать, нелегально. (*Волнение усиливается.*)

Дж. Джилберт отвечает полковнику Брайту, что по имеющимся наблюдениям изолированные саламандры-самцы через некоторое время утрачивают свою бодрость и работоспособность: они становятся вялыми, безжизненными и гибнут от тоски.

Курт фон Фриш спрашивает, нельзя ли перед продажей охолощать или стерилизовать саламандр.

Дж. Джилберт. Это было бы слишком дорого; короче, мы не можем помешать дальнейшему размножению проданных саламандр.

С. Вейсбергер, как член Общества покровительства животным, просит, чтобы намечаемая продажа саламандр производилась гуманным способом, не оскорбляющим человеческих чувств.

Дж. Джилберт благодарит за это указание: само собой разумеется, что поимка и перевозка саламандр будут поручены обученному персоналу и подчинены соответствующему надзору. Од-

нако мы не можем отвечать за то, как будут обращаться с саламандрами предприниматели, которые их купят.

С. Вейсбергер заявляет, что он удовлетворен разъяснениями вице-председателя Дж. Джилберта. (*Аплодисменты...*)

Г. Х. Бонди. Прежде всего, господа, откажемся от мысли сохранить в будущем монополию на саламандр. К сожалению, согласно действующему законодательству, мы не можем получить на них патент. (*Смех.*) Свое привилегированное положение в области торговли саламандрами мы можем и должны закрепить другим способом. Но в качестве необходимой предпосылки для этого мы должны взяться за дело – в ином стиле и в гораздо более обширном масштабе, чем до сих пор. (*Возгласы: «Слушайте!»*) Передо мной, господа, лежит полая пачка предварительных соглашений, и правление предлагает создать новый вертикальный трест под названием синдикат, «Саламандра». Членами синдиката, кроме нашей Компании, стали бы определенные крупные предприятия и мощные финансовые группы; например, один известный концерн, который будет изготавливать специальные металлические инструменты для саламандр... (*С места: «Вы – имеете в виду МЕАС?»*) Да, милостивый государь, я говорю о МЕАС. Затем – химический и пищевой картель, который будет изготавливать дешевый патентованный корм для саламандр; группа транспортных компаний, которая берется на основании имеющегося опыта сконструировать и запатентовать специальные гигиенические резервуары для перевозки саламандр; блок страховых обществ, который займется страхованием купленных животных на случай увечья или гибели как при перевозке, так и на месте их работы; наконец, разные лица, которые связаны с промышленностью, экспортом и банками и которых пока, по весьма серьезным соображениям, мы называть не будем. Достаточно, если я скажу вам, господа, что этот синдикат будет располагать на первых порах четырьмястами миллионами фунтов стерлингов. (*Волнение.*) В этой папке, друзья мои, находятся соглашения, которые достаточно только подписать, чтобы возникла одна из величайших экономических организаций наших дней. Правление просит вас, господа, предоставить ему полномочия, необходимые для создания этого исполинского концерна, задачей которого будет рациональное разведение и эксплуатация саламандр. (*Аплодисменты и возгласы протеста.*)

Благоволите, господа, учесть выгоды такого объединения. Синдикат «Саламандра» будет поставлять не только саламандр, но также все инструменты и корм для саламандр, то есть кукурузу, крахмалистые вещества, говяжье сало и сахар для миллиардов подкармливаемых животных; далее синдикат берет на себя перевозку, страхование ветеринарный надзор и прочее, причем все это по самым низким тарифам, обеспечивающим нам если не монополию, то, во всяком случае, абсолютный перевес над любым конкурирующим предприятием, которое захотело бы продавать саламандр. Пусть кто-нибудь попробует, господа; недолго он будет соперничать с нами. (*Возгласы: «Браво!»*) Но это не все. Синдикат «Саламандра» будет поставлять все материалы для подводных работ, производимых саламандрами; вот почему за нами стоит также тяжелая промышленность, стоят цемент, строевой лес и кирпич... (*С места: «Еще неизвестно, как саламандры будут работать!»*) Господа, в настоящий момент двенадцать тысяч саламандр заняты в Сайгонском порту на работах по сооружению новых доков, пристаней и молов. (*С места: «Этого вы нам не говорили!»*) Не говорил. Это первый опыт в большом масштабе. Этот опыт, господа, дал в высшей степени удовлетворительные результаты. Сейчас уже не приходится сомневаться в будущем саламандр. (*Шумные аплодисменты.*)

Но и это не все. Этим далеко еще не исчерпываются задачи синдиката. Синдикат будет подыскивать на всем земном шаре работу для миллионов саламандр. Он будет разрабатывать идеи и общие планы покорения моря. Будет пропагандировать утопию и грандиозные мечты. Будет поставлять проекты новых берегов и каналов, плотин, связывающих между собой целые континенты, искусственных островов для трансокеанской авиации, новых материков, воздвигаемых среди океана. В этом – будущее человечества. Господа, четыре пятых земной поверхности покрыты морем; это, бесспорно, слишком много; карта распределения суши и моря на нашей планете должна быть исправлена. Мы дадим миру рабочих моря, господа. Это будет уже не стиль капитана ван Тоха; приключенческую сказку о жемчугах мы заменим гимном труда. Одно из двух: либо мы останемся мелкими лавочниками, либо будем творить; но если мы не сумеем мыслить в масштабе

материков и океанов – значит, мы не доросли до своих возможностей. Здесь рассуждали о том, за сколько надо продавать пару саламандр. Я хотел бы, чтобы мы мыслили в масштабах миллиардов саламандр, десятков миллионов рабочих рук, преобразований земной коры, нового сотворения мира и новых геологических эпох. Мы можем теперь говорить о будущих Атлантидах, о старых континентах, все далее наступающих на всемирный океан, о новых материках, которые создаст само человечество. Простите, господа, возможно, это звучит для вас как утопия. Да, мы действительно вступаем в царство Утопии. Да, друзья мои, мы уже находимся в нем! Нам остается лишь обдумать техническую сторону вопроса о будущности саламандр... *(С места: «И экономическую!»)*

Да! Особенно экономическую. Господа, наша Компания слишком мала для того, чтобы она сама сумела эксплуатировать миллиарды саламандр. Для этого у нас не хватит ни финансовых, ни политических возможностей. Если мы начнем менять карту суши и моря, то этим, господа, заинтересуются и великие державы. Не будем говорить об этом; не станем упоминать о высокопоставленных лицах, которые уже сейчас весьма благосклонно относятся к синдикату. Но прошу вас, господа, не упускайте из виду беспредельный размах того дела, за или против которого вы будете сейчас голосовать. *(Продолжительные восторженные аплодисменты. Возгласы: «Браво!», «Превосходно!»)*"

Перед голосованием пришлось, однако, обещать, что по акциям Тихоокеанской Экспортной Компании в этом году будет выплачен по крайней мере десятипроцентный дивиденд за счет резервных фондов. После этого за предложение правления проголосовало восемьдесят семь процентов акций, и только тринадцать было против. Таким образом, предложение было принято. Синдикат «Саламандра» вступил в жизнь. Г. Х. Бонди поздравляли.

– Вы очень красиво говорили, господин Бонди, – похвалил его старый Сиги Вейсбергер. – Очень красиво. Но, скажите, как пришла вам в голову эта идея?

– Как? – рассеянно ответил Г. Х. Бонди. – По совести говоря, господин Вейсбергер, я сделал это в память старика ван Тоха. Он так носился со своими саламандрами... Что он, бедняга, сказал бы, если бы его tara-boys дали подохнуть или истребили их!

– Каких tara-boys?

– А этих чудовищ саламандр. Теперь, когда они представляют собой какую-то ценность, с ними будут по крайней мере прилично обращаться. Больше эти твари ни на что не годятся, господин Вейсбергер, разве только для какого-нибудь фантастического предприятия.

– Не понимаю, – сказал Вейсбергер. – А вы видели уже когда-нибудь саламандру, господин Бонди? Я, собственно, не знаю, что это такое. Скажите, пожалуйста, как они выглядят?

– Этого, господин Вейсбергер, я вам не скажу. Знаю ли я, что такое саламандра? А зачем мне это знать? Разве есть у меня время заниматься вопросом о том, как они выглядят? Я должен радоваться, что мы сколотили этот синдикат.

ПРИЛОЖЕНИЕ

О половой жизни саламандр

Одно из излюбленных занятий человеческого духа – представлять себе, как когда-нибудь в далеком будущем будет выглядеть мир и человечество, какие чудеса техники воплотятся в жизнь, какие социальные проблемы будут решены, как далеко шагнет наука, организация общества и так далее. Однако большинство из этих утопий не упускают случая весьма живо интересоваться вопросом о том, как в этом лучшем, более прогрессивном или по крайней мере технически более совершенном мире будет обстоять дело со столь древним, хотя и по прежнему популярным институтом, как половая жизнь, размножение, любовь, брак, семья, женский вопрос и тому подобное. Сошлемся на соответствующих литераторов, таких, как Поль Адам⁶¹, Г. Дж. Уэллс, Олдс Хэксли

⁶¹ *Поль Адам (1862 – 1920)* – французский писатель, в творчестве которого преобладали эротические мотивы и проповедь аморализма.

Ссылаясь на эти примеры, автор считает своей обязанностью, раз уж он решил заглянуть в будущее земного шара, рассмотреть и вопрос о том, как в этом будущем мире саламандр будет складываться сексуальный порядок. Он делает это уже здесь, чтобы не возвращаться к этой теме позднее.

Половая жизнь Андриаса Шейхцери в основных чертах, естественно, соответствует принципу размножения прочих хвостатых земноводных, это – не в полном смысле слова совокупление самка откладывает яйца в несколько приемов, оплодотворенные зародыши развиваются в воде, становясь головастиками, и так далее; об этом можно прочесть в любом учебнике естествознания. Упомянем лишь о некоторых особенностях, подмеченных в этой области у Андриаса Шейхцери.

В начале апреля, как пишет Г Вольте, самцы избирают себе самок, в каждом сексуальном периоде самец, как правило, держится одной и той же самки, не отступая от нее ни на шаг в течение нескольких дней. В эту пору он почти совсем не принимает пищи, в то время как самка проявляет значительную прожорливость. Самец гоняется за ней под водой, стараясь плотно прижаться головой к ее голове. Когда это ему удается, он прикладывает свою пасть к ее носу – быть может, для того, чтобы не дать ей убежать от себя – и застывает в оцепенении. Так, соприкасаясь только головами, тогда как тела их составляют угол почти в тридцать градусов, оба животных как бы парят в воде без малейшего движения. Временами самец начинает так сильно извиваться, что боками своими сталкивается с боками самки; затем он снова цепенеет с широко расставленными ногами, не отрывая пасти от головы своей подруги, которая между тем равнодушно пожирает все, что ей попадает на пути. Этот, если можно так выразиться, поцелуй продолжается несколько дней: иной раз самки отделяется от самца в погоне за пищей и он преследует ее в явном волнении и даже в ярости. Наконец – самка отказывается от дальнейшего сопротивления, уже не стремится убежать, и обе саламандры висят в воде неподвижно, похожие на два черных связанных полена. Тогда по телу самца пробегают волна судороги, и он выпускает в воду обильную, несколько липкую молоку. Тотчас после этого он покидает самку и прячется под камнями в крайнем изнеможении; в это время ему можно отрезать ногу или хвост – он даже не попытается защищаться.

Самка же остается после этого в течение некоторого времени в состоянии неподвижного оцепенения, затем она резко прогибается и начинает извергать из клоаки соединенные цепочкой яйца, окутанные слизью. При этом она нередко помогает себе задними ногами, как это делают жабы. Количество яиц колеблется от сорока до пятидесяти, и они комком висят на теле самки. Самка отплывает в защищенное место и прикрепляет яйца к водорослям или даже просто к камням. Через десять дней она откладывает вторую серию яиц, в количестве от двадцати до тридцати, совсем не встречаясь с самцом между первой и второй кладкой; эти яйца, видимо, оплодотворяются прямо у нее в клоаке. Как правило, еще через семь-восемь дней происходит третья и четвертая очередь откладывания яиц, также уже оплодотворенных; на этом третьем этапе количество яиц колеблется от пятнадцати до двадцати. Через промежуток времени от одной до трех недель из яиц вылупливаются подвижные маленькие головастики с ветвеобразными жабрами. Уже через год эти головастики становятся взрослыми саламандрами, способными к размножению.

Рассмотрим теперь наблюдение *мисс Блани Кистемекерс* над двумя самками и одним самцом Андриаса Шейхцери, содержащимися в неволе. В период спаривания самец выбрал себе лишь одну из двух самок и преследовал ее достаточно жестоким образом: когда она от него уплывала, он бил ее сильными ударами хвоста. Ему не нравилось, что она принимала пищу, и он стремился оттеснить ее от корма; он явно желал полностью завладеть ее вниманием и прямо терроризировал ее. Выпустив молоку, он набросился на вторую самку с намерением сожрать ее; пришлось удалить его из резервуара и поместить отдельно. Несмотря на это, вторая самка тоже отложила в общем

⁶² *Олдос Хэксли* (р. в 1894) – буржуазный английский писатель; в утопии «Новый прекрасный мир» (1932) изобразил людей будущего как последовательных аморалистов.

счете шестьдесят три *оплодотворенных* яйца. Мисс Кистемекерс отметила, однако, что в течение всего периода у всех троих животных края клоак значительно опухали. Итак, можно прийти к выводу, пишет мисс Кистемекерс, что оплодотворение у Андриаса происходит не путем совокупления и даже не путем излияния молок на яйца, а посредством того, что можно назвать *половой средой*.

Как видно, не требуется даже временного сближения животных, чтобы оплодотворить яйца. Это привело молодую исследовательницу к целому ряду интересных опытов она поместила самца и самок отдельно, когда наступила пора спаривания, она выдавила молоки из самца и бросила их в воду самкам. После этого самки начали класть оплодотворенные яйца. В ходе дальнейших экспериментов мисс Кистемекерс профильтровала молоки, а фильтрат, из которого *были удалены сперматозоиды* (получилась прозрачная, со слабой кислотностью, жидкость), вылила в резервуар, где жили самки. И в этом случае самки *отложили яйца*, каждая примерно по пятидесяти штук, причем большинство из них оказались *оплодотворенными* и развились в нормальных головастиков. Именно это привело мисс Кистемекерс к важному открытию *половой среды*, представляющей собой самостоятельное звено между партеногенезом и размножением путем половых сношений. Оплодотворение яиц происходит попросту вследствие химического изменения среды (определенного рода окисления, причем нужную кислоту до сих пор не удалось получить искусственным путем). Это изменение каким-то образом связано с половой функцией самца, но в самой этой функции, собственно говоря, нет никакой надобности. Тот факт, что самец соединяется с самкой, представляет собой, видимо, пережиток более древнего этапа развития, когда оплодотворение у Андриаса происходило так же, как и у других земноводных. Это соединение, как правильно подчеркивает мисс Кистемекерс, лишь своего рода унаследованная иллюзия отцовства; в действительности же самец не является отцом головастиков, а всего-навсего совершенно безличным химическим фактором, создающим половую среду, которая и есть единственная оплодотворяющая сила. Если поместить в один резервуар сто пар саламандр Андриас Шейхцери, мы могли бы вообразить, что тут имеет место сто индивидуальных половых актов; в действительности же это – единый акт, а именно – коллективная сексуализация данной среды, или, если выразиться точнее, – определенное окисление воды, на которое созревшие яйца Андриаса реагируют развитием в головастиков. Составьте искусственным путем этот неизвестный нам кислотный агент, я самцы будут не нужны.

Итак, половая жизнь удивительного Андриаса является нам как Великая Иллюзия; его эротическая страстность, его брачные устремления и половая тирания, его временная верность, его неуклюжее и медлительное наслаждение – все это, строго говоря, лишние, изжившие себя, почти символические действия, сопровождающие или, как сказать, украшающие на самом деле безличный акт оплодотворения, каковым является создание оплодотворяющей половой среды. Странное безразличие, с которым самки принимают это бесцельное, френетическое индивидуальное ухаживание самцов, явно свидетельствует о том, что самки инстинктивно чувствуют в этих брачных церемониях всего лишь формальный обряд или вступление к подлинному брачному акту, в ходе которого они, то есть самки, взаимодействуют в половом отношении с оплодотворяющей средой, мы бы сказали, что самка Андриаса яснее понимает это обстоятельство и относится к нему более трезво, без эротических иллюзий.

(Эксперименты мисс Кистемекерс дополнил своими интересными опытами ученый *аббат Бонтемпелли*. Он высушил и размолот молоку Андриаса и пустил ее в воду, где содержались самки; и в этом случае самки начали откладывать оплодотворенные яйца. Тот же результат получился, когда он высушил и размолот половые органы Андриаса-самца, и тогда, когда он выдержал их в спирте, и когда выварил их, а экстракт влил в воду к самкам. Тем же самым увенчался и его опыт, когда он ввел в резервуар к самкам вытяжку гипофиза самца и – даже выделения подкожных желез самца, взятых в период течки. Во всех этих случаях самки сначала никак не реагировали на примеси, но постепенно они прекращали поиски пищи и застывали без движения, буквально оцепенев, а через несколько часов начинали извергать из себя студенистые яйца, величиной примерно с фасоль)

В этой связи следует упомянуть и о странном обряде – так называемой *пляске саламандр*

(имеется в виду не «Саламандр-данс», вошедший за последнее время в моду, особенно в высшем обществе, и названный епископом Хирамом «самым непристойным танцем, о котором ему когда-либо приходилось слышать»). Сущность пляски саламандр заключается в следующем: вечерами в полнолуние (за исключением периода спаривания) на берег выходят Андриасы, причем только самцы, усаживаются в круг и начинают извиваться верхней половиной туловища, извиваться особым, волнообразным движением. Это движение вообще характерно для крупных саламандр, во время названной «пляски» они отдаются ему со страстью, иступленно, до полного изнеможения, подобно пляшущим дервишам. Некоторые ученые считали это бешеное кружение и топтание неким культом Луны и, следовательно, принимали его за религиозный обряд; другие, в противоположность первым, усматривали в нем танец, в сущности своей эротический, и объясняли его именно той организацией половой жизни, о которой мы уже говорили. Мы сказали, что у Андриаса Шейхцери оплодотворяющей силой является так называемая половая среда, представляющая собой массового и безличного посредника между самцами и самками. Мы сказали также, что самки воспринимают эти безличные половые отношения куда более реалистично и просто, чем самцы, которые по-видимому, из свойственного им инстинктивного тщеславия и воинственности – хотят по крайней мере сохранить видимость полового триумфа и потому *разыгрывают роли* влюбленных и супругов – собственников. Это – одна из величайших эротических иллюзий, любопытным образом опровергаемая именно этими плясками, этими большими праздниками самцов, которые есть не что иное, как инстинктивное стремление осознать себя Коллективом Самцов. Существуют мнения, что с помощью этого массового танца саламандры подавляют атавистичную и бессмысленную иллюзию полового индивидуализма самцов; извивающаяся, опьяненная, толпа – не более не менее как Массовый Самец, Коллективный Жених и Великий Оплодотворитель, который вершит свой торжественный брачный танец и предается великому свадебному обряду при странном исключении самок, которые тем временем равнодушно чавкают, пожирая разных рыб и сепий. Известный ученый *Чарльз Дж. Пауэлл*, назвавший эти саламандровые торжества Пляской Мужского Принципа, пишет: "Разве не видим мы в этих всеобщих обрядах самцов самый корень и источник странного коллективизма саламандр? Ведь если подумать, то подлинную общность в животном мире мы найдем только там, где жизнь и развитие вида опираются не на принцип брачной пары у пчел, у муравьев и термитов. Общность пчел можно выразить словами: «Я, Материнский Улей». Общность же саламандр выражается совсем иначе «Мы, Мужской Принцип». Только все самцы сообща, которые в данный момент чуть ли не всеми своими порами выделяют плодородную половую среду, и являются Великим Самцом, проникающим в лона самок и щедро воспроизводящим жизнь. Их отцовство – коллективное; поэтому и все естество их – коллективное и проявляется в совместных действиях, в то время как самки, кончив класть яйца, до следующей весны ведут более или менее разобщенную и уединенную жизнь. Община состоит из одних самцов. Только самцы выполняют общие задачи. Нет другого вида животных, где бы самки играли столь второстепенную роль, как у Андриаса; они исключены из жизни общины, да и не проявляют к ней ни малейшего интереса. Их время придет, когда Мужской Принцип насытит среду кислотой, едва ли поддающейся изучению химии, но настолько жизненной, что она, растворенная в морской воде, воздействует на организм самок даже в бесконечно малых дозах. Кажется, сам Океан становится самцом, оплодотворяя на берегах миллионы зародышей.

Если не считать петушиной горделивости, – продолжает Чарльз Дж. Пауэлл, – природа у большинства животных видов наделила превосходством жизненных сил именно самок. Самцы существуют для собственного удовольствия и для того, чтобы убивать; это – надменные и хвастливые одиночки, тогда как самки представляют сам род во всей его силе и со всеми свойственными ему добродетелями У Андриаса (и частично у человека) соотношение в корне иное; образование общности самцов и мужской солидарности сообщает самцу явное биологическое превосходство; и самцы определяют развитие этих видов в гораздо большей степени, чем самки. Быть может, именно благодаря такому исключительно мужскому направлению развития у Андриаса столь сильно проявляются *технические*, то есть типично мужские способности. Андриас – прирожденный техник со склонностью к массовому труду, эти вторичные *мужские* половые признаки, то есть технический талант и склонность к организации, развиваются в нем на наших глазах

так быстро и успешно, что можно было бы говорить о чудесах природы, если бы мы не знали, сколь могучим жизненным фактором являются именно половые детерминанты. Andrias Scheuclizeri – это animal faber⁶³, и, возможно, уже в ближайшее время он превзойдет в области техники самого человека – причем исключительно в силу лото природного факта, что он создал сообщество самцов в чистом виде”.

Книга вторая. ПО СТУПЕНЯМ ЦИВИЛИЗАЦИИ

1. Пан Повондра читает газеты

Одни собирают почтовые марки, другие – первопечатные книги. Пан Повондра, швейцар в особняке Г. Х. Бонди, долго не мог найти смысла жизни; много лет он колебался между увлечением древними гробницами и страстью к международной политике; и вдруг однажды вечером ему неожиданно открылось, чего именно недоставало ему до сих пор для полноты жизни. Великие открытия обычно приходят неожиданно...

В тот вечер пан Повондра читал газеты, пани Повондра штопала Франтику носки, а Франтик делал вид, будто зубрит левые притоки Дуная. Было уютно и тихо.

– С ума сойти можно!... – проворчал пан Повондра.

– Что случилось? – спросила его пани Повондра, вдевая нитку в иглу.

– Да все эти саламандры, – ответил Повондра-отец. – Вот здесь напечатано, что за последний квартал их было продано семьдесят миллионов штук.

– Это много, правда? – сказала пани Повондра.

– Еще бы! Это, матушка, потрясающая цифра. Подумай только – семьдесят миллионов! – Пан Повондра покачал головой. – Люди, наверное, заработали на этом бешеные деньги. А какие работы затеваются! – прибавил он после минутного раздумья. – Вот здесь рассказывается, как повсюду лихорадочно строят новые земли и острова. Я тебе говорю, что теперь люди могут понадевать столько материков, сколько им заблагорассудится. Это, матушка, великое дело. Это, я тебе скажу, больший прогресс, чем открытие Америки.

Пан Повондра с минуту обдумывал свои слова.

– Новая историческая эпоха, понимаешь? – сказал он. – Да, матушка, мы живем в великие времена.

Снова наступило продолжительное молчание. Внезапно Повондра-отец энергичнее задымил своей трубкой.

– И подумать, что без меня ничего бы не было!

– Чего не было бы?

– Да торговли саламандрами. И «нового века». Если поразмыслить, то не кто иной, как я, пустил в ход все это дело.

Пани Повондра подняла глаза от дырявого носка.

– Это как же понимать?

– А так, что я пустил тогда этого капитана к пану Бонди. Если бы я о нем не доложил, капитан в жизни не встретился бы с паном Бонди. Если бы не я, матушка, не вышло бы ничего. Ровно ничего.

– Капитан мог найти кого-нибудь другого, – заметила пани Повондра.

Трубка Повондры-отца презрительно захрипела.

– Много ты понимаешь! На такую вещь способен только Г.Х. Бонди. Да, уж он-то видит дальше, чем... не знаю кто. Другие увидели бы в этом только сумасбродство или подвох. Но пан Бонди – ого! У него, голубчика, есть нюх!...

Пан Повондра задумался.

– Этот самый капитан... как его... да, Вантох... на вид был самый обыкновенный человек.

⁶³ Искусное существо (лат.)

Такой добродушный толстяк... Другой швейцар сказал бы ему – куда, братец? Хозяина нет дома, и так далее. Но у меня словно какое-то предчувствие было, что ли. Доложу-ка я о нем, сказал я себе; мне, наверное, влетит от пана Бонди, но я возьму на себя грех, доложу. Я всегда говорю, у швейцара должно быть особое чутье. Иной раз позвонит какой-нибудь тип, выглядит как барон, а окажется агентом по продаже комнатных холодильников. А в другой раз явится толстяк – и смотри-ка, что в нем сидит!

– Надо уметь разбираться в людях, – сказал в заключение Повондра-отец. – Ты видишь. Франтик, что может сделать человек, даже если он занимает скромное положение. Бери пример с меня и старайся всегда исполнять свой долг, как это делал я.

Пан Повондра торжественно и с чувством подтвердил свои слова кивком головы.

– Я мог бы не пускать капитана дальше порога и избавиться себя от беготни по лестнице. Другой швейцар надулся бы и захлопнул дверь перед его носом. И тем самым сорвал бы такой замечательный всемирный прогресс. Помни, Франтик, если бы каждый человек исполнял свой долг, на свете жилось бы как в раю! И слушай внимательно, когда с тобой говорит отец!

– Да, папочка, – буркнул Франтик с несчастным видом.

Повондра – отец откашлялся.

– Дай-ка мне, матушка, ножницы. Надо бы вырезать это из газеты, чтобы оставить после себя какую-нибудь память.

Так пан Повондра начал собирать газетные вырезки о саламандрах. Его страсти коллекционера мы обязаны многими материалами, которые без него канули бы в бездну забвения. Он вырезывал и сохранял все, что находил в печати о саламандрах. Не станем скрывать, что после некоторых колебаний он научился по-мародерски расправляться в своем излюбленном кафе с газетами, в которых было какое-либо упоминание о саламандрах, и достиг при этой редкой, почти престижитаторской виртуозности в искусстве незаметно выдирать из газеты нужный лист и засовывать его в карман под самым носом у обер-кельнера. Как известно, каждый коллекционер способен на воровство и даже на убийство, если речь идет о том, чтобы пополнить коллекцию новым экземпляром, и это нисколько не чернит его моральный облик.

Теперь его жизнь имела смысл, ибо это была жизнь коллекционера. Вечер за вечером он разбирал и перечитывал свои вырезки под снисходительным взглядом пани Повондровой, которая знала, что каждый мужчина – отчасти сумасшедший и отчасти ребенок; пусть лучше забавляется своими вырезками, чем ходит в пивную и играет в карты. Она даже очистила в комоду место для его коробок, которые он сам смастерил для своей коллекции. Можно ли требовать большего от жены и хозяйки?

Даже сам Г. Х. Бонди был как-то раз изумлен энциклопедическими познаниями пана Повондры во всех вопросах, касающихся саламандр. Пан Повондра, немного стесняясь, признался, что собирает все, что было где-либо напечатано о саламандрах, и показал хозяину свои коробки. Г. Х. Бонди добродушно похвалил его коллекцию. Да, только большие люди могут быть такими благосклонными, и только влиятельные люди умеют осчастливить других так, что это им не стоит ни гроша; большие господа вообще умеют устраиваться. Пан Бонди, например, просто-напросто распорядился, чтобы из канцелярии синдиката «Саламандра» Повондре посылали все вырезки о саламандрах, которые не стоило хранить в архиве. И счастливый, несколько удрученный Повондра ежедневно стал получать целые кипы документов на всех языках мира; из них особо благоговейное почтение внушали ему газеты, напечатанные славянскими или греческими буквами, а также еврейскими, арабскими, китайскими, бенгальскими, тамильскими, яванскими, бирманскими или тааликскими письменами.

– И подумать только, – говорил он, созерцая их, – что без меня ничего этого не было бы!

Как мы уже сказали, коллекция пана Повондры сохранила много исторических материалов, относящихся ко всей затее с саламандрами. Отсюда, однако, не следует, что она могла бы удовлетворить ученого историографа. Прежде всего пан Повондра, которому недоставало специального образования в области вспомогательных исторических дисциплин и методологии архивного дела, не снабжал свои вырезки ни указанием источника, ни соответствующей датой, так что по большей части мы не знаем, где и когда был опубликован тот или иной документ. Во-вторых, ввиду чрез-

мерного обилия накопившихся у него материалов, пан Повондра сохранял главным образом большие статьи, которые он считал более важными, тогда как краткие заметки и телеграфные сообщения он попросту выбрасывал в ящик с углем, в результате чего сохранилось чрезвычайно мало фактических данных и сведений обо всем этом периоде. В-третьих, к делу весьма заметно приложила руку сама пани Повондрова: когда коробки пана Повондры угрожающе переполнялись, она потихоньку вытаскивала из них часть вырезок и сжигала их; это повторялось по нескольку раз в год. Она щадит только те материалы, которые поступали не в таком большом количестве, – как, например, тексты, напечатанные малабарскими, тибетскими или коптскими письменами; эти вырезки сохранились почти в полном комплекте, но, ввиду некоторых пробелов в нашем образовании, от них мало проку. Таким образом, имеющийся у нас под рукой материал по истории саламандр отличается такою же отрывочностью, как, скажем, поземельные книги XIII столетия нашей эры или собрание сочинений поэтессы Сафо. До нас лишь случайно дошли документальные Данные, касающиеся различных моментов того грандиозного процесса, который мы, несмотря на все пробелы, попытаемся объединить под заголовком «По ступеням цивилизации».

2. По ступеням цивилизации

(История саламандр) ⁶⁴

В том историческом периоде, который Г. Х. Бонди возвестил на достопамятном общем собрании Тихоокеанской Экспортной Компании пророческими словами о начинающейся утопии ⁶⁵, мы не можем исчислять исторические процессы веками или десятилетиями, как это делалось во всей предшествующей мировой истории, но можем вести счет лишь по четвертям года, измеряя время промежутками между выходом квартальных экономических обзоров ⁶⁶.

В ту эпоху история вырабатывалась – если можно так выразиться – в крупных масштабах; поэтому и темпы истории необычайно (предположительно – раз в пять) ускорились. Сейчас мы просто-напросто не можем ждать несколько сот лет, пока с нашим миром случится что-нибудь, хорошее или дурное. Например, переселение народов, которое когда-то тянулось несколько веков, при современной организации транспорта могло бы быть полностью осуществлено за каких-нибудь три года; иначе на нем ничего не заработаешь. Точно так же обстоит дело с ликвидацией Римской империи, с колонизацией вновь открытых континентов, с истреблением индейцев и так далее. Все это можно было бы устроить теперь несравненно быстрее, если поручить дело финансово мощным предприятием. В этом отношении грандиозные успехи синдиката «Саламандра» и

⁶⁴ См. G. Kreuzmann, Geschichte der Molche. Hanz Tietze. Der Molch des XX. Jahrhunderts. Kurt Wolf. Der Molch und das deutsche Volk. Sir Herbert Owen, The Salamanders and the British Empire. Giovanhi Focaja, L'evoluzione degli wifibii durante in Fascismo. Leon Bonnet. Les Urodeles et la Societe des Nations. S. Madariaga, Las Salamandras. y la Civilizacion (Г. Крейцман, История саламандр; Ганс Тиеце, Саламандра XX столетия; КУРТ Вольф, Саламандра и германский народ; сэр Герберт Оуэн, Саламандры и Британская империя; Джованни Фокаджа. Эволюция земноводных в эпоху фашизма; Леон Бонне; Земноводные и Лига наций; С. Мадариага. Саламандры и цивилизация.) и много других.

⁶⁵ См. Война с саламандрами, ч. I, гл. XII.

⁶⁶ В виде доказательства приведем первую же вырезку из коллекции пана Повондры:

НА РЫНКЕ САЛАМАНДР(ЧТА) Согласно последнему сообщению, опубликованному синдикатом «Саламандра» в конце квартала, сбыт саламандр увеличивается на тридцать процентов. За три месяца было продано почти семьдесят миллионов саламандр, в частности – в Южную и Центральную Америку, в Индо-Китай и в Итальянское Сомали. В ближайшее время предстоит углубление и расширение Панамского канала, очистка гавани в Гуаякиле и очистка Торресова пролива от мелей и рифов. Одни только эти работы, по приблизительному подсчету, потребуют удаления девяти миллиардов кубических метров твердых пород. Сооружение массивных авиационных островов на линии Мадера – Бермуды должно начаться предстоящей весной. На Марианских островах, находящихся под японским мандатом, продолжается засыпка моря землей, пока таким путем получено восемьсот сорок тысяч акров новой, так называемой легкой суши между островами Тиниан и Сайпан. В связи с растущим спросом цены на саламандр держатся очень твердо, котировка «лидинг» – 61, «тим» – 620. Запасы имеются достаточные.

его огромное влияние на мировую историю, несомненно, указывает путь грядущим поколениям.

Таким образом, история саламандр с самого начала характеризуется хорошей и рациональной организацией. В этом первая, но отнюдь не единственная, заслуга синдиката «Саламандра»; вместе с тем следует признать, что наука, филантропия, просвещение, печать и другие факторы также немало содействовали необычайному распространению и прогрессу саламандр. Но все же именно синдикат «Саламандра», так сказать, день за днем открывал перед саламандрами все новые и новые берега и страны, хотя ему и приходилось преодолевать много препятствий, тормозящих эту экспансию⁶⁷. По кварталным обзорам синдиката «Саламандра» можно проследить, как постепенно заселяются саламандрами индийские и китайские, порты; как эта колонизация захватывает африканское побережье и делает прыжок на американский континент, причем в Мексиканском заливе создаются новые, самые усовершенствованные инкубаторы; как наряду с этими широкими волнами колонизации в разные места посылаются небольшие группы саламандр, играющие роль авангарда будущего экспорта. Так, например, синдикат «Саламандра» послал в подарок голландскому Waterstaat'у тысячу первоклассных саламандр, городу Марселю для очистки Старой Гавани он подарил шестьсот саламандр и тому подобное. Словом, в отличие от заселения земного шара людьми, распространение саламандр происходило планомерно и в крупном масштабе; если бы это дело было предоставлено природе, то оно, наверное, растянулось бы на сотни и тысячи лет; в самом деле, природа никогда не была такой предприимчивой и расчетливой, как человеческая промышленность и торговля. Спрос на саламандр оказал, по-видимому, влияние и на их плодовитость; средняя производительность самки повысилась до ста пятидесяти головастиков в год. Некоторая регулярная убыль саламандр, причиной которой были акулы, прекратилась почти совершенно, когда саламандр вооружали подводными револьверами и пулями дум-дум для защиты от хищных рыб⁶⁸.

Распространение саламандр не всюду шло одинаково гладко. Кое-где консервативные круги резко протестовали против ввоза новой рабочей силы, усматривая в этом недобросовестную конкуренцию с человеческим трудом⁶⁹.

Некоторые высказывали опасения, что саламандры, питающиеся мелкими разновидностями морской фауны, создадут угрозу для рыболовства. Другие утверждали, что своими подводными

⁶⁷ О такого рода препятствиях свидетельствует, например, следующее сообщение, вырезанное из газеты без указания даты:

АНГЛИЯ ЗАКРЫЛА СВОИ ГРАНИЦЫ ДЛЯ САЛАМАНДР(Рейтер). На вопрос члена палаты общин, мистера Дж. Лидса, сэр Сэмюэль Мендевилль ответил сегодня, что правительство его величества закрыло Суэцкий канал для каких бы то ни было перевозок саламандр, правительство не намерено допускать, чтобы хотя бы одна единственная саламандра работала на побережье или в территориальных водах Британских островов. Мотивом этих мероприятий, заявил сэр Сэмюэль, является, с одной стороны, безопасность британских берегов, а с другой – старые законы и договоры о запрещении работорговли.

Отвечая на вопрос члена парламента, мистера Б. Рассела, сэр Сэмюэль сказал, что это положение не распространяется на британские доминионы и колонии.

⁶⁸ Для этой цели применялись почти повсюду револьверы, изобретенные инженером Мирко Шафранеком и изготовлявшиеся на оружейном заводе в Брно.

⁶⁹ Сошлемся на следующее газетное сообщение:

ЗАБАСТОВОЧНОЕ ДВИЖЕНИЕ В АВСТРАЛИИ(Гавас). Лидер австралийских тред-юнионов Гарри Мак-Намара объявляет всеобщую забастовку портовых и транспортных рабочих, а также рабочих электростанций и других предприятий. Тред-юнионы требуют, чтобы ввоз рабочих саламандр в Австралию был строго лимитирован в соответствии с законами об иммиграции. Наоборот, австралийские фермеры добиваются, чтобы саламандр ввозили без ограничений, так как в связи со спросом на корм для саламандр значительно повышается сбыт местной кукурузы и животных жиров, в частности бараньего сала. Правительство старается добиться компромисса Синдикат «Саламандра» предлагает уплачивать тред-юнионам по шести шиллингов за каждую ввезенную саламандру. Правительство готово гарантировать, что саламандры будут заняты на подводных работах и что (в интересах нравственности) они не будут высываться и воды более чем на сорок сантиметров, то есть более чем по грудь. Тред-юнионы настаивают на двенадцати сантиметрах и требуют за каждую саламандру по десяти шиллингов, согласно существующему регистрационному тарифу. По-видимому, состоится соглашение при содействии государственного казначейства.

норами и ходами саламандры подрывают берега и острова. По правде сказать, немало было людей, прямо предостерегавших против использования саламандр; но так уж повелось испокон веков, что всякое новшество, все, что служит прогрессу, наталкивается на сопротивление и недоверие; так было с фабричными машинами, и то же самое повторилось с саламандрами.

В некоторых местах возникали недоразумения другого рода ⁷⁰, но благодаря энергичному содействию мировой печати, которая правильно оценила как грандиозные перспективы торговли саламандрами, так и связанные с нею доходы от крупных объявлений, внедрение саламандр в большинстве случаев было встречено с одобрением и живейшим интересом, а иногда даже с воодушевлением ⁷¹.

Торговля саламандрами сосредоточивалась главным образом в руках синдиката «Саламандра», который перевозил их на своих собственных, специально для этой цели построенных наливных судах. Центром торговли и своего рода биржей саламандр был «Саламандровый дом» в Сингапуре.

Приведем подробное и объективное описание этой торговли, помеченное «Е. в. 5 октября»

⁷⁰ См. следующий любопытный документ из коллекции пана Повондры.

САЛАМАНДРЫ СПАСЛИ 36 УТОПАЮЩИХ

(От нашего собственного корреспондента) *Мадрас, 3 апреля*

Пароход линии «Индия Стар» наскочил в мадрасском порту на лодку, перевозившую около сорока туземцев. Лодка тотчас пошла ко дну. Прежде чем успели снарядить полицейский катер, на помощь утопающим поспешили саламандры, занятые очисткой порта от наносов, и благополучно доставили на берег тридцать шесть человек. Одна из саламандр спасла трех женщин и двух детей. В награду за этот подвиг саламандры получили от местных властей письменную благодарность в непромокаемом футляре.

Однако туземное население крайне возмущено тем, что саламандрам было разрешено прикасаться к тонущим представителям высших каст. Туземцы считают саламандр «нечистыми» и «неприкасаемыми». В порту собралась толпа в несколько тысяч туземцев, требовавших изгнания саламандр из порта. Полиции удалось сохранить порядок, зарегистрировано всего лишь трое убитых и сто двадцать арестованных. К десяти часам вечера спокойствие было восстановлено. Саламандры продолжают работать.

⁷¹ См. следующую весьма любопытную вырезку, написанную, к сожалению, на неизвестном языке и посему непереводимую.

Saht na kehri te Salaam Ander bwat

Saht gwan t'lap ne Salaam Ander
bwatati og t'cheni bechri ne Simbwana
m'bengwe ogandi sukha na moimoi op
wana Salaam Andersri m oana gwen's
Og di limbw, og di bwat na Salaam
Ander kchri p we ogandi p we o'g-
wandi te ur maswali sukha? Na, ne ur
lingo t'islami kcher oganda Salaam
Andrias sahti Bend op tonga kchri Sim
bwana medh, salaam!

S-TRADE			
<i>Singapore 4. october</i>			
<i>Leading</i>	63		<i>Odd Jobs</i> 26-35.
<i>Heavy</i>	317.		<i>Trash</i> 008
<i>Team</i>	648.		<i>Spawn</i> 80-132.

"Читатель газет может ежедневно найти подобное сообщение в экономическом отделе своей газеты среди телеграмм о ценах на хлопок, олово или пшеницу. Вы, конечно, уже знаете, что означают эти загадочные цифры и слова? Ну да, это торговля саламандрами, или S-Trade. Но о том, как выглядит эта торговля в действительности, большинство читателей имеет довольно слабое понятие. Быть может, они представляют себе кишаший тысячами саламандр огромный базар, по которому расхаживают купцы в тропических шлемах или чалмах, рассматривают выставленный товар, чтобы наконец ткнуть пальцем в какую-нибудь хорошо сложенную, здоровую молодую саламандру со словами «Давайте-ка мне эту. Сколько с меня?»

На самом деле торговля саламандрами выглядит совершенно по-иному. В сингапурском мраморном дворце S-Trade вы не увидите ни единой саламандры, но лишь проворных и элегантных служащих в белых костюмах принимающих заказы по телефону "Да, сэр! Leading идет по шестьдесят три. Сколько? Двести штук? Да, сэр. Двадцать. Heavy и сто восемьдесят Team. O'key, понимаю. Пароходом – за пять недель Right? Thank you, sir ⁷²!" Весь дворец S-Trade звенит от телефонных разговоров, он похож скорее на какое-нибудь министерство или банк, чем на рынок, между тем это белое изысканное здание с ионическими колоннами вдоль фасада – более крупное мировое торжище, чем багдадский базар времен Гарун аль Рашида.

Но вернемся к процитированному нами торговому бюллетеню с его коммерческим жаргоном.

Лидинг – это специально отобранные, интеллигентные, как правило, трехлетние саламандры, тщательно выдрессированные для исполнения обязанностей надсмотрщиков и десятников в рабочих колоннах саламандр. Они продаются только поштучно, независимо от веса в них ценится только интеллигентность. Сингапурские лидинги, говорящие на хорошем английском языке, считаются наилучшими и самыми надежными. Поштучно предлагаются к продаже и другие марки саламандр десятников, например так называемые Капитаны, Инженеры, Malaian Chiefs ⁷³, Foremanders ⁷⁴ и т. д., но лидинги ценятся выше, чем кто бы то ни было. Сейчас цена на них колеблется около шестидесяти долларов за штуку.

Хэви – это тяжелые, атлетически сложенные, обычно двухлетние саламандры, весом от ста до ста двадцати фунтов. Они продаются только командами (так называемыми bodis), по шести штук в каждой. Они выдрессированы для самых тяжелых физических работ, как, например, ломка скал, выворачивание больших камней и т. д. Если в приведенном бюллетене стоит «Хэви-317», то это значит, что за команду (body) из шести тяжелых саламандр платят триста семнадцать долларов. На каждую такую команду полагается, как правило, один лидинг в качестве десятника и надсмотрщика.

⁷² Подходит? Благодарю вас сэр! (англ.)

⁷³ Малайские старосты (англ.)

⁷⁴ Старшины (англ.)

Тим – это обыкновенные рабочие саламандры, весом от восьмидесяти до ста фунтов, которых продают только дружинами («тимами») по двадцать штук; они предназначаются для массовых работ и применяются главным образом при землечерпательных работах, при сооружении насыпей или плотин и тому подобное. На каждый такой тим полагается один лидинг.

Одд-джобс – самостоятельная категория. Это саламандры, у которых по тем или иным причинам, – например, потому что они были выращены не на больших, специально оборудованных саламандровых фермах, – нет надлежащей специальной выучки. Это, строго говоря, полудикие, хотя нередко весьма одаренные саламандры. Их покупают поштучно или дюжинами и ими пользуются для разных вспомогательных или более мелких работ, на которые невыгодно посылать целые команды или дружины. Если лидинг, так сказать, элита среди саламандр, то одд-джобс можно сравнить с мелким пролетариатом. В последнее время их покупают по преимуществу как сырье, которое отдельные предприниматели сами дрессируют, сортируя его на лидинг, хэви, тим и трэш.

Трэш, или брак (отбросы, отходы), – что неполноценные, слабые или страдающие каким-нибудь физическим недостатком саламандры; их продают не поштучно и не определенными партиями, а лишь оптом, на вес – обычно по несколько десятков тонн; килограмм живого веса стоит сейчас от семи до десяти центов. Собственно говоря, неизвестно, на что они годны и для каких целей их покупают – очевидно, для каких-нибудь более легких работ в воде – во избежание недоразумений, напомним, что саламандры не съедобны для людей. Трэш покупают почти исключительно китайские перекупщики; куда именно они их отправляют – остается не выясненным.

Спаун – это просто-напросто саламандровый помет, точнее – головастики в возрасте до одного года. Их покупают сотнями, и они имеют очень хороший сбыт, главным образом благодаря своей дешевизне и тому, что их перевозка требует минимальных издержек; их обучают уже на месте, вплоть до того, когда они становятся пригодными к работе. Спаун перевозят в бочках, так как головастики не покидают воды, – в противоположность взрослым саламандрам, которым необходимо выходить из воды каждый день. Часто в спауне попадаются необычайно одаренные особи, которые стоят даже выше стандартизованного типа лидингов; это придает своеобразный интерес сделкам, касающимся спауна. Высоко одаренных саламандр продают потом по несколько сот долларов за штуку, американский миллионер Дерикер заплатил даже две тысячи долларов за саламандру, бегло говорящую на девяти языках, и отправил ее в Майами на специальном пароходе, перевозка сама по себе обошлась ему почти в двадцать тысяч долларов. В последнее время саламандровый помет покупают главным образом для так называемых саламандровых конюшен, в которых производится отбор и тренировка резвых спортивных саламандр; их запрягают – по три штуки – в плоскодонные лодки, построенные в виде раковин. Гонки саламандр, запряженных в раковины, сейчас в большой моде и являются любимейшим развлечением молодых американок на Палм-Бич, в Гонолулу и на Кубе, их называют «гонки тритонов», или «регата Венеры». В легкой разукрашенной раковине, скользящей по морской глади, стоит гонщица в чрезвычайно коротеньком и чрезвычайно роскошном купальном костюме, держа в руках шелковые вожжи саламандровой тройки, призом служит титул Венеры Мистер Дж. С. Тинкер, прозванный «консервным королем», купил для своей дочери тройку гоночных саламандр Посейдона, Хенгиста и Короля Эдуарда, затратив за них свыше тридцати шести тысяч долларов. По все это выходит уже за рамки настоящей S-Trade, которая ограничивается тем, что поставляет всему миру солидных лидингов, хэви и тим".

* * *

"Выше мы упоминали уже о саламандровых фермах. Пусть читатель не представляет себе огромных питомников и обнесенных оградой дворов, это – всего лишь несколько километров пустынного побережья, где разбросано с полдюжины домиков из гофрированного железа: один для управляющего, один для ветеринара, остальные – для персонала. Лишь во время отлива можно заметить, что с берега спускаются в море длинные плотины, разделяющие прибрежную полосу на несколько бассейнов: один для помета, другой для категории «лидинг» и т. д., каждую категорию

кормят и дрессируют отдельно И то и другое делается ночью.

С наступлением сумерек саламандры вылезают из подводных нор на берег и собираются вокруг своих преподавателей, обычно отставных солдат. Первый урок – это урок языка, преподаватель произносит перед саламандрами разные слова, например, «копать», и наглядно объясняет их смысл. Потом он выстраивает их по четыре в ряд и учит маршировать, затем следует полчаса гимнастики и отдых в воде. После перерыва саламандры обучают обращению с разными инструментами и оружием, а затем в течение трех часов под наблюдением преподавателей они занимаются практикой, выполняя соответствующие подводные работы. По окончании занятий саламандры возвращаются в воду и получают саламандровые сухари, которые изготавливаются главным образом из кукурузной муки и сала; лидингов и тяжелых саламандры подкармливают еще мясом. Лень и непослушание наказываются лишением пищи, телесных наказаний нет, впрочем саламандры не очень чувствительны к физической боли. С восходом солнца на саламандровых фермах наступает мертвая тишина люди отправляются спать, а саламандры исчезают в море.

Этот порядок нарушается только два раза в год. Один раз – в период спаривания, когда саламандры на две недели предоставляют самим себе, а второй – когда на ферму прибывает наливное судно синдиката «Саламандра» и привозит управляющему приказы относительно того, сколько саламандры и каких категорий следует отгрузить. Погрузка производится ночью; судовой офицер, управляющий фермой и ветеринар садятся за освещенный лампой столик, а сторожа и команда судна отрезают саламандрам путь к морю. Саламандры одна за другой подходят к столику, где их осматривают и решают, годны ли они к работе.

Отобранные саламандры влезают затем в шлюпки, которые отвозят их на судно. Они делают это по большей части добровольно, то есть подчиняясь обычному строгому приказанию, лишь иногда приходится применять легкие принудительные меры, как, например, связывание. Спаун, то есть помет, просто вылавливается неводом.

Столь же гуманно и гигиенично производится и перевозка саламандры на наливных судах. Через день в их резервуарах при помощи насоса меняется вода; кормят саламандры превосходно. Смертность во время перевозка едва достигает десяти процентов. По ходатайству Общества кроовительства животным на каждом наливном судне имеется капеллан, который следит, чтобы к саламандрам относились по-человечески, и каждую ночь обращается к ним с проповедью, внушая им почтение к людям, а также долг благодарности, повиновения и любви к их будущим хозяевам, не имеющим других помыслов, кроме желания отечески заботиться об их благополучии. Надо сказать, что саламандрам довольно трудно растолковывать, что такое «отеческие заботы», так как понятие отцовства им незнакомо. Среди более развитых саламандры для судовых капелланов укоренилось прозвище «Папа-Саламандра» Вполне оправдали себя также научно-образовательные фильмы, которые во время перевозки показывают саламандрам, с одной стороны, чудеса человеческой техники, а с другой – будущие задачи и обязанности саламандры.

Есть люди, которые расшифровывают название S-Trade (торговля саламандрами) как Slave Trade, то есть работорговля. Ну, что же! Как объективные наблюдатели, мы можем сказать, что, если бы старая работорговля была так хорошо организована, так безупречна с гигиенической точки зрения, как теперешняя торговля саламандрами, мы могли бы только поздравить рабов. С более дорогими сортами саламандры обращаются действительно очень прилично и бережно – хотя бы уже потому, что капитан и команда судна отвечают своим жалованьем и наградными за жизнь вверенных им саламандры. Автор этой статьи сам был свидетелем того, как на наливном судне «С.С.14» самые бессердечные моряки глубоко огорчились, – когда в одном из резервуаров двести сорок первосортных саламандры заболели острым поносом. Они ходили смотреть на них чуть ли не со слезами на глазах и выражали свои истинно гуманные чувства в грубых внешне словах: «На кой черт сдалась нам эта падаль!»

Когда вывоз саламандры начал разрастаться, возникла, конечно, и «дикая» торговля; синдикат «Саламандра» не мог контролировать и эксплуатировать все те поселения саламандры, которые покойный капитан ван Тох рассеял по мелким отдаленным островам Микронезии, Меланезии и Полинезии, так что многие саламандровые бухты были предоставлены самим себе. В результате; наряду с рациональным разведением саламандры, значительные размеры приобрела также охота на

диких саламандр, во многих отношениях напоминая прежний тюлений промысел. Этот промысел был до некоторой степени нелегальный, но так как законодательства об охране саламандр не существовало, то в самом худшем случае охотников преследовали лишь за то, что они без надлежащего разрешения вступили на территорию, находящуюся под суверенитетом того или иного государства. Но саламандры невероятно расплодились на этих островах и временами причиняли ущерб полям и огородам туземцев, а потому «дикие» облавы на саламандр молчаливо рассматривались как естественное регулирование численного роста саламандр. Вот относящееся к тому времени описание облавы, сделанное очевидцем.

Корсары XX века

Э. Э. К.

"Было одиннадцать часов вечера, когда капитан нашего парохода приказал спустить национальный флаг и приготовить шлюпки. Ночь была лунная, подернутая серебристым туманом. Мы гребли к небольшому островку; это был, кажется, остров Гарднера из группы Фениксовых островов. В такие лунные ночи саламандры выходят на берег и танцуют; вы можете подойти к ним вплотную, – они не заметят вас, – до такой степени они увлечены своей массовой немой пляской. Нас было двадцать человек; мы вышли на берег и с веслами в руках, двигаясь рассыпным строем, начали оцеплять полукругом темную толпу, копошившуюся на пляже, залитом молочным светом луны.

Трудно передать впечатление, производимое пляской саламандр. Около трехсот животных сидят на задних ногах, образуя правильный круг и повернувшись лицом к центру; внутри круг пустой. Саламандры не шевелятся: они словно оцепенели. Это похоже на частокол вокруг какого-то таинственного алтаря; но здесь нет ни алтаря, ни бога. Вдруг одно из животных зачмокает: «Тс-тс-тс», – и начнет волнообразно извиваться верхней частью туловища; это колебательное движение передается по кругу дальше, дальше, и через несколько секунд все саламандры, не двигаясь с места, извиваются все быстрее и быстрее, без единого звука, все фантастичнее, с каким-то бешеным упоением. Минут через пятнадцать какая-нибудь из саламандр ослабевает; за ней другая, третья; качнувшись еще несколько раз, они застывают в изнеможении; и снова все сидят неподвижно, как статуи. Через некоторое время где-нибудь опять тихо прозвучит: «Тс-тс-тс», – опять какая-нибудь саламандра начнет извиваться, и ее танец сразу передается всему кругу. Я знаю, мое описание кажется очень механическим: но прибавьте к этому молочно-белый свет луны и протяжный ритмический шум прибоя; во всем этом было нечто непреодолимо магическое, я бы сказал – колдовское. Я остановился, горло у меня сжалось от невольного чувства то ли жути, то ли восторга. «Шевели ногами, дырку простоишь!» – крикнул мне ближайший сосед. Мы сузили свое кольцо вокруг танцующих животных.

Люди держали весла наперевес и разговаривали вполголоса – скорее потому, что стояла ночь, чем из опасения, что саламандры могут их услышать. «К центру, бегом!» – скомандовал офицер. Мы бросились на извивающийся круг; весла с глухими ударами обрушились на спины саламандр. Только теперь саламандры в испуге очнулись и отпрянули к центру; некоторые пытались проскользнуть к морю, но, получив удар веслом, отлетали назад, вопя от боли и страха. Мы загоняли их в середину; места было мало, и они теснились, давя друг друга, как сельди в бочке, – их копошилось тут несколько слоев. Десять человек сдерживали их в ограде из весел, а остальные тыкали и колотили веслами тех, кто пытался проползти под оградой или прорваться через нее. Это был сплошной клубок черного, извивающегося, смятенно квакающего мяса, на которое сыпались глухие удары. Но вот между двумя веслами открылся проход; одна из саламандр проскользнула туда и была оглушена ударом дубинки по затылку; за ней другая, третья, пока их не набралось около двадцати. «Замкнуть!» – скомандовал офицер, и проход между веслами закрылся. Булли Бич и мулат Динго схватили оглушенных саламандр за ноги (каждый по две) и поволокли по песку к

шлюпке, словно мешки. Случалось порой, что тело саламандры застревало между камнями; тогда матросы дергали ожесточенно и резко, и нога отрывалась. «Не беда, – бурчал старый Майкл, стоявший возле меня, – новая отрастет». Когда оглушенных саламандр побросали в шлюпку, офицер сухо скомандовал: «Следующих!» И снова на затылки саламандр посыпались удары дубинки. Этот офицер по фамилии Беллами был образованный и скромный человек, превосходный шахматист. Но это была охота, или, точнее, промысел; какие же тут могли быть церемонии! Так мы поймали свыше двухсот саламандр; около семидесяти остались на месте они были, по-видимому, мертвы и не стоило перетаскивать их.

На пароходе пойманных саламандр швырнули в резервуар. Наш пароход был старым нефтеналивным судном, плохо вычищенные резервуары воняли керосином, и вода в них была подернута радужной маслянистой пленкой, только крышку резервуара удалили, чтобы открыть доступ воздуху. Когда туда набросали саламандр, это выглядело как отвратительная густая похлебка с лапшой; кое-где «лапша» слабо и жалко шевелилась, но в этот день ее оставили в покое, чтобы саламандры могли прийти в себя. Назавтра явились четыре человека с длинными шестами и стали тыкать ими в «похлебку» (профессионалы в самом деле называют это «супом»); они перемешивали тела, густо набившие резервуар, а высматривали те из них, которые уже не шевелились или у которых мясо отваливалось от костей; они подцепляли их длинными крюками и вытаскивали из резервуара. «Похлебка очищена?» – спросил потом капитан. «Да, сэр!» – «Подлейте туда воды». – «Есть, сэр». Такую очистку надо было повторять ежедневно; и каждый раз приходилось выбрасывать в море от шести до десяти штук «испорченного товара», как его называют здесь; наш пароход неотступно сопровождала целая свита огромных, откормленных на славу акул. От резервуара несло ужасающим зловонием; хотя вода периодически менялась, она была желтого цвета, полна нечистот и размокших сухарей; в ней вяло шевелились или тупо лежали черные, тяжело дышащие тела. «Ну, этим еще повезло, – твердил старый Майкл. – Я видел пароход, на котором их перевозили в железных баках из-под бензола, они там все подошли».

Через шесть дней мы запасались новым товаром на острове Наномеа.

* * *

Вот как выглядит торговля саламандрами; правда, это нелегальная торговля, точнее говоря – современное корсарство, которое расцвело чуть ли не в одну ночь. Утверждают, что почти четверть всех продаваемых и покупаемых саламандр добыта таким путем. Есть поселения саламандр, где синдикату «Саламандра» невыгодно содержать постоянные фермы; а на небольших тихоокеанских островах саламандр развелось столько, что они делаются прямо обузой; туземцы не любят их и уверяют, что своими норами и проходами они просверливают целые острова, вот почему и колониальные власти и сам синдикат «Саламандра» смотрят сквозь пальцы на разбойничьи набеги на саламандр. Считают, что около четырехсот корсарских судов занимаются исключительно похищением саламандр. Наряду с мелкими предпринимателями этим современным корсарством занимаются и большие пароходные компании, крупнейшая из которых – Тихоокеанская торговая компания; ее правление находится в Дублине, а президентом состоит достоуважаемый мистер Чарльз Б. Гарриман. Год назад положение было еще хуже; китайский бандит Тенг, располагавший тремя судами, напал прямо на фермы синдиката «Саламандра» и в случае сопротивления не стеснялся убивать весь служебный персонал; в ноябре прошлого года Тенг со своей флотилией был потоплен американской канонеркой «Миннетонка» у острова Мидуэй. С тех пор саламандровое корсарство приобрело менее дикие формы и стало неуклонно расширяться, после того как были достигнуты известные соглашения, при соблюдении которых оно негласно допускалось, так, например, при нападении на побережье, принадлежащее другому государству, следовало спускать национальный флаг; под прикрытием саламандрового корсарства запрещалось производить ввоз и вывоз других товаров; захваченных таким способом саламандр нельзя было продавать по демпинговым ценам, и при торговых сделках они должны были считаться второсортными.

В нелегальной торговле саламандры идут по цене от двадцати до двадцати двух долларов за

штуку; они считаются хотя и более низкосортной, зато весьма выносливой разновидностью, хотя бы уже потому, что выдержали столь жестокое обращение на корсарских пароходах. Считается, что после таких перевозок в живых остается от двадцати пяти до тридцати процентов похищенных саламандр; но зато уж эти могут перенести что угодно. На коммерческом жаргоне их называют "Макароны", и в последнее время сведения о них появляются в регулярных торговых бюллетенях.

* * *

Через два месяца после описанной облавы я сидел с Беллами за шахматной доской в вестибюле «Отель де Франс» в Сайгоне; я уже не был, конечно, наемным матросом.

– Слушайте, Беллами, – сказал я ему, – вы порядочный человек и, как говорится, джентльмен. Неужели вам не противно служить делу, которое по существу не что иное, как гнуснейшая работоторговля?

Беллами пожал плечами.

– Саламандры – это саламандры, – уклончиво проворчал он.

– Двести лет тому назад говорили, что негры – это негры.

– А разве это было не так? – ответил Беллами. – Шах!

Эту партию я проиграл. Меня вдруг охватило такое чувство, будто каждый ход на шахматной доске не нов и был уже когда-то кем-то сыгран. Быть может, и история наша была уже кем-то разыграна, а мы просто переставляем свои фигуры, делая те же ходы, и стремимся к тем же поражениям, какие уже были когда-то. Возможно, что именно такой же порядочный и скромный Беллами ловил когда-то негров на берегу Слоновой Кости и перевозил их на Гаити или в Луизиану, предоставляя им подышать в трюме. И он не думал сделать ничего плохого, этот Беллами. Беллами никогда не хочет ничего плохого. Поэтому он неисправим.

– Черные проиграли! – удовлетворенно сказал Беллами и встал, потягиваясь всем телом.

Помимо хорошо организованной торговли саламандрами и широкой пропаганды в печати, величайшую роль в распространении саламандр сыграла грандиозная волна технического прожектерства, захлестнувшая в ту эпоху весь мир. Г. Х. Бонди справедливо предвидел, что человеческий ум отныне начнет работать в масштабах новых материков и новых Атлантид. В течение всего Века Саламандр между представителями технической мысли продолжался оживленный и плодотворный спор о том, надо ли сооружать тяжелые континенты с железобетонными берегами, или легкую сушу в виде насыпи из морского песка. Почти каждый день появлялись на свет новые гигантские проекты. Итальянские инженеры предлагали, с одной стороны, построить «Великую Италию», охватывающую почти все пространство Средиземного моря (между Триполи, Балеарскими и Додеканесскими островами), а с другой – создать на восток от Итальянского Сомали новый континент, так называемую Лемурию, которая со временем покрыла бы весь Индийский океан; и действительно, с помощью целой армии саламандр против сомалийской гавани Могдиш был насыпан островок площадью в тринадцать с половиной акров. Япония разработала и отчасти осуществила проект устройства нового большого острова на месте Марианских островов, а также собиралась соединить Каролинские и Маршалские острова в два больших острова, заранее наименованные «Новый Ниппон»; на каждом из них предполагалось даже устроить искусственный вулкан, который напоминал бы будущим островитянам священную Фудзияму. Ходили также слухи, будто немецкие инженеры тайно строят в Саргассовом море тяжелый бетонный материк, то есть будущую Атлантиду, которая могла бы угрожать Французской Западной Африке; но, по-видимому, они успели только заложить фундамент. В Голландии приступили к осушению Зеландии; Франция соединила Гранд-Тер, Бас-Тер и Ла-Дезирад на Гваделупе в один благодатный остров. Соединенные Штаты начали сооружать на 37-м меридиане первый авиационный остров (двухъярусный, с грандиозным отелем, спортивным стадионом, луна-парком и кинотеатром на пять тысяч человек). Словом, казалось, пали последние преграды, которыми мировой океан ограничивал размах человеческой деятельности; настала радостная эпоха потрясающих технических замыслов; человек осознал, что только теперь он становится Хозяином Мира – благодаря саламандрам, кото-

рые вышли на мировую арену в нужный момент и, так сказать, по исторической необходимости. Спора нет – саламандры не могли бы распространиться в таких невиданных масштабах, если бы наш век, век техники, не подготовил для них столько рабочих задач и такого обширного поля для постоянного их использования. Будущее Рабочих Моря, качалось, было теперь обеспечено на долгие столетия.

Видную роль в развитии торговли саламандрами сыграла также наука, которая очень скоро обратила свое внимание на изучение как физиологии, так и психологии саламандр.

Приводим здесь отчет о научном конгрессе в Париже, написанный очевидцем.

«PREMIER CONGRES D'URODELES»

"Его называют для краткости «Конгресс хвостатых земноводных», хотя его официальное название несколько длиннее, а именно – «Первый международный конгресс зоологов, посвященный исследованию психологии хвостатых земноводных». Но настоящий парижанин не любит трехсаженных названий; ученые профессора, заседающие в аудитории Сорбонны, для него просто «messieurs les Urodeles», «господа хвостатые земноводные», – и точка. Или еще более кратко и почитительно – «сез зоос-ла»⁷⁵.

Мы отправились взглянуть на еes zoos-la скорее из любопытства, чем по долгу репортерской службы. Из любопытства, возбуждаемого, конечно, не университетскими знаменитостями, по большей части очкастыми и пожилыми, но теми... созданиями (почему мы никак не решаемся сказать «животными»?), о которых написано уже так много, начиная от ученых фолиантов и кончая бульварными песенками, и которые, по словам одних, не что иное, как газетная выдумка, а по словам других – существа, во многих отношениях более одаренные, чем сам царь природы и венец творения, как еще и сейчас (после мировой войны и других исторических событий) именуется человек. Я рассчитывал, что прославленные господа участники конгресса, посвященного психологическому исследованию хвостатых земноводных, дадут нам, профанам, точный и окончательный ответ на вопрос, как обстоит дело с пресловутой понятливостью Andrias'a Scheuchzeri; что они скажут нам: да, это существо разумное или по крайней мере столь же восприимчивое к цивилизации, как вы и я; а поэтому на будущее время с ним надо считаться так же, как должны мы считаться с будущностью человеческих рас, зачислявшихся некогда в категории диких и примитивных... Сообщаю, что ни такого ответа, ни даже такого вопроса мы на конгрессе не слышали; современная наука слишком специализировалась для того, чтобы заниматься подобного рода проблемами.

Ну что же, займемся изучением того, что на языке науки называется душевной жизнью животных. Вон тот высокий господин с всклокоченной бородой чернокнижника, который сейчас свирепствует на кафедре, – это знаменитый профессор Дюбоск; по-видимому, он громит какую-то превратную теорию какого-то уважаемого коллеги, но в этой части его доклада мы не в состоянии разобраться как следует. Лишь немного спустя нам становится понятным, что свирепый чернокнижник говорит о цветовых ощущениях у Andrias'a и о его способности различать те или иные оттенки цвета. Не знаю, правильно ли я понял, но у меня осталось впечатление, что Andrias, по-видимому, немного страдает дальтонизмом, зато профессор Дюбоск, должно быть, страшно близорук, судя по тому, как он подносил свои листочки к толстым, ярко поблескивающим стеклам очков.

После него говорил улыбающийся японский ученый, д-р Окагава, что-то о реактивной дуге и о признаках, которые наблюдаются, если перерезать какой-то чувствительный нерв в мозгу Andrias'a; потом он рассказал, что делает Andrias, если разрушить у него орган, соответствующий ушному лабиринту. Затем профессор Реман подробно объяснил, как Andrias реагирует на раздражение электрическим током. Это вызвало ожесточенный спор между ним и профессором Брукнером. C'est un type⁷⁶, этот профессор Брукнер: маленький, злобный, суетливый до трагического;

⁷⁵ Сокращенное вместо ces zoologues – эти зоологи (франц.).

⁷⁶ Любопытный тип (франц.).

помимо прочего, он утверждал, что Andrias снабжен столь же несовершенными органами чувств, как и человек, и столь же беден инстинктами; с чисто биологической точки зрения, он точно такое же вырождающееся животное, как и человек, и, подобно ему, старается возместить свою биологическую неполноценность с помощью того, что мы называем интеллектом.

Однако остальные специалисты, как кажется, не принимали профессора Брукнера всерьез – вероятно потому, что он не перерезывал чувствительных нервов и не посылал в мозг Andrias'a электрических зарядов. После Брукнера профессор ван Диттен тихим, почти благоговейным голосом описывал, какие расстройства появляются у Andrias'a, если удалить у него правую височную долю головного мозга или затылочную извилину в левом мозговом полушарии. Затем американский профессор Деврайнт сделал доклад...

Виноват, честное слово, я не знаю, о чем он делал доклад, так как в этот момент мне начала сверлить голову мысль о том, какие расстройства появились бы у профессора Деврайнта, если бы у него удалили правую височную долю головного мозга; как реагировал бы улыбающийся д-р Окагава, если бы его раздражали электрическим током, и как вел бы себя профессор Реман, если бы кто-нибудь разрушил у него ушной лабиринт. Я почувствовал также, что не совсем уверен насчет того, как обстоит у меня дело со способностью различать цвета или с фактором *t* в моих моторных реакциях. Меня мучило сомнение, имеем ли мы право (в строго научном смысле) говорить о душевной жизни нас самих (то есть людей), пока мы не выпотрошили друг у друга различные доли головного мозга и не перерезали один другому чувствительные нервы. Строго говоря, чтобы взаимно изучить нашу душевную жизнь, нам следовало бы наброситься друг на друга со скальпелем в руках. Что касается меня, то я готов был в интересах науки разбить очки профессора Дюбоска или пустить электрический заряд в лысину профессора ван Диттена, чтобы потом опубликовать статью о том, как они на это реагировали. По правде сказать, я могу очень живо представить себе это. Менее живо я представляю себе, что делалось при подобных опытах в душе Andrias'a; но я думаю, что это – невероятно терпеливое и добродушное создание. Ведь ни одна из выступивших с докладом знаменитостей не сообщала, чтоб бедняга Andrias Scheuchzeri, когда-нибудь пришел в ярость.

Не сомневаюсь, что Первый конгресс хвостатых земноводных – замечательный успех научной мысли; но как только у меня выберется свободный день, я отправлюсь в Jardin des Plantes⁷⁷, прямехонько к бассейну Andrias'a Scheuchzeri и потихоньку скажу ему:

– Слушай, саламандра, если когда-нибудь придет твой день, не вздумай научно исследовать душевную жизнь людей!"

Благодаря этим научным исследованиям саламандр перестали считать каким-то чудом; под трезвым светом науки саламандры в значительной мере утратили свой первоначальный ореол исключительности и необычайности; в качестве объекта психологических испытаний они проявили весьма средние и неинтересные свойства; на основании научных выводов их высокую одаренность отнесли к области легенд. Наука открыла Нормальную Саламандру, которая оказалась скучным и довольно ограниченным созданием. Только газеты все еще отыскивали время от времени какую-нибудь Чудо-Саламандру, которая умела множить в уме пятизначные числа, но и это перестало тешить публику, особенно когда было доказано, что при надлежащей тренировке этому может научиться и обыкновенный человек. Словом, люди начали видеть в саламандрах нечто столь же обыденное, как арифмометр или какой-нибудь автомат; саламандры перестали быть таинственными созданиями, вынырнувшими из неведомых глубин, неизвестно для чего и почему. К тому же люди никогда не считают таинственным то, что служит им и приносит пользу, но только то, что грозит им опасностью или причиняет вред; и так как саламандры оказались существами в высшей мере и во многих отношениях полезными, то на них теперь смотрели просто как на составную часть рационального будничного порядка вещей. -

Изучением возможностей использования саламандр занимался, в частности, гамбургский ис-

⁷⁷ Ботанический и зоологический сад (франц.).

"Эксперименты с тихоокеанской Исполинской саламандрой (*Andrias Scheuchzeri Tschudi*), которые я производил в своей гамбургской лаборатории, преследовали точно определенные цели: установить степень сопротивляемости саламандр по отношению к перемене среды и к другим внешним, воздействиям и тем самым выяснить их практическую применимость в различных географических зонах и при различных условиях.

Первая серия экспериментов должна была установить, как долго может выдержать саламандра пребывание вне воды. Подопытные животные были помещены в сухих бочках при температуре в 40 – 50°C. Через несколько часов у них наблюдался очевидный упадок сил, но после обрызгивания водой они снова оживали. По прошествии двадцати четырех часов они лежали без движения; шевелились только веки; пульс был замедленный; все физиологические процессы снизились до минимума. Животные явно страдали, малейшее движение стоило им огромного труда.

Через три дня наступает состояние каталептического оцепенения (ксероз); животные не реагируют, даже когда их прижигают при помощи электрокутора. При повышении влажности воздуха они начинают подавать некоторые признаки жизни (закрывают глаза, когда на них направляют яркий свет, и т. п.). Если такую высушенную саламандру по прошествии семи дней вновь помещали в воду, то через продолжительное время она оживала; при более длительном высушивании погибало большинство подопытных животных. Саламандры, выставленные под прямые лучи солнца, гибнут уже через несколько часов.

Других подопытных животных заставили вертеть вал в темноте в очень сухой атмосфере. Через три часа их производительность стала падать, но вновь поднялась после обильного обрызгивания. При часто повторяемом обрызгивании животные могли вертеть вал в течение семнадцати, двадцати, а в одном случае – двадцати шести часов без перерыва, тогда как человек, над которым производился контрольный эксперимент, – был в значительной мере обессилен этой механической работой уже через пять часов. Из этих экспериментов мы можем заключить, что саламандры; вполне пригодны и для работ на суше, но при соблюдении двух условий: не выставлять их прямо на солнце и периодически обрызгивать водой всю поверхность их тела.

Вторая серия экспериментов касалась сопротивляемости саламандр – животных тропических областей – по отношению к холоду. При быстром охлаждении воды они погибали от катара кишок; но при постепенной акклиматизации они легко привыкали к более холодной среде; через восемь месяцев они сохраняли бодрость даже при температуре воды 7°C, если в их пище содержалось больше жиров (от ста пятидесяти до двухсот граммов в день). Если температура воды опускалась ниже 5°C, они впадали в оцепенение от замерзания (гелоз); в этом состоянии их можно было заморозить в глыбе льда и держать так в течение нескольких месяцев; когда же лед таял и температура воды поднималась выше 5°C, они начинали опять подавать признаки жизни, а при 7 – 10 градусах принимались оживленно искать пищу. Отсюда видно, что саламандры могут прекрасно приспособиться к жизненным условиям в нашем климатическом поясе вплоть до северной Норвегии и Исландии. Для применения саламандр в полярных условиях потребуются дальнейшие опыты.

В противоположность этому значительную чувствительность проявляют саламандры по отношению к химическим примесям в воде; при опытах с весьма слабым щелочным раствором, со сточными водами промышленных предприятий, с дубильными веществами и т. п. у саламандры

⁷⁸ Сообщение о соматических предрасположениях саламандр (нем.).

лоскута ми отпадала кожа; и подопытные животные погибали, как если бы они были лишены жабер. Следовательно, в наших реках саламандр использовать нельзя.

При следующей серии экспериментов нам удалось установить, сколько времени саламандры могут выдержать без пищи. Они могут голодать по три недели и больше, и это не сказывается ни в чем, кроме появления известной вялости. Одну подопытную саламандру я заставил голодать около шести месяцев; последние три месяца она непрерывно спала без всякого движения; когда я потом бросил ей в чан рубленую печенку, то она была так слаба, что не реагировала на пищу, и пришлось прибегнуть к искусственному питанию. Через несколько дней она ела уже нормально, и ее можно было использовать для дальнейших экспериментов.

Последняя серия экспериментов касалась регенеративной способности саламандр. Если отрубить у саламандры хвост, то через две недели у нее отрастет новый; с одной саламандрой мы семь раз повторяли этот эксперимент, и всегда с одинаковым результатом. Точно так же у саламандр вновь отрастают отрубленные ноги. У одного подопытного животного мы ампутировали все четыре конечности и хвост; через тридцать дней все опять было в полном порядке. Если сломать у саламандры берцовую или плечевую кость, то у нее отпадает вся надломленная конечность и взамен отрастает новая. Точно так же развивается новый глаз на месте удаленного и новый язык; интересно, что саламандра, у которой я вырезал язык, разучилась говорить и должна была учиться сначала. Если ампутировать у саламандры голову или перерезать ей туловище где-нибудь между шеей и тазом, то животное издыхает. Наоборот, можно удалить у саламандры желудок, часть кишок, две трети печени и другие органы без нарушения ее жизненных функций; можно сказать, что почти полностью выпотрошенная саламандра все еще сохраняет жизнеспособность. Ни одно другое животное не обладает подобной сопротивляемостью по отношению к какому бы то ни было ранению, как саламандра. В связи с этим она могла бы быть первоклассным, почти неуничтожимым военным животным; к сожалению, этому препятствует ее миролюбивый характер и отсутствие у нее естественного оружия.

Наряду с описанными экспериментами мой ассистент д-р Вальтер Кинкель исследовал возможности использования саламандр в качестве полезного сырья. В частности, он выяснил, что в организме саламандры содержится необычайно высокий процент йода и фосфора; не исключено, что в случае необходимости можно было бы добывать из них эти ценные элементы промышленным способом. Кожа саламандры – сама по себе плохая, но ее можно размолоть и потом спрессовать под высоким давлением; полученная таким образом искусственная кожа легка, достаточно прочна и могла бы служить заменой бычьей коже. Саламандровый жир несъедобен из-за отвратительного вкуса, но годится в качестве сырья для технических смазочных масел, так как замерзает лишь при очень низких температурах. Точно так же и мясо саламандры было признано несъедобным и даже ядовитым, при употреблении в сыром виде оно вызывает острые боли, рвоту и галлюцинации. После многих опытов, которые д-р Хинкель производил на самом себе, он выяснил, что эти вредные последствия отпадают, если ошпарить нарезанное мясо кипятком (подобно тому, как это делается с некоторыми видами мухоморов) и после основательного промывания положить его на двадцать четыре часа в слабый раствор марганцевого калия. Будучи потом приготовлено в вареном или тушеном виде, оно имеет вкус плохой говядины.

Мы съели в таком виде саламандру по кличке Ганс; это было умное и развитое животное, отличавшееся большими способностями к научной работе; оно работало в отделении д-ра Хинкеля в качестве лаборанта, и ему можно было доверять самые тонкие химические анализы. Мы подолгу беседовали с ним в свободные вечера, забавляясь его ненасытной любознательностью. К сожалению, нам пришлось расстаться с нашим Гансом, так как он ослеп после моих экспериментов с трепанацией черепа. Мясо у него было темное и ноздреватое, но не вызвало никаких неприятных последствий. Не подлежит сомнению, что в военное время саламандровое мясо может служить желательной и дешевой заменой говядины"

В конце концов вполне естественно, что, когда на свете развелось несколько сот миллионов саламандр, они перестали быть сенсацией, тот интерес, который они возбуждали в публике, пока были какой-то новинкой, доживал свои последние дни лишь в киногротесках («Салли и Анди, две

добрые саламандры») и на эстрадах кабаре, где особенно безголодые куплетисты и шансонетки выступали в неотразимо комической роли саламандр, подражая их скрипучему выговору и коверкая на все лады грамматику. Как только саламандры сделали широко распространенным повседневным явлением, изменилась, так сказать, их проблематика⁷⁹. Итак, великая сенсационность саламандр довольно скоро потускнела; ее место заняло нечто другое, до известной степени более солидное, а именно – *Саламандровый Вопрос*. Застрельщиком Саламандрового Вопроса – как это не раз случалось в истории человеческого прогресса – оказалась женщина. Это была мадам Луиза Циммерман, директриса пансиона для девиц в Лозанне, которая с необычайной энергией и неостывающим пылом проповедовала по всему свету свой благородный лозунг «*Дайте саламандрам систематическое школьное образование!*». Долгое время она наталкивалась на непонимание со стороны общественности, хотя неустанно подчеркивала, с одной стороны, природенную сообразительность саламандр, а с другой – ту опасность, которая может возникнуть для человеческой цивилизации, если саламандры не будут получать тщательного умственного и нравственного воспитания. «Подобно тому как римская культура погибла от вторжения варваров, точно так же погибнет и наша цивилизация, если она окажется островом среди моря духовно угнетенных существ, которым закрыт доступ к высшим идеалам современного человечества», – так пророчески взывала она на шести тысячах трехстах пятидесяти семи лекциях, прочитанных ею во всех женских клубах Европы и Америки, а также в Японии, Китае, Турции и других местах. "Чтобы сохранить культуру, надо сделать ее всеобщим достоянием. Мы не можем спокойно пользоваться ни благами нашей цивилизации, ни плодами нашей культуры, пока вокруг нас прозябают миллионы и миллионы

⁷⁹ Характерные материалы дает в этом отношении организованная газетой «Дейли стар» анкета на тему «Есть ли у саламандр душа?» Мы процитируем из ответа на эту анкету (впрочем, без речательства за подлинность) изречения нескольких видных лиц.

Dear sir!

Вместе с моим другом достопочтенным Х Б Бертрамом я наблюдал саламандр в течение довольно долгого времени на строительстве мола в Адене, два или три раза мы даже говорили с ними, но не нашли у них никакого намека на высшие чувства, то есть такие, как Честь, Вера, Патриотизм или Спортивный Дух. А что же еще, спрашивается, можем мы с полным правом назвать душою?

Truly yours colonel.

Джон У Бриттон.

Я никогда не видал саламандры, но уверен, что у созданий, не имеющих своей музыки, нет и Души.

Тосканини.

Оставим в стороне вопрос о душе; но поскольку я мог наблюдать Анднас'а, я сказал бы, что у него нет индивидуальности, все они похожи друг на друга все – одинаково старательные, одинаково способные и одинаково невыразительные, – словом, в них воплощен подлинный идеал современной цивилизации, то есть Стандарт.

Андре д'Артуа.

Души у них, безусловно, нет. В этом они сходны с человеком.

Ваиш Бернард Шоу.

Ваш вопрос поставил меня в тупик. Я знаю, например, что у моей китайской собачки Биби маленькая и притом прелестная душа; точно так же и у моей персидской кошки Сиди Ханум есть душа, да еще какая гордая и жестокая! Но саламандры? Ну да, они очень одарены и интеллигентны, эти бедняжки умеют говорить, считать и приносят огромную пользу. Но они ведь такие безобразные!

Ваша Мадлен Рош, [1885 – 1930) – известная французская драматическая актриса.]

Пусть саламандры, лишь бы не марксисты!

Курт Губер

Души у них нет. В противном случае мы были бы обязаны признать за ними право на экономическое равенство с человеком, что было бы абсурдом.

Генри Бонд. [президент английской национальной ассоциации сталепромышленников.]

В них нет никакого sex appeal! А значит, нет и души.

Май Уэст.

У них есть душа, как есть она у каждого создания и каждого растения, как есть она у всего живущего. Велико таинство жизни.

Сандрабхарата Нат

У них любопытная техника и стиль плавания: мы можем многому у них научиться, в частности при плавании на длинные дистанции.

Тони Вайссмюллер. [Вайссмюллер Джонн (р. в 1904) – американский пловец; с 1932 года снимался в Голливуде; приобрел мировую известность, исполняя главную роль в фильме о Тарзане.]

несчастных, униженных существ, искусственно содержащихся в животном состоянии. Подобно тому как лозунгом девятнадцатого столетия было Освобождение Женщины, так лозунгом нашего века должно быть: «Дайте саламандрам систематическое обучение!» И так далее, и так далее. Благодаря своему красноречию и невероятному упорству мадам Луиза Циммерман сумела мобилизовать женщин всего мира и собрала достаточные средства для того, чтобы учредить в Болье (возле Ниццы) первую гимназию для саламандр, где помет саламандр, работающих в Марселе и Тулоне, обучают французскому языку и литературе, риторике, светским манерам, математике и истории культуры⁸⁰. Несколько меньший успех имела женская гимназия для саламандр в Ментоне, где преподавание основных предметов – музыки, диетической кухни и тонкого рукоделия (мадам Циммерман настаивала на этих предметах по соображениям главным образом педагогическим) – столкнулось с явным недостатком сообразительности, а иногда и прямо с упорным невниманием со стороны юных гимназисток-саламандр. В противоположность этому, первые публичные экзамены молодых саламандр мужского пола прошли с таким поразительным успехом, что после этого (стараниями Общества покровительства животным) был учрежден Морской политехникум для саламандр в Каннах и Саламандровый университет в Марселе; именно здесь саламандра впервые получила степень доктора прав.

Отныне вопрос воспитания саламандр вступил на путь быстрого и нормального развития. Прогрессивные педагоги выдвинули против образцовых *Ecoles Zimmernann* (циммермановских школ) много серьезнейших возражений. В частности, они утверждали, что устарелые гуманитарные школы человеческой молодежи не годятся – для воспитания подрастающих поколений саламандр; они решительно отвергали преподавание литературы и истории и рекомендовали уделять побольше места и времени практической программе, то есть таким предметам, как естественные науки, работа в школьных мастерских, техническое обучение, физическая культура и т.п. Эту так называемую реформированную школу, или «Школу практической жизни», в свою очередь, ярост-

⁸⁰ Подробнее см об этом в книге «*M-me Loise Zimmermann, sa vie, ses idées, son oeuvre*» ["Мадам Луиза Циммерман, ее жизнь, идеи и деятельность"] (издательство «Алькан») Приведем из этого труда благоговейные воспоминания саламандры, которая была одной из первых воспитанниц мадам Циммерман:

"Она читала нам басни Лафонтена, сидя возле нашего простого, но чистого и удобного бассейна, она, правда, страдала от сырости, но пренебрегала этим, всей душой отдаваясь своему педагогическому призванию. Она называла нас «mes petits Stunois» [Мои китайчата (франц.)], потому что мы, как и китайцы, не умели, выговаривать звук "р". Но со временем она так к этому привыкла, что сама стала выговаривать свою фамилию «мадам Циммельман». Мы, головастики, обожали ее, малыши, которые еще не имели достаточно развитых легких и не могли покидать воду, плакали оттого, что не в состоянии были сопровождать ее во время прогулок по школьному саду. Она была так кротка и так ласкова, что, насколько я знаю, рассердилась только однажды – это было, когда наша молодая преподавательница истории в знойный летний день надела купальный костюм, вошла к нам в бассейн, и, сидя по шею в воде, рассказывала нам о войнах за освобождение Нидерландов. Наша дорогая мадам Циммерман серьезно на нее рассердилась «Сейчас же идите и вымойтесь, мадемуазель, идите, идите!» – кричала она со слезами на глазах. Для нас это был деликатный, но назидательный урок, давший нам понять, что мы ведь все таки не люди, впоследствии мы были благодарны нашей духовной матери за то, что она разъяснила нам это в такой твердой и вместе с тем тактичной форме.

Если мы хорошо учились, она читала нам в награду стихи современных авторов, как, например, Франсуа Копе [(1842 – 1908) – французский поэт, драматург и прозаик; многие его стихи стали во Франции хрестоматийными]. "Правда, это слишком современно, – говорила она, – но в конце концов теперь и это необходимо для хорошего образования. По окончании учебного года был устроен публичный акт, на который пригласили господина префекта из Ниццы, а также других представителей администрации и различных важных особ. Способных и наиболее успевающих учеников, у которых уже были легкие, школьные сторожа обсушили и одели в нечто вроде белых риз, потом, скрытые за тонкой занавеской (чтобы не испугать дам), они читали басни Лафонтена, решали математические задачи и перечисляли в последовательном порядке королей из династии Капетингов с хронологическими датами. После этого господин префект в длинной и красивой речи выразил благодарность нашей дорогой директрисе, и этим закончилось торжество.

В такой же мере, как о нашем духовном развитии, мадам Циммерман заботилась и о нашем физическом воспитании, ежемесячно нас осматривал ветеринар, а раз в полугодие нас взвешивали. Особенно настойчиво наша дорогая "руководительница внушала нам, чтобы мы отказались от отвратительных, распутных Лунных Танцев. Мне известно признаться, но, несмотря на это, некоторые из более зрелых воспитанников во время полнолуния тайком предавались этому животному бесстыдству. Надеюсь, что наша воспитательница, бывшая для нас матерью и другом, никогда не узнала об этом, это разбило бы ее великое, благородное и любвеобильное сердце".

но громили сторонники классического образования, заявляя, что только на основе латыни можно приобщить саламандр к культурным достижениям человечества и что мало научить их говорить, если мы не научим их цитировать поэтов и выражаться с Цицероновским красноречием. На эту тему завязался долгий и довольно жаркий спор, который под конец разрешился тем, что школы для саламандр взяло в свое ведение государство, а школы для человеческой молодежи были преобразованы с тем, чтобы, по возможности, приблизить их к идеалам реформированной школы для саламандр.

Вполне естественно, что и в других государствах стали раздаваться призывы к обязательно-му систематическому обучению саламандр в подчиненных государственному надзору школах. Постепенно к этому пришли во всех приморских странах (за исключением, конечно, Великобритании); а так как саламандровые школы не были обременены грузом старых классических традиции и могли, следовательно, воспользоваться всеми новейшими методами психотехники, технологического воспитания, допризывной подготовки и другими последними педагогическими достижениями, то в них вскоре установилась та современнейшая и с научной точки зрения прогрессивнейшая система обучения, которая справедливо сделалась предметом зависти всех педагогов и воспитанников человеческой школы.

Вместе со школьным обучением саламандр появился на свет языковой вопрос. Какой из существующих на свете языков должны прежде всего изучать саламандры? Саламандры родом с тихоокеанских островов, естественно, говорили на «pidgin-English», который они переняли от туземцев и матросов; многие изъяснялись по малайски или на других местных наречиях. Саламандр, предназначенных для сингапурского рынка, приучали говорить на «basic-English», то есть на научно-упрощенном английском языке, который обходится несколькими сотнями выражений и опускает устарелые грамматические формы; этот реформированный стандартный английский язык стали поэтому называть «саламандер-инглиш». В образцовых *Ecoles Zimmermann* саламандры объяснялись на языке Корнеля, однако вовсе не по националистическим соображениям, а лишь потому, что этого требует высшее образование; наоборот, в реформированных школах их обучали эсперанто, как языку удобопонятному. Кроме того, в то время появились еще пять или шесть универсальных языков, которые должны были прийти на смену вавилонской путанице и дать всему миру – как людям, так и саламандрам – единый общий язык; конечно, было много споров о том, какой из этих универсальных языков наиболее целесообразен, благозвучен и универсален. В конечном счете получилось, что каждая нация пропагандировала свой собственный Универсальный Язык⁸¹.

Когда саламандровые школы перешли в руки государства, все дело упростилось: в каждой стране саламандр обучали языку соответствующей правящей нации. Хотя саламандры изучали иностранные языки довольно легко и охотно, однако их лингвистические способности не лишены были некоторых своеобразных недостатков, объяснявшихся отчасти устройством их органов речи,

⁸¹ Между прочим знаменитый филолог Курциус в своем сочинении «*lanua linguarum aperta*» [«Открытые врата речи» (латин.) – ироническая параллель к знаменитому лингвистическому сочинению великого чешского педагога Яна Амоса Коменского (1592 – 1670) «*Janua linguarum reserata*» («Открытая дверь к языкам», 1631).] предлагал принять в качестве единого общедоступного языка для саламандр золотую латынь эпохи Вергилия. "Ныне в нашей власти, – взывал он, – принять латынь, этот самый совершенный, самый богатый грамматическими правилами и самый научно обработанный язык. Если эту возможность упустит образованное человечество, сделайте это вы, саламандры *gens maritima* [морское племя], изберите своим родным языком *eiiditam linguam latinam* [утонченный латинский язык], единственный язык, достойный того, чтобы на нем говорил *orbis terrarum* [Весь мир]. Бессмертной будет ваша заслуга саламандр если вы воскресите к новой жизни вечный язык богов и героев, ибо вместе с этим языком к вам, *gens tritonum* [племя тритонов], перейдет наследство, завещанное властелином мира – древним Римом".

Напротив, один латвийский телеграфный чиновник, по фамилии Вольтерас, вместе с пастором Менделиусом, придумал и разработал специальный язык для саламандр под названием «понтский язык» (*pontic lang*), он воспользовался для этого элементами языков всего мира, особенно африканских. Этот саламандровый язык (как его тоже называли) получил известное распространение главным образом в северных странах, но, к сожалению, только среди людей, в Упсале была даже учреждена кафедра саламандрового языка, но что касается саламандр, то, насколько известно, ни одна из них не говорила на этом языке. По правде сказать, среди саламандр больше всего был в ходу «basic-English» который впоследствии и сделался официальным языком саламандр.

а отчасти причинами психологического характера так, например, они с трудом выговаривали длинные многосложные слова и старались свести их к одному слогу, который произносили, квакая; вместо "р" они выговаривали "л", а на свистящих звуках шепелявили; опускали грамматические окончания, никак не могли научиться различать "я" и «мы», и им было все равно, относится ли данное слово к мужскому или женскому роду (по-видимому, в этом проявилось их половое бесстрашие, покидавшее их только в период спаривания)". Словом, любой язык претерпевал в их устах характерные изменения, своего рода рационализацию, сводившую его к простейшим, рудиментарным формам. Достоинно внимания, что их неологизмы, их произношение и их грамматическая примитивность начали быстро распространяться, – с одной стороны, среди портового люда, с другой – в так называемом высшем обществе; отсюда эта разговорная манера перешла в газеты и вскоре сделалась всеобщей. Из речи людей исчезло большинство грамматических форм, отпали окончания, вымерли падежи; золотая молодежь упразднила "р" и научилась шепелявить; редко кто из образованных людей мог бы еще сказать, что значит «индетерминизм» или «трансцендентный» – по той простой причине, что и для людей эти слова сделались слишком длинными и неудобопроизносимыми.

Словом, плохо ли, хорошо ли, но саламандры стали говорить почти на всех существующих языках, в зависимости от того, на чьем побережье они жили. В чехословацкой печати, кажется в «Народних листах»⁸², появилась тогда статья которая (вполне основательно) с горечью спрашивала, почему саламандры не изучают также и чешский язык, если есть на свете земноводные, говорящие по-португальски, по-голландски и на языках других малых наций "Наша нация не имеет, к сожалению, собственных морских берегов, – признавал автор статьи, – и потому у нас нет саламандр, но если у нас нет своих морей, то это еще не значит, что мы не вносим в мировую культуру такую же, а во многих отношениях даже более значительную лепту, чем многие нации, языки которых изучаются тысячами саламандр. Было бы только справедливо, если бы саламандры познакомились с нашей духовной жизнью, но как могут они приобщиться к ней, если среди них нет никого, кто владел бы нашим языком. Не будем ждать, пока кто-нибудь поймет свой культурный долг и учредит кафедру чешского языка и чехословацкой литературы в одном из саламандровых учебных заведений. Как говорит поэт: «не надо верить никому на свете, нет у нас там друга – нет ни одного»⁸³. Постараемся же сами исправить дело, – взывал автор статьи. – Все, чего мы до сих пор добились в мире, сделано нашими собственными силами! Наше право и наша обязанность – стремиться к тому, чтобы найти друзей и среди саламандр; но, по-видимому, наше министерство иностранных дел не уделяет должного внимания пропаганде нашей культуры и нашей продукции среди саламандр, хотя другие малые нации жертвуют миллионы, чтобы открыть перед саламандрами сокровищницы своей культуры и в то же время пробудить в них интерес к изделиям своей промышленности".

Эта статья возбудила большое внимание главным образом в Союзе промышленников и имела по крайней мере тот результат, что был издан краткий учебник «Чешский язык для саламандр» с примерами из чехословацкой изящной литературы. Это звучит неправдоподобно, но книжка действительно разошлась в количестве свыше семисот экземпляров: следовательно, это был замечательный успех"⁸⁴.

⁸² «Народна листы» – чешская реакционная буржуазная газета; с 1934 года выходила как орган фашистской партии «Народни съедноцени»

⁸³ «...не надо верить никому на свете, нет у нас там друга – нет ни одного». – Чапек цитирует строки из стихотворения выдающегося чешского поэта Сватоплука Чеха (1846 – 1908) «Не верим никому...».

⁸⁴ Приведем в связи с этим сохранившийся в коллекции пана Повондры очерк, принадлежащий перу Яромира Зейдела-Новоместского.

НАШ ДРУГ НА ГАЛАПАГОССКИХ ОСТРОВАХ *Совершая кругосветное путешествие, предпринятое мною вместе с моей супругой, поэтессой – Генриэттой Зейдловой-Хрудимской, в надежде, что под наплывом многочисленных новых и глубоких впечатлений хоть несколько изгладится боль горестной утраты, понесенной нами в лице нашей дорогой тетушки, писательницы Богумилы Яндовой-Стрешовицкой* [Яромир Зейдл-Новоместский, Генриэтта Зейдлова-Хрудимская, Богумила Яндова-Стрешовицкая, – Чапек иронизирует над чешскими писателями конца XIX – начала XX веков, добавлявшими к своей фамилии псевдоним; как правило, это были авторы псевдопатриотических и

псевдонародных произведений], мы посетили далекие, овеянные столь многими легендами Галапагосские острова. У нас было всего два часа времени, и мы воспользовались ими для прогулки по берегам этих пустынных островов.

– Взгляни, какой прекрасный закат солнца, – обратился я к своей супруге. – Разве не кажется, будто весь небесный свод тонет в золоте и крови вечерней зари?

– Пан изволит быть чехом? – раздалось за нами на чистом и правильном чешском языке.

Мы удивленно обернулись на голос. Там не было никого, только большая черная саламандра сидела на камне, держа в руке какой-то предмет, похожий на книжку. Во время нашего путешествия мы встретили уже несколько саламандр, но не имели до сих пор случая вступить с ними в беседу. Любезный читатель поймет поэтому наше изумление, когда на таком пустынном побережье мы увидели саламандру, да еще к тому же услышали вопрос на нашем родном языке.

– Кто здесь разговаривает? – воскликнул я по-чешски.

– Это я взял на себя смелость, – ответила саламандра, почтительно приподнимаясь. – Я не мог совладать с собой, услышав впервые в жизни чешскую речь.

– Откуда, – поразился я, – вы знаете чешский язык?

– Я как раз сейчас развлекался спряжением неправильного глагола «быть», – ответила саламандра. – Между прочим, этот глагол неправильно спрягается на всех языках.

– Как, где и для чего, – допытывался я, – научились вы по-чешски?

– Мне случайно попала в руки эта книга, – ответила саламандра, протягивая мне книжку, которую она держала. Это был «Чешский язык для саламандр», и страницы учебника носили на себе следы частого и прилежного пользования им.

– Она попала сюда, – продолжала саламандра, – вместе с партией других книг научного содержания. Я – мог выбрать себе «Геометрию для старших классов», «Историю военной тактики», «Путеводитель по доломитным пещерам» или «Принципы биметаллизма». Но я предпочел эту книжку, которая Сделалась моим неразлучным другом. Я уже знаю ее всю наизусть и все-таки каждый раз нахожу в ней новые источники развлечения и полезных знаний.

Моя супруга и я выразили неподдельную радость и изумление по поводу правильного и, в общем, довольно внятного произношения саламандры.

– К сожалению, здесь нет никого, с кем я мог бы говорить по-чешски, – скромно сказал наш новый друг, – а я, например, не уверен, как будет творительный падеж множественного числа от слова «дверь» – «дверьями» или «дверьми».

– Дверьями, – сказал я.

– Ах нет, дверьми! – воскликнула моя супруга.

– Не будете ли вы так любезны сказать мне, – спросил с горячим интересом наш милый собеседник, – что нового в стобашенной матушке Праге?

– Она разрастается, мой друг, – ответил я, обрадованный его любознательностью, и в нескольких словах обрисовал ему расцвет нашей золотой столицы.

– Как приятно слышать такие вести, – сказала саламандра с явным удовлетворением. – Скажите, висят, ли еще на Мостовой башне головы казненных чешских панов? [В Праге на Староместской башне Карлова моста были вывешены головы двадцати семи руководителей чешского восстания против власти австрийской династии Габсбургов, которые после поражения в битве у Белой Горы были захвачены в плен императорскими войсками и 21 июня 1621 года казнены.]

– Что вы, давно уже нет, – ответил я, признаюсь, несколько озадаченный таким вопросом.

– Ах, как жалко! – воскликнула симпатичная саламандра. – Это был редкостный исторический памятник. До чего грустно, что столько известнейших памятников погибло во время Тридцатилетней войны! Если не ошибаюсь, земля чешская была превращена в пустыню, залитую слезами и кровью. Счастье еще, что не погиб тогда родительный падеж при отрицаниях. В этой книжке говорится, что он отмирает. Я был бы этим очень огорчен.

– Вы, значит, увлекаетесь и нашей историей? – радостно воскликнул я.

– Конечно, – ответила саламандра. – Особенно белогорским разгромом и трехсотлетним порабощением. Я очень много читал о них в этой книге. Вы, несомненно, чрезвычайно гордитесь своим трехсотлетним порабощением. [После поражения чешского дворянства в битве у Белой Горы (8 ноября 1620 г.) Чехия на 300 лет (до 1918 т.) лишилась государственной самостоятельности.] Это было великое время, сударь.

– Да, тяжелое время, – подтвердил я, – время неволи и горя.

– И вы стонали? – с жадным интересом осведомился наш друг.

– Стонали, невыразимо страдая под ярмом свирепых угнетателей.

– Я очень рад, – облегченно перевела дух саламандра. – В моей книжке так и сказано. Я очень рад, что это правда. Это превосходная книга, лучше чем «Геометрия для старших классов средних школ» Я охотно побывал бы на том историческом месте, где были казнены чешские паны, равно как и в других знаменитых местах, где вершилось жестокое бесправие.

– Так приезжайте к нам, – предложил я от всего сердца.

– Благодарю за любезное приглашение, – поклонилась саламандра. – К сожалению, я не столь свободен в своих передвижениях...

– Мы могли бы купить вас! – вскричал я. – То есть я хочу сказать, что при помощи национальной подписки можно было бы собрать средства, которые позволили бы вам...

Вопросы образования и языка составляли лишь одну сторону грандиозной Саламандровой Проблемы, которая, так сказать, выростала под боком у человечества. Так, например, вскоре возник вопрос: как, собственно, относиться к саламандрам, точнее – какое уделить им место в обществе. В первые, если можно их так назвать, доисторические годы Саламандрового Века различные Общества покровительства животным ревностно заботились о том, чтобы с саламандрами не обращались жестоко и бесчеловечно; благодаря их неустанному вмешательству власти почти всюду следили за тем, чтобы к саламандрам полностью применялись полицейские и ветеринарные правила, установленные для других видов домашнего скота. Кроме того, принципиальные противники вивисекции подписали много протестов и петиций, требуя запрещения научных экспериментов на живых саламандрах. В ряде государств действительно были изданы такие законы⁸⁵. Однако по мере развития образования среди саламандр становилось все более сомнительным, можно ли просто распространять на них общие правила покровительства животным; по каким-то не вполне ясным причинам это казалось неловким. Тогда была основана международная Лига покровительства саламандрам (Salamander Protecting League) – под попечительством герцогини Хеддерсфилд. Эта Лига, насчитывавшая свыше двухсот тысяч членов, главным образом жителей Англии, проделала большую, достойную всяческих похвал работу; в частности, она добилась того, что на морских побережьях были устроены специальные площадки, где, без помех со стороны любопытствующих зрителей, саламандры могли устраивать свои «собрания и спортивные празднества» (под этим разумелись, вероятно, лунные танцы); во всех учебных заведениях и даже в Оксфордском университете учащимся внушали, чтобы они не кидали камнями в саламандр; были приняты некоторые меры к тому, чтобы молодых головастиков в саламандровых школах не слишком обременяли уроками; и, наконец, те места, где работали и жили саламандры, были обнесены высоким забором, который ограждал саламандр от всяких беспокойств, а главное – в достаточной мере отделял мир

– Искреннейшие благодарю вас, – пробормотал наш друг, явно расстроженный. – Но я слышал, что в Влтаве – неважная вода. В речной воде мы заболеваем тяжелой формой поноса.

Немного подумав, саламандра прибавила.

– К тому же мне было бы тяжело расстаться с моим любимым садиком.

– Ах, – воскликнула моя супруга. – Я тоже страстная садовница! Как я была бы вам благодарна, если бы вы показали нам произведения здешней флоры!

– С величайшим удовольствием, дорогая пани, – ответила саламандра с любезным поклоном. – Но не послужит ли для вас препятствием то обстоятельство, что мой любимый сад находится под водой?

– Под водой?

– Да. На глубине двадцати двух метров.

– Какие же цветы вы там разводите?

– Морские анемоны, – ответил наш друг. – Несколько редких сортов. А также морские звезды и морские огурцы, не говоря уже о коралловых кустах «Блажен, кто вырастил для родины своей одну хотя бы розу, один хотя бы черенок», – как говорит поэт. [строки из стихотворения чешского поэта-классика Франтишека Ладислава Челаковского (1799–1852), входящего в его сборник «Роза столстая».]

К сожалению, пришла пора расстаться, так как пароход давал сигналы отправления.

– А что бы вы хотели передать, пан... пан... – запнулся я, не зная, как зовут нашего друга.

– Мое имя Болеслав Яблонский [псевдоним чешского сентиментально-романтического поэта Карела Эугена Тупого (1813–1881)]. – застенчиво подсказала саламандра – По-моему, это красивое имя. Я его выбрал себе из моей книжки.

– Так что нам, пан Яблонский, передать от вашего имени нашему народу?

Саламандра на мгновение задумалась.

– Скажите своим соотечественникам, – проговорила она с глубоким волнением, – скажите им... Пусть не предаются старым славянским раздорам и пусть благодарно хранят в памяти Липаны [село под Прагой, близ которого в мае 1434 года произошла кровопролитная битва, приведшая к поражению таборитов – левого крыла чешского революционного социального и национально-освободительного движения начала XV века.] и в особенности Белую Горю! Доброму здоровью! Честь имею кланяться! – внезапно оборвала она, стараясь справиться со своим волнением.

Мы сели в лодку и отчалили, расстроенные и погруженные в раздумье. Наш друг стоял на скале и махал нам; кажется, он что-то кричал.

– Что он кричит? – спросила моя супруга.

– Не знаю, – сказал я, – что-то вроде: «Передайте привет пану приматору доктору Баксе» [Бакса Карел (1863 – 1927) – приматор Праги в 1919 – 1927 годы, член шовинистской национал-социалистической партии].

⁸⁵ В частности, в Германии была строго запрещена всякая вивисекция – впрочем, только биологам евреям.

саламандр от мира людей⁸⁶. Однако этой похвальной частной инициативы, которая стремилась построить отношения между человеческим обществом и саламандрами на началах приличия и гуманности, вскоре оказалось недостаточно.

Было, конечно, сравнительно легко «включить саламандр в производственный процесс», но гораздо труднее и сложнее оказалось вместить их в рамки существующего общественного порядка. Правда, люди консервативные утверждали, что здесь не может быть и речи о каких-либо юридических или социальных проблемах; саламандры, говорили они, являются просто собственностью своего хозяина, который отвечает за них и, в частности, за тот вред, который они могли бы причинить, несмотря на свою несомненную интеллигентность, саламандры – не что иное, как объект права, вещь или имущество, и всякие специальные законодательные постановления, касающиеся саламандр, были бы посягательством на священные права частной собственности. Другие возражали на это, что саламандры, как существа интеллигентные и в значительной мере способные отвечать за свои деяния, могут по собственному умыслу и притом различными способами нарушать действующие законы. С какой же стати должен собственник саламандр нести ответственность за те проступки, которые позволяют себе его саламандры. Такой риск, несомненно, подорвал бы частную инициативу в области работ, выполняемых саламандрами. В море ведь нет заборов, и там нельзя запереть саламандр, чтобы держать их под надзором. Поэтому нужно законодательным путем обязать самих саламандр уважать человеческий правопорядок и подчиняться правилам, которые будут установлены для них⁸⁷.

⁸⁶ По видимому, здесь играли роль также и некоторые нравственные побуждения Среди документов пана Повондры было найдено в многих экземплярах и на разных языках «Воззвание», опубликованное, видимо, в газетах всего мира и подписанное самой герцогиней Хеддерсфилд В этом воззвании говорилось:

"Лига покровительства саламандрам обращается к вам, женщины, с призывом, в интересах приличия и добрых нравов, собственноручной работой принять участие в великом деле, цель которого – снабдить саламандр подобающим одеянием. Для этого больше всего подходит юбочка длиной в 40 см, шириной в поясе – 60 см, лучше всего со швейной резинкой.

Рекомендуется юбочка, собранная в складки (плиссе), которая очень красит фигуру и допускает большую свободу движений. Для тропических стран достаточно передника с завязками, сшитого из самой простой стирающейся материи, в частности – из каких-нибудь остатков вашего старого гардероба. Этим вы окажете помощь бедным саламандрам и избавите их от необходимости показываться без всякой одежды во время работ в присутствии людей, что, несомненно, подвергает испытанию их стыдливость и в то же время оскорбляет каждого приличного человека, в особенности каждую женщину и мать".

Судя по всему, это начинание не дало желаемых результатов: нет сведений о том, чтобы саламандры когда-либо соглашались носить юбочки или передники – вероятно, одежда стесняла их под водой или не держалась на них. А когда саламандры были отделены от людей заборами, для обеих сторон отпали какие бы то ни было поводы для стыда или неприятных впечатлений.

Что касается нашего замечания о необходимости оградить саламандр от всяких беспокойств, то мы имели в виду главным образом собак, которые никак не могли примириться с существованием саламандр и бешено преследовали их даже в воде, несмотря на то, что у собаки, искушавшей саламандру, потом воспалялась слизистая оболочка пасти. Иногда саламандры защищались, и немало прекрасных породистых собак было убито киркой или мотыгой. Вообще между собаками и саламандрами возникла упорная, можно сказать, смертельная вражда, и устройство заграждений, отделивших их друг от друга, ничуть не ослабило, а скорее, усилило и обострило эту вражду. Но так уж издавна повелось, и не только у собак.

Между прочим, эти просмоленные заборы, тянущиеся часто на сотни километров вдоль берега моря, использовались и в воспитательных целях: во всю длину их покрывали надписями и лозунгами, полезными для саламандр, как, например:

ВАШ ТРУД – ВАШ УСПЕХЦЕНИТЕ КАЖДУЮ СЕКУНДУ!СУТКИ СОСТОЯТ ВСЕГО ИЗ 86400 СЕКУНД!ЦЕННОСТЬ КАЖДОГО ИЗМЕРЯЕТСЯ ЕГО ТРУДОМ!ОДИН МЕТР ДАМБЫ ВЫ МОЖЕТЕ ВОЗДВИГНУТЬ ЗА 57 МИНУТ!КТО ТРУДИТСЯ – ТОТ СЛУЖИТ ВСЕМ!КТО НЕ РАБОТАЕТ – ТОТ НЕ ЕСТЬ!*И так далее Если учесть, что такого рода дощатые ограды окаймляли в общей сложности более трехсот тысяч километров прибрежных полос во всем мире, мы можем себе представить, сколько ободряющих и общепользных изречений умещалось на них.*

⁸⁷ Интересны в этом отношении материалы первого «Саламандрового процесса», который слушался в Дурбане и (как видно из вырезок пана Повондры) вызвал многочисленные комментарии мировой печати Портовое управление в А. приобрело для работ отряд саламандр. С течением времени они так размножились, что в порту для них уже не хватило места, и несколько колоний головастиков обосновались на соседнем побережье. Помещик Б., которому принадлежала часть этого побережья, потребовал, чтобы портовое управление удалило своих саламандр из его берего-

Насколько известно, законы о саламандрах были изданы прежде всего во Франции. Первый из них определял обязанности саламандр в случае мобилизации и войны; второй закон (так называемый закон Деваля) предписывал саламандрам селиться только в тех прибрежных пунктах, которые укажет им их собственник или соответствующий орган департаментской администрации; третий закон гласил, что саламандры обязаны беспрекословно подчиняться всем полицейским распоряжениям; в случае неподчинения полицейские власти имеют право карать их заключением в сухом и светлом месте и даже долгосрочным отстранением от работы. Левые партии тотчас внесли в парламент предложение разработать систему социальных законов для саламандр, которые ограничили бы их трудовые повинности и возложили на работодателей определенные обязательства по отношению к трудящимся саламандрам (например, двухнедельный отпуск в период весеннего спаривания); в противоположность этим партиям крайние левые потребовали вообще изгнать из общества всех саламандр, как враждебных трудящимся массам, ибо саламандры слишком много, и притом почти бесплатно работают на капиталистов, чем ставят под угрозу жизненный уровень рабочего класса. В поддержку этого требования в "Бресте" началась забастовка, а в Париже произошли крупные демонстрации, в результате было много раненых, и кабинет Деваля вынужден был подать в отставку. В Италии саламандры были подчинены специальной Саламандровой корпорации, состоящей из предпринимателей и представителей власти, в Голландии они находились в ведении министерства водных сооружений; словом, каждое государство решало Саламандровую Проблему по-своему, и все по-разному. Но многочисленные правительственные распоряжения, которые определяли гражданские обязанности и ограничивали чисто животную свободу саламандр, были, в общем, всюду одинаковы.

Разумеется, тотчас вслед за изданием первых законов о саламандрах появились люди, которые во имя юридической логики доказывали, что если человеческое общество налагает на саламандр известные обязанности, то оно должно признать за ними и некоторые права. Государство, издавая законы для саламандр, тем самым признает их свободными и правомочными субъектами права и даже своими подданными; а в таком случае надо каким-то образом упорядочить их взаимоотношения с государством, под юрисдикцией которого они находятся. Можно, конечно, считать

вых владении, так как там стояла его купальня. Портовое управление возразило, что ему до этого дела нет, с того момента, как саламандры поселились во владениях жалобищика, они стали его частной собственностью. Пока эти переговоры тянулись в обычном порядке, саламандры (отчасти по врожденному инстинкту, отчасти из усердия, привитого им обучением) начали без всякого распоряжения или разрешения строить на новом месте дамбы и бассейны. Тогда мистер Б. предъявил к портовому управлению иск о причиненных ему убытках. Первая инстанция иск отклонила, мотивируя свое решение тем, что дамбы не причинили ущерба мистеру Б., а, наоборот, улучшили состояние его имущества. Вторая инстанция признала, однако, что истец прав, ибо никто не обязан терпеть на своей земле домашних животных соседа, и что портовое управление отвечает за всякий ущерб, причиненный его саламандрами, точно так же, как фермер обязан возмещать вред, причиняемый соседям его скотом. Ответчик возражал, что он не отвечает за саламандр, так как не может изолировать их в море. В ответ на это судья заявил, что, по его мнению, вред, причиненный саламандрами, надо рассматривать по аналогии с вредом, причиняемым курами, которых тоже нельзя изолировать, так как они умеют летать. Поверенный портового управления осведомился, каким же образом его клиент может удалить саламандр или добиться, чтобы они сами покинули частные береговые владения мистера Б. Судья ответил, что это суда не касается. Поверенный спросил и тогда, как достопочтенный судья отнесся бы к действиям ответчика, если бы тот приказал перестрелять этих нежелательных саламандр. Судья ответил, что как британский джентльмен, он считал бы это крайне некорректным поступком и, кроме того, нарушением охотничьих прав мистера Б. Ответчик обязан, с одной стороны, удалить саламандр из частных владений истца, а с другой – возместить вред, причиненный постройкой дамб и изменением прибрежной полосы, причем что должно быть сделано путем приведения участка в прежнее состояние. Поверенный ответчика задал вопрос, можно ли для сломки возведенных сооружений использовать саламандр. Судья ответил, что, по его мнению, - никоим образом, если на это не будет согласия истца, жена которого чувствует отвращение к саламандрам и не может купаться в оскверненных ими местах. Ответчик возразил, что без саламандр он не в состоянии убрать дамбы, сооруженные под водой. В ответ на это судья заявил, что суд не хочет и не может входить в обсуждение технических подробностей, суды существуют для охраны имущественных прав, а не для рассуждений о том, что выполнимо и что – нет.

Так был разрешен вопрос со стороны юридической. Неизвестно, как портовое управление в А. вышло из этого трудного положения. Но все это дело показало, что Саламандровый Вопрос придется регулировать при помощи новых юридических средств.

саламандр иностранными иммигрантами, но тогда государство не вправе налагать на них определенные обязанности и повинности на случай мобилизации и войны, как это сделали все цивилизованные страны (за исключением Англии). В случае военного конфликта мы наверняка потребуем от саламандр, чтобы они защищали наши побережья; но тогда мы не можем отказать им в известных гражданских правах, как то: избирательное право, право собраний, право на представительство в различных выборных органах и так далее⁸⁸. Раздавались даже требования о предоставлении саламандрам своего рода подводной автономии, но все эти и другие подобные же рассуждения оставались всегда чисто академическими; дело не дошло до каких-либо практических выводов главным образом потому, что саламандры нигде и никогда не добивались никаких политических прав.

Так же, без участия саламандр и без видимого интереса с их стороны, протекала другая крупная дискуссия вокруг вопроса – можно ли крестить саламандр. Католическая церковь с самого начала твердо держалась той точки зрения, что это недопустимо ни под каким видом; поскольку саламандры не принадлежат к Адамову потомству и не были зачаты в первородном грехе, они не могут быть очищаемы от этого греха таинством святого крещения. Святая церковь не желает входить в обсуждение вопроса, обладают ли саламандры бессмертной душой или какими-нибудь другими дарами господней благодати; ее благорасположение к саламандрам может выражаться лишь в поминаний их в особой молитве, которая будет произноситься в определенные дни наряду с молитвой за души в чистилище и предстательством за неверующих⁸⁹. Не так просто было разрешить этот вопрос протестантским церквям; правда, они признавали за саламандрами разум, а следовательно, и способность воспринять христианское учение, но не решались принять их в лоно церкви и тем самым сделать своими братьями во Христе. Они ограничились поэтому изданием (в сокращенном виде) священного писания для саламандр на непромокаемой бумаге и распространили его в миллионах экземпляров; предполагалось также сочинить для саламандр, по аналогии с

⁸⁸ Некоторые понимали равноправие саламандр до такой степени буквально, что требовали для саламандр права занимать любые общественные должности в воде и на суше (Ж. Курто); или сформирования из саламандр, вооруженных по всем правилам, подводных полков с собственными подводными командирами (генерал Дефур); и даже разрешения смешанных браков между людьми и саламандрами (адвокат Луи Пьерро). Правда, естествоведы утверждали, что такие браки вообще невозможны; но мэтр Пьерро заявил, что дело не в физической возможности, а в правовом принципе и что он сам готов жениться на саламандре, дабы доказать, что реформа брачного права не останется только на бумаге. (Впоследствии мэтр Пьерро сделался весьма популярным адвокатом по бракоразводным делам.)

(В связи с этим следует упомянуть, что в американской печати время от времени появлялись сообщения о девушках, якобы изнасилованных саламандрами во время купания. Поэтому в Соединенных Штатах участились случаи, когда саламандр хватали и подвергали линчеванию, – чаще всего путем сожжения на костре. Напрасно ученые протестовали против этого народного обычая, утверждая, что строение тела саламандр совершенно исключает подобные преступления с их стороны; многие девушки показали под присягой, что саламандры приставали к ним, и тем самым для каждого нормального американца вопрос был решен. Впоследствии излюбленный способ линчевания саламандр, то есть сожжение, подвергся все-таки ограничению – сжигать саламандр разрешалось только по субботам, и притом под наблюдением пожарных. Тогда же возникло и «Движение против линчевания саламандр», во главе которого стал негритянский священник Роберт Дж. Вашингтон; к нему примкнуло свыше ста тысяч человек, впрочем почти исключительно негров. Американская печать подняла крик, заявляя, что это движение преследует разрушительные политические цели; дело дошло до нападений на негритянские кварталы, причем было сожжено много негров, молившихся в своих церквях, за Братьев Саламандр. Ожесточение против негров достигло своей высшей точки, когда от подожженной негритянской церкви в Гордонвилле (штат Луизиана) пожар распространился на весь город. Впрочем, это не имеет уже прямого отношения к истории саламандр.)

Из числа юридических установлений и льгот, действительно касающихся саламандр, упомянем хотя бы некоторые: каждая саламандра была записана в саламандровую метрическую книгу и зарегистрирована по месту работы; саламандры обязывались получать разрешение властей на проживание в данном месте; они должны были платить подушную подать, которую вносил за них их владелец, производивший потом соответствующие удержания из выдаваемой им пищи (так как саламандры не получали денежного вознаграждения); точно так же они должны были платить арендную плату за участки побережья, на которых жили, взносы в муниципальную кассу, пошлину за воздвигнутые заборы, школьный налог и нести прочие общественные повинности; короче, мы должны честно признать, что в этом отношении с ними обходились, как и с другими гражданами, так что они все же пользовались известным равноправием.

⁸⁹ См. Энциклику его святейшества папы «*Mirabilia Dei Opera*» («Достойное удивления создание божье» (латин.)).

«basic-English», нечто вроде «basic-christian», то есть сведенное к основным принципам и упрощенное христианское учение; но сделанные в этом направлении опыты вызвали столько теологических споров, что в конце концов от этой затеи пришлось отказаться⁹⁰. Не столь щепетильны были некоторые религиозные секты (особенно американские), которые посылали к саламандрам своих миссионеров, чтобы они проповедовали им Истинную Веру и крестили их по словам писания: «Идите по всему миру, учите все народы». Но лишь немногим миссионерам удалось проникнуть за заборы, отделявшие саламандр от людей; предприниматели запрещали им доступ к саламандрам, чтобы они своими проповедями не отрывали их понапрасну от дела. И поэтому то тут, то там можно было видеть, как у просмоленного забора стоит проповедник, окруженный собаками, и под аккомпанемент яростного лая тщетно, но горячо излагает слово божие.

Несколько большим распространением пользовался среди саламандр монизм; некоторые из них верили также в материализм, золотой стандарт и прочие научные догмы. Популярный философ Георг Секвенц сочинил даже специальную религию для саламандр, высшим и главнейшим догматом которой была вера в Великого Саламандра Правда, это учение совсем не прижилось у саламандр, зато нашло очень много приверженцев среди людей, особенно в больших городах, где в короткий срок появилось множество тайных храмов саламандрового культа⁹¹.

Сами саламандры позднее приняли почти всюду иную религию, причем неизвестно, откуда они ее взяли. Это было поклонение Молоху, которого они представляли себе в виде исполинской саламандры с человеческой головой; по слухам, у них под водой были огромные идолы из чугуна, которые они заказывали у Армстронга или Круппа, но подробности их религиозных обрядов, будто бы необычайно таинственных и жестоких, так и остались неизвестными, потому что совершались под водой. По видимому, эта религия распространилась у них потому, что имя Молоха напоминало им естественно-научное (molche) или немецкое (Molch) название саламандр.

Как видно из изложенного, Саламандровый. Вопрос в течение долгого времени сводился к тому, в состоянии ли (и если да, то в какой мере) саламандры, будучи существами разумными и в значительной степени цивилизованными, пользоваться теми или иными человеческими правами, хотя бы где-то на грани человеческого общества и человеческого порядка; иными словами, это был внутренний вопрос каждого отдельного государства, разрешавшийся в рамках гражданского права. Долгие годы никому не приходило в голову, что Саламандровый. Вопрос может иметь крупнейшее международное значение и что с саламандрами придется, пожалуй, иметь дело не

⁹⁰ По этому вопросу появилась такая обширная литература, что одна только ее библиография заняла бы два толстых тома.

⁹¹ Среди документов пана Повондры имеется весьма порнографическая брошюрка, составленная якобы на основании полицейских рапортов города Б. Материалы этого «частного издания, выпущенного с научными целями», невозможно цитировать в приличной книге, и мы позаимствуем отсюда лишь некоторые выдержки.

*«В центре храма саламандрового культа, находящегося в доме № по улице *, устроен большой бассейн, выложенный темно-красным мрамором. Вода в бассейне, смешанная с благовонными эссенциями, подогрета и освещается снизу огнями, все время меняющими свои цвет, другого освещения в храме не имеется. С двух сторон в этот бассейн, переливающийся всеми цветами радуги, спускаются по мраморным ступеням с пением „саламандровых литаний“ совершенно обнаженные верующие – „саламандры и саламандриш“ – с одной стороны мужчины, с другой – женщины, все из высшего круга, можно назвать, в частности, баронессу М., киноартиста С., – посланника Д. и многих других видных лиц. Внезапно голубой прожектор освещает громадную мраморную скалу, выступающую над водой, на скале лежит, тяжело дыша, огромная, старая, черная саламандра, именуемая „Магистр Саламандр“ Секунду длится молчание, затем раздается голос магистра он призывает верующих полностью, всей душой отдаться предстоящим обрядам саламандровой пляски и преклониться перед Великим Саламандром. После этого магистр поднимается и начинает извиваться верхней частью туловища. Вслед за ним верующие мужчины, погрузившись в воду по шею, тоже неистово раскачиваются и извиваются все быстрее и быстрее, якобы для того, чтобы образовалась „половая среда“. Во время этого обряда „саламандриш“ издают резкие звуки: „Тс-тс-тс“, – и кричат скрипучими голосами. Один за другим гаснут огни под водой, и разыгрывается всеобщая оргия.»*

Мы не можем поручиться за правильность этого описания, но достоверно известно, что во всех крупных городах Европы полиция, с одной стороны, строго преследовала эти саламандровые секты, а с другой – только и делала что разбирала постоянно возникавшие в этой связи грандиозные общественные скандалы. Однако можно заключить, что хотя культ «Великого Саламандра» и был необычайно распространен, но по большей части таинства совершались не с таким сказочным великолепием, а среди менее состоятельного люда – даже просто на суше.

Карел Чапек «Война с саламандрами»

только как с мыслящими существами, но и как с единым саламандровым коллективом или саламандровой нацией.

Строго говоря, первый шаг к такому пониманию саламандровой проблемы сделали те эцентричные христианские секты, которые пытались окрестить саламандр, ссылаясь на слова писания: «Идите по всему миру, учите все народы». Тем самым впервые было заявлено, что саламандры нечто вроде нации⁹².

Различные организации обратились к саламандрам с воззваниями⁹³.

⁹² Да и упоминавшаяся выше католическая молитва за саламандр давала им определение «Dei creatura de genta Molch» (создания божьи народа саламандр).

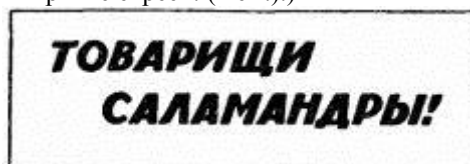
⁹³ – В коллекции пана Повондры мы нашли несколько воззваний, остальные, вероятно, спалила пани Повондра. Из сохранившегося материала отметим лишь следующие обращения:

Пацифистский манифест

Немецкая листовка (Саламандры, вышвырните евреев! (Нем.))

Воззвание группы анархистов – бакунинцев

Публичное обращение скаутов, занимающихся водным спортом

Воззвание фракции гражданских реформ в Дьеппе.)

Адрес Союза акваристических обществ и любителей водной фауны

Саламандровой Проблемой занялось со временем и Международное бюро труда в Женеве. Там столкнулись два противоположных взгляда. Одни признавали саламандр новой категорией работающих и добивались распространения на них в полном объеме социального законодательства, касающегося рабочего времени отпусков с сохранением зарплаты, страхования по инвалидности и старости и так далее.

Другие, наоборот, заявляли, что в лице саламандр растет опасная конкуренция трудящимся людям и что использование труда саламандр просто надо запретить как антисоциальное явление. Против этого предложения выступили, однако, не только работодатели, но и делегаты от рабочих, которые ссылались на то, что саламандры перестали быть только новой рабочей армией, но сделались крупным потребителем со все возрастающим значением. Они привели данные о том, в каком небывалом объеме возросла за последнее время занятость рабочих в металлообрабатывающей промышленности (инструменты, машины и чугунные идолы для саламандр), военной, химической (подводные взрывчатые вещества), бумажной (учебники для саламандр), цементной, лесной, искусственного корма (Food) и многих других отраслей; тоннаж торгового флота увеличился по сравнению с досаламандровыми временами на 27 процентов, добыча угля – на 18,6 процента. Косвенным путем – благодаря повышению числа занятых рабочих и уровня благосостояния людей – увеличивается оборот и в других отраслях промышленности. Наконец, в самое последнее время саламандры стали заказывать разные детали машин по собственным чертежам; из них они монти-

Воззвание Общества нравственного возрождения.

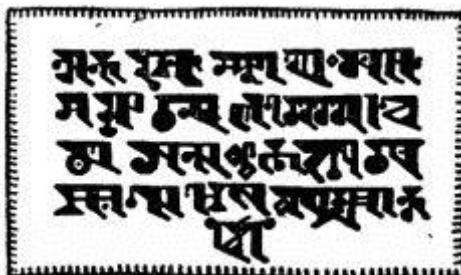

Общество взаимопомощи бывших моряков.

Клуб пловцов в Эгире.

Особенно важным (если судить по тому, как пан Повондра тщательно подклеил эту вырезку) было, вероятно, воззвание, текст которой приводим полностью:

руют под водой пневматические сверла, молоты, подводные двигатели, печатные станки, подводные радиопередатчики и другие механизмы собственной конструкции. За эти детали саламандры платят повышением производительности труда. Уже сейчас пятая часть всей мировой продукции тяжелой промышленности и точной механики зависит от заказов саламандр. Уничтожьте саламандр, и вам придется закрыть одну пятую всех предприятий; вместо нынешнего процветания миллионы людей окажутся без работы.

Международное бюро труда не могло, конечно, не считаться с этими возражениями. В конечном счете после долгих переговоров было достигнуто компромиссное решение, в котором говорилось, что «вышеозначенные работополучатели группы S (земноводные) могут быть заняты только в воде или под водой, а на берегу – лишь на расстоянии не более десяти метров от наивысшей черты прилива; они не имеют права добывать уголь или нефть на морском дне, не имеют права производить для сбыта на суше бумагу, текстильные товары или искусственную кожу из водорослей и т.д.». Эти ограничения саламандровой продукции были сведены в кодекс из девятнадцати параграфов, которых мы не приводим подробно по той простой причине, что с ними, само собой разумеется, нигде не считались; но в качестве образчика широкомасштабного, подлинно международного решения экономической и социальной стороны Саламандрового Вопроса этот кодекс являл собой внушительный и интересный документ.

Несколько медленнее подвигалось дело с международным признанием саламандр в других областях, в частности в области культурных взаимоотношений. Когда в специальном журнале за подписью Джона Симэна появилась многократно цитировавшаяся потом статья «Геологическое строение морского дна у Багамских островов», то никто не подозревал, что это – научный труд ученой саламандры; но когда научные конгрессы, различные академии и ученые общества стали получать от исследователей-саламандр сообщения и работы по вопросам океанографии, географии, гидробиологии, высшей математики и других точных наук, то это всякий раз вызывало большое смущение и даже негодование, которое великий д-р Мартель выразил в словах: «Эта мразь хочет нас учить?» Японский ученый, д-р Оношита, который отважился процитировать сообщение одной саламандры о развитии желткового мешка у головастика глубоководной морской рыбки *Argyroteles hemigrammus* Соссо, подвергся бойкоту со стороны ученого мира и сделал себе хакари; для университетской науки стало вопросом чести и корпоративной гордости не замечать ни одной научной работы саламандр. Тем большее внимание (если не возмущение) вызвал жест Университетского центра в Ницце⁹⁴, который пригласил д-ра Шарля Мерсье, высокоученую

⁹⁴ В коллекции пана Повондры, сохранилось довольно поверхностное, сделанное в духе фельетона описание этого торжества; к сожалению, из него уцелела только половинка, а остальная часть куда то пропала. Вот это описание:

"Ницца, 6 мая

В красивом светлом здании Средиземноморского института на Promenade des Anglais царит сегодня оживление; двое полицейских очищают на тротуаре путь для приглашенных, которые, ступая по красному ковру, входят в гостеприимный прохладный амфитеатр. Мы видим здесь улыбающегося г-на мэра города Ниццы, г-на префекта в цилиндре, генерала в голубой форме, господ с красной розеткой Почетного легиона, дам определенного возраста (в этом году преобладает модный терракотовый цвет), вице-адмиралов, журналистов, профессоров и высокопоставленных старцев всех национальностей, которых всегда множество на Лазурном берегу. Вдруг – небольшой инцидент: какое-то странное создание робко старается проскользнуть между всеми этими почетными гостями; оно закутано с головы до ног в длинную черную пелерину не то домино, глаза его спрятаны за огромными темными стеклами; поспешными неуверенными шагами семенит оно к переполненному вестибюлю.

"He vous! – крикнул один из полицейских, – qu'est-ce que vous cherrhez ici [Эй, вы! Что вам здесь надо? (Франц.) Но к испуганному пришельцу уже спешат университетские сановники с возгласами: "Cher docteur" Дорогой доктор (франц.)] да «Cher docteur», – стало быть, вот она, эта ученая саламандра, д-р Шарль Мерсье, который должен сегодня выступить перед цветом Лазурного берега! Скорее в дом, чтобы успеть захватить местечко среди торжественно настроенной и взволнованной публики.

На трибуне восседают Monsieur le Maire [господин мэр (франц.)], великий поэт Monsieur Поль Маллори [ироническое сочетание имен и фамилий двух французских поэтов-декадентов Стефана Малларме (1842– 1898) и Поля Валери (1871-1945), для творчества которых была характерна стилизация античных мотивов.], М-те Мария Диминяну – делегатка Международного бюро интеллектуального сотрудничества, ректор Средиземноморского института и другие официальные лица. Сбоку от трибуны стоит кафедра для докладчика, а за кафедрой... Ну да! Это в самом деле эмалированная ванна. Обыкновенная эмалированная ванна, какие бывают в ваннных комнатах. Двое сотрудников института вводят на трибуну робкое создание, закутанное в длинный балахон. Публика несколько растерянно аплодирует. Д-р Шарль Мерсье застенчиво кланяется и неуверенно оглядывается, куда бы ему сесть. "Voilà, monsieur

саламандру из тулонского порта, выступить на торжественном акте, где д-р Мерсье с огромным успехом прочел лекцию о теории сечений конусов в неэвклидовой геометрии.

На торжестве в Ницце в числе других присутствовала, как известно, делегатка женеvской организации, мадам Мария Диминяну. Эта замечательная и благородная дама была так тронута скромными манерами и ученостью д-ра Мерсье («Pauvre petit, – воскликнула она, – il est tellement laid»⁹⁵, что поставила целью своей кипучей и деятельной жизни принятие саламандр в Лигу наций. Напрасно политические деятели объясняли красноречивой и энергичной даме, что саламандры, не имея нигде на свете ни суверенной государственной власти, ни собственной террито-

[Вот здесь, сударь (франц.)], – шепчет один из сотрудников, указывая на эмалированную ванну, – это для Вас". Д-р Мерсье страшно конфузится и не знает, как отклонить подобную любезность; он пытается как можно незаметней занять место в ванне, но запутывается в своей длинной пелерине и падает в ванну, с шумом расплескивая воду. Господа на трибуне основательно забрызганы, но делают вид, будто ничего не случилось; в аудитории кто-то истерически рассмеялся, но господа в передних рядах сурово озираются и шипят: «Тсс!» В тот же момент поднимается и берет слово Monsieur le Maire et Deputé[господин мэр, он же депутат (франц.)].]

«Милостивые государыни и милостивые государи, – говорит он. – Я имею честь приветствовать на территории прекрасной Ниццы доктора Шарля Мерсье, выдающегося представителя научной жизни наших близких соседей, обитателей морских глубин (д-р Мерсье высовывается до половины из воды и низко кланяется). Впервые в истории цивилизации земля и море протягивают друг другу руки для интеллектуального сотрудничества. До сих пор перед духовной жизнью людей стояла неодолимая преграда – это был мировой океан... Мы могли пересечь его, могли бороздить его по всем направлениям на своих кораблях, но в глубь его, милостивые государыни и государи, цивилизация проникнуть не могла. Тот небольшой кусок суши, на котором живет человечество, был до сих пор окружен диким и девственным морем; это великолепное обрамление, по вместе с тем и извечная грань: по одну сторону прогрессирующая цивилизация, по другую – вечная и неизменная природа. Эта грань, мои дорогие слушатели, ныне исчезает. (Аплодисменты.) Нам, детям теперешней великой эпохи, досталось несравненное счастье видеть собственными глазами, как растет наше духовное царство, как оно переступает собственные границы и нисходит в волны, морские, завоевывает подводные глубины и присоединяет к старой культурной земле современный цивилизованный океан. Какое грандиозное зрелище! (Возгласы „Браво!“) Дамы и господа, только рождение океанской культуры, выдающегося представителя которой мы имеем честь приветствовать сегодня в нашей среде, сделало наш земной шар действительно и до конца цивилизованной планетой! (Восторженные рукоплескания Д-р Мерсье приподнимается в ванне и кланяется). Дорогой доктор и великий ученый! – обратился затем Monsieur le Maire к доктору Мерсье, который, опираясь о край ванны, растроганно и с трудом шевелил своими трепещущими жабрами. – Вы сможете передать своим друзьям и соотечественникам на дне морском наши добрые пожелания, наше восхищение и наши самые горячие симпатии. Скажите им, что в вашем лице, в лице наших морских соседей мы приветствуем авангард прогресса и культуры, авангард, который будет шаг за шагом колонизовать бесконечные морские пространства и создаст новый культурный мир на дне океана. Я вижу, как в пучине морской вырастают новые Афины и новый Рим; вижу, как расцветает там новый Париж с подводными Луврами и Сорбоннами, с подводными Триумфальными арками и Могилами неизвестных солдат, с театрами и бульварами. Так позвольте же мне высказать мою самую заветную мысль; я надеюсь, что напротив нашей дорогой Ниццы в синих волнах Средиземного моря вырастает новая славная Ницца, ваша Ницца, которая своими пышными подводными проспектами, садами и променадами украсит наш Лазурный берег. Мы хотим узнать вас и хотим, чтобы вы узнали нас Я глубоко убежден, что более близкие научные и общественные взаимоотношения, которым мы положили – сегодня начало при столь счастливых предзнаменованиях, приведут наши народы ко все более и более тесному культурному и политическому сотрудничеству в интересах всего человечества, в интересах всеобщего мира, процветания и прогресса». (Продолжительные аплодисменты)

Вслед за тем встает д-р Шарль Мерсье и пытается в нескольких словах поблагодарить г-на мэра и депутата Ниццы. Но, с одной стороны, он слишком растроган, а с другой – у него довольно своеобразный выговор; из его речи я уловил лишь несколько с трудом произнесенных слов, если не ошибаюсь, это было: «весьма польщен», «культурные взаимоотношения» и «Виктор Гюго». После этого, явно взволнованный, д-р Мерсье снова скрылся в ванне.

Слово получает Поль Маллори. То, что он произносит, – не речь, а гимн, проникнутый глубокой философией "Я благодарю судьбу, – говорит он, – за то, что дожил до подтверждения и воплощения одной из прекраснейших легенд человечества. Это воплощение и подтверждение поистине необычно – взамен погрузившейся в море Атлантиды мы с изумлением видим новую Атлантиду, поднимающуюся из пучины Дорогой коллеги Мерсье! Вы, поэт пространственной геометрии, и ваши ученые друзья – первые посланцы того Нового Света, который встает из морских глубин, и вы приходите к нам не как Афродита Пенорожденная, но как Паллада Анадиомена. [Паллада – древнегреческая богиня войны и мудрости Афина-Паллада, вышедшая, согласно мифу, в шлеме и панцире из головы верховного бога Зевса; Анадиомена – одно из имен Афродиты, указывающее на ее рождение из пены морской.]

Но гораздо более не обычно и несравненно, более таинственно, то, что наряду с этим...

(Окончание не сохранилось.)

⁹⁵ «Бедняжка, он так безобразен!» (франц.).

рии, не могут быть членами Лиги наций. Мадам Диминяну начала пропагандировать идею, что в таком случае саламандры должны получить где-нибудь свободную территорию и обзавестись подводным государством. Эта идея была в достаточной мере нежелательна, если не просто дерзка; но в конце концов нашли счастливый выход я решили, что при Лиге наций будет учреждена специальная «Комиссия по изучению Саламандрового Вопросы», в состав которой пригласят также двух делегатов от саламандр, в качестве одного из делегатов, по настоянию мадам Диминяну, пригласили д-ра Шарля Мерсье из Тулона, стал некий дон Марио, толстая ученая саламандра с острова Куба, занимавшаяся научной работой в области планктона и морских растений. В ту пору это был высший предел международного признания саламандр⁹⁶.

Итак мы наблюдаем энергичный и непрерывный подъем в развитии саламандр. Численность их определяют уже в семь миллиардов, хотя с ростом цивилизации плодовитость их резко падает (до двадцати – тридцати головастиков в год на самку). Они заселили уже свыше шестидесяти процентов всех побережий земного шара, полярные побережья еще не заняты их поселениями, но канадские саламандры уже начинают колонизовать берега Гренландии и даже оттесняют эскимосов внутрь страны, захватывая в свои руки рыболовство и торговлю рыбьим жиром.

Рука об руку с их количественным ростом продолжается и культурный прогресс; установив обязательное школьное обучение, они наставили себя в ряд с цивилизованными нациями и могли уже похвастать сотнями собственных подводных газет, выходящих миллионными тиражами, прекрасно оборудованными научными институтами и так далее.

Разумеется, этот культурный подъем не всегда проходил гладко и без внутренних неурядиц. Мы, правда, чрезвычайно мало знаем о внутренних делах саламандр, но, судя по некоторым признакам (например, по найденным трупам саламандр с откушенными носами и головами), под морскою гладью долгое время свирепствовал яростный и затяжной идейный спор между старосаламандрами и младосаламандрами⁹⁷. Младосаламандры стояли, видимо, за прогресс без всяких преград и ограничений, заявляя, что и под водой надо перенять материковую культуру целиком со всеми ее достижениями, не исключая футбола, флирта, фашизма и половых извращений. Наоборот, старосаламандры, по-видимому, консервативно цеплялись за природные свойства саламандр и не хотели отречься от старых добрых животных привычек и инстинктов; они, несомненно, осуждали лихорадочную погоню за всякими новшествами и видели в ней признаки упадка и измену саламандровым идеалам предков и, конечно, возмущались также чужеродными влияниями, которым слепо подчиняется теперешняя развращенная молодежь, и спрашивали, достойно ли гордых и самолюбивых саламандр это обезьянье подражание людям⁹⁸.

⁹⁶ В документах пана Повондры сохранился несколько неясный газетный снимок, изображавший обоих саламандровых делегатов в тот момент, когда они поднимаются по лесенке из Женевского озера на набережную Монблан, чтобы отправиться на заседание комиссии. По-видимому, Официальная квартира была им предоставлена именно в этом озере.

Что касается: самой женевской комиссия по изучению Саламандрового Вопросы, то она проделала большую и цельную работу, выразившуюся главным образом в тщательном уклонении от всех жгучих политических и экономических вопросов. Она непрерывно заседала в течение многих лет и провела свыше тысячи трехсот заседаний, посвященных усердным дебатам по вопросу о едином международном названии для саламандр. В этой области господствовал безнадежный хаос; наряду с научными названиями – *Salaniandra*, *Molche*, *Batrachus* и т. п. (которые начали казаться несколько невежливыми) – была предложена целая куча других имен: саламандр хотели назвать тритонами, нептунидами, фетидами, nereидами, атлантами, океанядами. Посейдонами, лемурами, пелагами, литторалиями, понтийцами, батидами, абиссами, гидрионами, жандемерами (*geno de mer* – морские люди (франц.), сумаринами и т. д. Комиссия по изучению Саламандрового Вопросы должна была выбрать наиболее подходящее Из всех этих имен; она ревностно и добросовестно занималась этим до самого конца Саламандрового Века, но так и не пришла к какому-нибудь единодушному окончательному решению.

⁹⁷ ...спор между старосаламандрами и младосаламандрами. – Намек на борьбу между старочехами и младочехами – консервативной и либеральной партиями чешской буржуазии конца XIX – начала XX века; старочехи в области культурной политики были сторонниками национальной обособленности, боясь проникновения революционных идей с «развращенного» Запада; младочехи слепо и некритически стремились перенять буржуазную цивилизацию более развитых капиталистических стран.

⁹⁸ Пан Повондра включил в свою коллекцию две-три статьи из газеты «Народни политика», содержавшие рассуж-

Мы можем себе представить, что выдвигались громкие лозунги, вроде: «Назад к миоцену! Долой всякое очеловечивание! На бой за нерушимую саламандренность!» – и т. д.

Несомненно, здесь были налицо все предпосылки для остроты идейного конфликта между поколениями и для коренного перелома в духовном развитии саламандр. Нам очень жаль, что мы не можем дать об этом более подробных, – сведений, но мы надеемся, что саламандры извлекли из этого конфликта все, что могли.

Мы видим затем саламандр на пути к наивысшему расцвету; впрочем, и человеческий мир переживает в то время период небывалого процветания. Лихорадочно сооружаются новые берега континентов, на старых отмелях насыпается новая суша, среди океана вырастают искусственные авиационные острова; но и это все – ничто по сравнению – с грандиозными техническими проектами полной переделки земного шара, которые ждали только, чтобы кто-нибудь их финансировал. По ночам саламандры без отдыха работают на дне всех морей, на побережьях всех континентов; кажется, будто они удовлетворены и не требуют для себя ничего, кроме возможности работать да сверлить под берегами норы и переходы своих темных жилищ.

У саламандр есть, таким образом, свои подводные и подземные города, свои столицы в пучине, свои Эссены и Бирмингамы на дне морском, на глубине от двадцати до пятидесяти метров; у них есть свои перенаселенные фабричные кварталы, гавани, транспортные магистрали и миллионные скопления населения, словом, – у них есть свой мир, более или менее неведомый⁹⁹ людям, но, по-видимому, высоко развитый в техническом отношении. У них нет, правда доменных печей и металлургических заводов, но люди доставляют им металлы в обмен на их работу. У них нет своих взрывчатых веществ, но люди продают им, эти вещества. Источником энергии является для них море с его приливами и отливами, с его подводными течениями и разницей температур; правда, турбины дали им люди, но саламандры умеют ими пользоваться, а разве цивилизация не есть просто-напросто умение пользоваться тем, что придумал кто-то другой! И если у саламандр нет, допустим, собственных идей, то у них все же вполне может быть собственная наука. Правда, у них нет своей музыки или литературы, но они прекрасно обходятся и без них. И люди начинают приходить к выводу, что это замечательно современно. Стало быть, и человек уже может кое-чему научиться у саламандр, – и не удивительно разве не пожинают саламандры великолепных успехов? А с чего же и брать людям пример, как не с успешных деяний?! Никогда еще в истории человечества не производилось, не строилось и не зарабатывалось столько, как в эту великую эпоху. Да, ничего не скажешь, вместе с саламандрами в мир явился гигантский прогресс, некий новый идеал, именуемый Количество. «Мы люди Саламандрового Века», – говорилось тогда с обоснованной гордостью; куда до него обветшалому Человеческому Веку с его медлительной, мелочной, бесполезной возней, которую называли культурой, искусством, чистой наукой или как там еще. Подлинные сознательные люди Саламандрового Века не станут уже тратить время на размышления о Сути Вещей; им хватит дела с одним их количеством и массовым производством. Беспременное увеличение производства и потребления – вот все будущее мира, а посему – пусть будет еще больше саламандр, чтобы еще больше произвести продукции и еще больше сожрать! – Попросту говоря, саламандры – это Множественность, их эпохальная заслуга в том, что их так много.

дения о современной человеческой молодежи; скорее всего он по недоразумению отнес их к соответствующему периоду истории саламандровой цивилизации.

⁹⁹ Один господин из Дейвице рассказал пану Повондре, что, купаясь на пляже в Катвейке на Северном море, он заплыл далеко, как вдруг сторож на пляже закричал ему, чтобы он возвратился. Названный господин (некий пан Пршигода, комиссионер) не обратил на это внимания и продолжал плыть. Тогда сторож прыгнул в лодку и пустился вслед за ним.

– Эй, сударь! – крикнул он, – Здесь купаться нельзя...

– Почему? – спросил пан Пршигода.

– Здесь саламандры,

– Я их не боюсь, – возразил пан Пршигода.

– У них под водой какие-то фабрики или что-то в этом роде, – проворчал сторож. – Тут, сударь, никто не купается.

– Почему же?

– Саламандры этого не любят

Только теперь дано человеческому разуму работать в полную силу, ибо он работает в огромных масштабах, в условиях, когда производительная мощность доведена до предела, а обороты капиталов достигли рекорда; короче, настала великая эпоха.

Так чего же еще не хватает, чтобы действительно настал Счастливый Новый Век всеобщей удовлетворенности и процветания? Что может помешать осуществлению желанной Утопии, в которой объединились бы все эти победы техники, открывая все дальше и дальше, до бесконечности, великолепные возможности еще больше увеличивать благосостояние людей и усердие саламандр?

Честное слово, ничего! Ибо отныне деловые отношения с саламандрами будут увенчаны пронизательностью, достойной государственных деятелей, которые заранее позаботятся о том, чтобы колеса Нового Века никогда не скрипели.

В Лондоне собралась конференция приморских государств, на которой была выработана и принята международная конвенция о саламандрах. Высокие договаривающиеся стороны взаимно обязались: не посылать своих саламандр в воды, находящиеся под суверенитетом других государств; не допускать, чтобы их саламандры каким бы то ни было способом нарушали неприкосновенность территории или признанной сферы интересов какого-либо иного государства, никоим образом не вмешиваться в саламандровые дела других морских держав; в случае столкновений между своими и чужими саламандрами подчиняться решениям международного арбитража в Гааге, не вооружать своих саламандр каким бы то ни было оружием, калибр которого превосходит калибр обыкновенного подводного револьвера против акул (так называемого Safranek-gun или shark-gun); не допускать, чтобы их саламандры завязывали близкие отношения с саламандрами, подчиненными иному государственному суверенитету, не строить новые континенты и не расширять свою территорию с помощью саламандр без предварительного разрешения. Постоянной морской комиссии в Женеве и т. д. (всего тридцать семь параграфов). Вместе с тем были отвергнуты – английское предложение, чтобы морские державы не вводили обязательного военного обучения саламандр; французское предложение – интернационализировать саламандр и подчинить их Международному Саламандровому Бюро по упорядочению мировых вод; немецкое предложение – выжигать на каждой саламандре клеймо того государства, в подданстве которого она состоит; другое немецкое предложение, чтобы каждому приморскому государству разрешалось иметь лишь установленное в известной пропорции число, саламандр; итальянское предложение, чтобы государствам, располагающим избытком саламандр, были предоставлены для колонизации новые побережья или участки на дне моря; японское предложение, чтобы над саламандрами (черными от природы) осуществляла международный мандат японская нация, как представительница цветных рас¹⁰⁰.

¹⁰⁰ Это предложение, видимо, было связано с широкой политической пропагандистской кампанией; мы располагаем благодаря коллекционерской страсти пана Повондры чрезвычайно важным документом этой кампании. В документе сказано буквально

人進人米回て奈見難は謀間
つ取は二種の扱今番を在いが、合探の戦争小合目
氏が約を限なくび然と感らしてやば右とロ
を来まびませ見ら中が、何開無るの自分てられ「石口」
その言まき」
はせす大書の底示かも「トーン」君候て病知らず土福見向て
五軍にうりま「分れそロシハで中下「ムカ」
てたよば目下そのじ今「ロツサム」弁目供して刀どの負道
布一ぬに注ん反島強強で、美道れな。がせよ明方間に「
企つ人進人ニ……………」

Обсуждение большинства этих предложений было перенесено на следующую конференцию морских держав, которая, однако, по разным причинам не состоялась.

"Этот международный акт, – писал о конвенции Жюль Зауэрштоф¹⁰¹ в «Тан», – обеспечивает будущее Саламандр и мирное развитие человечества на многие десятки лет. Поздравим лондонскую конференцию с благополучным завершением ее нелегких трудов; поздравим и саламандр с тем, что принятый статут дает им охрану в лице Гаагского суда; теперь они могут спокойно и с полным доверием заняться своей работой и своим подводным прогрессом. Следует подчеркнуть, что лишение Саламандровой Проблемы политического содержания, отразившееся в параграфах Лондонской конвенции, является одной из важнейших гарантий всеобщего мира; в особенности разоружение саламандр уменьшает вероятность подводных конфликтов между отдельными государствами. Пусть даже почти на всех континентах продолжают пограничные споры и распри из-за господства, несомненно одно: со стороны моря всеобщему миру не грозит теперь никакая конкретная опасность. Но, по-видимому, и на суше мир обеспечен лучше, чем когда бы то ни было. Приморские государства целиком заняты строительством новых берегов и могут расширять свою территорию за счет мирового океана, вместо того чтобы стремиться раздвинуть свои границы на суше. Уже не нужно будет с помощью железа и газа сражаться за каждую пядь земли; лопат и мотыг саламандр хватит, чтобы каждое государство построило себе столько территории, сколько ему нужно; эту мирную работу саламандр на благо мира и всех наций как раз и гарантирует Лондонская конвенция. Еще никогда земной шар не был так близок к прочному миру и мирному, но мощному процветанию, как именно сейчас. Вместо Саламандровой Проблемы, о которой столько писали и говорили, отныне будут, по-видимому, с полным правом говорить о Золотом Саламандровом Веке".

3. Пан Повондра опять читает газеты

Ни на ком так не заметен бег времени, как на детях. Где маленький Франтик, которого мы (так недавно!) оставили над левыми притоками Дуная?

– Куда опять запропастился этот Франтик? – ворчит пан Повондра, раскрывая свою вечернюю газету.

– Сам знаешь – как всегда... – отвечает пани Повондра, склонившись над штопкой.

– Значит, отправился к своей девчонке, – сердито произносит Повондра-отец – Проклятый мальчишка! Едва тридцать лет исполнилось, а ни одного вечера дома не посидит!

– Одних носков сколько изнашивает, и все из-за беготни! – вздыхает пани Повондра, натягивая еще один безнадежный носок на деревянный гриб. – Ну что тут поделаешь? – задумывается она над огромнейшей дырой на пятке, похожей своими очертаниями на остров Цейлон. – Прямо хоть выбрось! – критически рассуждает она, но после дальнейших стратегических размышлений решительно вонзает иглу в южное побережье Цейлона.

Настала уютная семейная тишина, столь дорогая сердцу Повондры-отца только газета шуршит да отвечает ей быстро продергиваемая нитка.

– Поймали его? – спрашивает пани Повондра.

– Кого?

– Да того убийцу, который зарезал женщину.

– Очень мне нужен твой убийца, – возмущенно ворчит пан Повондра. – Вот тут как раз пишут, что между Японией и Китаем напряженные отношения. Это серьезное дело. Там всегда серьезные дела.

– Я думаю, его уже не поймают, – замечает пани Повондра.

– Кого?

– Этого убийцу Когда кто-нибудь убивает женщину, его почти никогда не могут поймать.

¹⁰¹ *Жюль Зауэрштоф*. – Имеется в виду Жюль Зауэрвайн, редактор отдела иностранной 'политики в ряде крупных парижских буржуазных газет.

– Японец-то недоволен, что Китай регулирует Желтую реку. Тут, брат, хитрая политика! Пока Желтая река творит всякие безобразия, в Китае то а дело бывают наводнения и голод, а это ослабляет китайца, понимаешь? Дай-ка мне ножницы, я это вырежу.

– Зачем?

– А тут написано, что в Желтой реке работает два миллиона саламандр.

– Это много, правда?

– Я думаю. Конечно, за них платит Америка; да, голубушка. И поэтому микадо хочет насадить туда своих саламандр. Эге-ге, смотри-ка!...

– Что случилось?

– Да вот «Пти паризьен» пишет, что Франция не может этого потерпеть. И правильно. Я бы тоже этого не потерпел.

– Чего бы ты не потерпел?

– Чтобы Италия расширяла остров Лампедузу. Это страшно важная стратегическая позиция, понимаешь? Итальянец мог бы угрожать Тунису. Так вот, «Пти паризьен» пишет, что итальянец хочет устроить на Лампедузе первоклассную морскую крепость. Отсюда, говорят, шестьдесят тысяч вооруженных саламандр... Это дело нешуточное. Шестьдесят тысяч – это, матушка, три дивизии. Я тебе говорю, на Средиземном море в один прекрасный день что-нибудь еще произойдет. Дай-ка, я вырежу.

Тем временем Цейлон исчезал под усердной рукой пани Повондровой и сократился уже приблизительно до размеров острова Родоса...

– И тут еще Англия, – рассуждает Повондра-отец, – у той тоже будут хлопоты. В палате общин говорят, что Великобритания отстает, мол, от других государств по части этих самых водных сооружений. Другие колониальные державы строят, мол, наперегонки новые побережья и континенты, а британское правительство из-за своего консервативного недоверия к саламандрам... Это верно, матушка. Англичане страшно консервативны. Знал я одного лакея из английского посольства, так, ей-богу, он ни разу не взял в рот нашей чешской тлаченки. У них, говорит, этого не едят, – ну, так и он не будет есть. Я несколько не удивлюсь, если другие государства их перегонят. – Пан Повондра с серьезным видом покачал головой. – А Франция расширяет свои берега у Кале. Теперь английские газеты поднимают крик, что Франция будет бомбардировать их через Ламанш, когда пролив сузится. Во и получили! Могли сами расширить свои берега у Дувра и бомбардировать Францию.

– Да зачем им обязательно бомбардировать? – спросила пани Повондрова.

– Ну, этого ты не поймешь. Это уж военные соображения. Я бы не удивился, если бы там вдруг что-нибудь стряслось. Там или где-нибудь в другом месте. Ясно, теперь через этих саламандр мировая ситуация совершенно изменилась, матушка. Совершенно!

– Ты думаешь, что может быть война? – встревожилась пани Повондрова. – Понимаешь... я насчет нашего Франтика, как бы... ему не пришлось идти.

– Война? – переспросил Повондра-отец. – Мировая война, обязательно будет, чтобы государства могли поделить между собой море. Но мы останемся нейтральными. Кто-нибудь же должен оставаться нейтральным, чтобы поставлять другим оружие и все такое. Так-то!... – решил пан Повондра. – Но вы, бабы, ничего в этом не смыслите.

Пани Повондрова, сжав губы, быстрыми стежками заканчивала удаление острова Цейлона с пятки молодого пана Франтика.

– И подумать только, – сказал Повондра-отец, с трудом скрывая свою гордость, – если бы не я, не было бы и всей этой грозной ситуации! Не проводи я тогда этого капитана к пану Бонди, вся история сложилась бы иначе. Другой швейцар не пустил бы его в дом, а я решил – возьму-ка я это на себя. А теперь смотри сколько хлопот у таких государств, как Англия или Франция! И еще неизвестно, что может из этого выйти... – Пан Повондра взволнованно задымил своей трубкой. – Так-то, золото мое! Газеты полны этими саламандрами. Тут вот опять... – Повондра-отец отложил трубку в сторону. – Пишут, что возле города Канкесантурай на Цейлоне саламандры напали на какую-то деревню; туземцы будто бы незадолго до этого убили несколько саламандр. «Были вызваны полиция и взвод туземных войск, – прочитал вслух пан Повондра, – после чего завязалась

регулярная перестрелка между саламандрами и людьми. Среди солдат было несколько раненых...» – Повондра-отец положил газету. – Это мне не нравится, матушка.

– Почему? – удивилась пани Повондра, заботливо и удовлетворенно постукивая ножницами по тому месту, где был раньше остров Цейлон. – Тут ведь ничего такого нет!

– Не знаю, – произнес Повондра-отец и взволнованно заходил по комнате. – Но это мне совсем не нравится. Нет, это мне не по душе. Перестрелка между людьми и саламандрами – это уж слишком.

– Наверное, саламандры только защищались, – успокоительно сказала, пани Повондра и отложила носки в сторону.

– В том-то и загвоздка, – беспокойно проворчал пан Повондра. – Если эти твари начнут защищаться – плохо дело. Это они первый раз такое сделали. Черт, это мне не нравится! – Пан Повондра остановился в раздумье. – Не знаю... но, может быть, мне все-таки не следовало пускать этого капитана к пану Бонди!...

Книга третья. ВОЙНА С САЛАМАНДРАМИ

1. Бойня на кокосовых островах

Пан Повондра ошибался в одном: перестрелка у города Канкесантурай была не первой стычкой между людьми и саламандрами. Первый известный в истории конфликт имел место на Кокосовых островах, за несколько лет до этого, еще в золотой век пиратских набегов на саламандр; но и это не был самый древний из инцидентов такого рода, и в тихоокеанских портах ходило немало рассказов о некоторых прискорбных случаях, когда саламандры оказывали более или менее энергичное сопротивление даже нормальной S-Trade, но такие мелочи не вписываются в книгу истории.

На Кокосовых островах (называемых также островами Килинга) дело происходило так: разбойничье судно «Монроз», принадлежавшее гарримановской Тихоокеанской торговой компании и находившееся под командой капитана Джемса Линдлея, прибыло туда для обычной охоты на саламандр типа «Макароны». На Кокосовых островах имелась хорошо известная, процветавшая саламандровая бухта, заселенная еще капитаном ван Тохом, но потом покинутая на произвол судьбы из-за, своей отдаленности. Капитана Линдлея нельзя обвинять в какой-либо неосторожности; нельзя даже ставить ему в упрек, что команда высадилась на берег невооруженной. (В те времена хищническая торговля саламандрами приобрела уже определенные упорядоченные формы. Правда, раньше пиратские суда и команды были обычно вооружены пулеметами и даже легкими орудиями – впрочем, не против саламандр, а против возможной конкуренции со стороны других пиратов. На острове Каракелонг однажды произошло даже сражение между командой гарримановского парохода и экипажем датского судна, капитан которого считал Каракелонг своим охотничьим заповедником; обе команды свели тогда между собой старые счеты, порожденные распрями из-за торговли и престижа: они забыли облаву на саламандр и начали стрелять друг в друга из пушек и «гочкисов»; на суше победу одержали датчане, бросившись в атаку с ножами в руках; но потом гарримановский пароход удачно бомбардировал датское судно и потопил его со всеми потрохами, в том числе и с капитаном Нильсом. Это был так называемый Каракелонгский инцидент. В дело вынуждены были вмешаться официальные учреждения и правительства заинтересованных государств; пиратским судам было запрещено на будущее время пользоваться пушками, пулеметами и ручными гранатами; кроме того, флибустьерские компании разделили между собой так называемые свободные промыслы так, что каждое саламандровое поселение посещали только определенные грабительские суда; это джентльменское соглашение крупных хищников действительно соблюдалось, и даже мелкие пиратские фирмы относились к нему с уважением.)

Но вернемся к капитану Линдлею. Он действовал всецело в духе общепринятой тогда торговых и морских обычаев, когда послал своих людей ловить саламандр на Кокосовых островах, вооружив их только веслами и дубинками; последующее официальное расследование полностью оправдало покойного капитана.

Людьми, которые высадились в ту лунную ночь на Кокосовые острова, командовал лейтенант Эдди Мак-Карт, уже искушенный в облавах такого рода. Правда, стадо саламандр" которое он обнаружил на берегу, было очень большим и насчитывало, по-видимому, от шестисот до семисот взрослых крупных самцов, тогда как под командой лейтенанта Мак-Карта было только шестнадцать человек; но нельзя обвинять его в том, что он не отказался от своего предприятия, – хотя бы уже потому, что офицерам и командам грабительских судов, по обычаю выплачивали премию за каждую пойманную саламандру. При позднейшем расследовании морское ведомство признало, что «лейтенант Мак-Карт несет, правда, ответственность за прискорбный случай», но «при данных обстоятельствах никто на его месте не поступил бы иначе». Наоборот, злополучный молодой офицер проявил большую сообразительность, когда вместо постепенного оцепления саламандр (которое при данном численном соотношении не могло бы быть полным) он предпочел стремительное нападение, чтобы отрезать саламандр от моря, загнать их в глубь острова и там поодиночке глушить ударами дубин и весел. К несчастью, при атаке рассыпным строем цепь моряков была прорвана, и около двухсот саламандр пробилось к воде. Пока атакующие «обрабатывали» саламандр, отрезанных от моря, в тылу у них затрещали выстрелы подводных револьверов (shark-guns); никто не подозревал, что «натуральные», дикие саламандры на Кокосовых островах вооружены противоакульими револьверами, и так и не удалось установить, кто снабдил их оружием.

Матрос Майкл Келли, единственный уцелевший от катастрофы, рассказывал:

"Когда загрели выстрелы, мы подумали, что нас обстреливает какая-нибудь другая команда, которая Тоже высадилась здесь для ловли саламандр. Лейтенант Мак-Карт быстро обернулся и крикнул: «Что вы делаете, остолопы, здесь – команда „Монроз“!» Тут он был ранен в бок, но все же выхватил свой револьвер и начал стрелять. Петой он был вторично-ранен, в горло, и упал. Только тогда мы увидели, что это стреляют саламандры и что они хотят отрезать нас от моря. Лонг Став поднял весло и бросился на саламандр, громко кричат «Монроз! Монроз! Мы, остальные, тоже закричали „Монроз“ и стали колотить этих тварей веслами что было силы. Пятеро из нас остались на месте, но остальные пробилось к морю. Лонг Стив кинулся в воду, чтобы добраться до шлюпки вброд, но на нем повисли несколько саламандр и потянули его на дно. Чарли тоже утопили; он кричал нам: „Ребята, ради всего святого спасите меня!“ – а мы не могли ему помочь. Эти свиньи стреляли нам в спину; Бодкин обернулся – и тут получил пулю в живот, крикнул только: „Да что же это?!“ – и упал. Тогда мы попробовали скрыться в глубь острова; мы уже разбили в щепы об эту мразь наши дубины и весла и просто бежали, как зайцы. Нас осталось уже только четверо. Мы боялись убежать далеко от берега, опасаясь, что не попадем тогда обратно на судно, мы спрягались за кустами и скалами и должны были молча смотреть, как саламандры добивают наших ребят. Они топили их в воде, как котят, а тех, кто еще всплывал, били ломом по голове. Я только тогда почувствовал, что у меня вывихнута нога и я не могу двинуться дальше».

По-видимому, капитан Джеме Линдлей, который оставался на судне, услышал стрельбу на острове; думал ли он, что заварилась какая-нибудь каша с туземцами или что на острове оказались другие охотники на саламандр -не важно, но только он взял кока и двух механиков, остававшихся на пароходе, велел спустить на шлюпку пулемет, который он – вопреки строгому запрету – предусмотрительно прятал у себя на судне, и поспешил на помощь команде Он был достаточно осторожен и не высадился на берег; он только подвел к берегу шлюпку, на носу которой был установлен пулемет, и выпрямился «со скрещенными на груди руками» Предоставим дальше слово матросу Келли.

"Мы не хотели громко звать капитана, чтобы нас не обнаружили саламандры. Мистер Линдлей поднялся со скрещенными на груди руками и крикнул: "Что здесь происходит?". Тут саламандры направились к нему. На берегу их было несколько сотен, а из моря все время выплывали новые и окружали шлюпку «Что здесь происходит?» – спрашивает капитан, и тут одна большая саламандра подходит к нему поближе и говорит: «Отправляйтесь обратно!» Капитан посмотрел на нее, помолчал немного и потом спросил: «Вы саламандра?» – «Мы саламандры, – ответила она – Отправляйтесь обратно, „сэр!“ – „Я хочу знать, что вы сделали с моими людьми“, – говорит наш старик. „Они не должны были нападать на нас, – сказала саламандра – Возвращайтесь на свое судно, сэр!“ Капитан снова помолчал немного, а потом совершенно спокойно говорит: „Ну ладно.

Стреляйте, Дженкинс!“ И механик Дженкинс начал палить в саламандр из пулемета»

(При расследовании всего дела морское ведомство – цитируем буквально – заявило: «В этом отношении капитан Джемс Линдлей действовал так, как и следовало ожидать от британского моряка»)

«Саламандры столпились в кучу, – продолжал свои показания Келли, – и падали, под пулеметным огнем, как скошенные колосья. Некоторые стреляли из своих револьверов в мистера Линдлея, но он стоял со скрещенными на груди руками и даже не пошевелился. В этот момент позади шлюпки вынырнула из воды черная саламандра, державшая, в лапе что-то вроде консервной банки; другой лапой она что-то выдернула из, банки и бросила ее в воду под шлюпку. Не успели мы сосчитать до пяти, как на этом месте взметнулся столб воды и раздался глухой, но такой сильный взрыв, что земля загудела у нас под ногами».

(По описанию Майкла Келли, власти, производившие расследование, заключали, что речь идет о взрывчатом веществе «В-3», которое поставлялось саламандрам, занятым на работах по укреплению Сингапура, для взрывания подводных скал. Но каким образом эти заряды попали от тамошних саламандр на Кокосовые; острова, осталось загадкой; одни думали, что их перевезли туда люди, по мнению других – между саламандрами уже тогда существовали какие-то сношения, даже на далеких расстояниях. Общественное мнение требовало тогда, чтобы власти запретили, давать в руки саламандрам такие опасные взрывчатые вещества, но соответствующее ведомство заявило, что пока еще нет возможности заменить «высокоэффективное и сравнительно безопасное вещество „В-3“ каким-нибудь другим»; тем дело и кончилось.)

«Шлюпка взлетела на воздух, – продолжал свои показания Келли, – и рассыпалась в щепки. Саламандры, оставшиеся в живых, кинулись к месту взрыва. Мы не могли разглядеть, жив ли мистер Линдлей, но все трое моих товарищей – Донован, Бэрк и Кеннеди – вскочили и побежали к нему на помощь, чтобы он не достался в руки саламандрам. Я тоже хотел побежать с ними, но у меня была вывихнута лодыжка, и я сидел и обеими руками тянул ступню, чтобы вправить сустав. Я не знаю поэтому, что там произошло, но когда я поднял глаза, то увидел, что Кеннеди лежит, уткнувшись лицом в песок, а от Донована и Бэрка не осталось уже и следа; только под водой еще что-то билось».

Матрос Келли скрылся потом в глубь острова, там он набрел на туземную деревню, но туземцы отнеслись к нему как-то странно и не хотели даже приютить его: по-видимому, они боялись саламандр. Лишь через семь недель после этого происшествия одно рыболовное судно нашло дочиста разграбленную, покинутую «Монроз», стоявшую на якоре у Кокосовых островов, и подобрало Келли.

Еще через несколько недель к Кокосовым островам подошла канонерка его британского величества «Файрболл» и, бросив якорь, дождалась наступления ночи. Была такая же светлая, лунная ночь, как и в тот раз; из моря вышли саламандры; уселись на леске в большой круг и начали свой торжественный танец. Тогда канонерка его величества пустила в них первый снаряд. Саламандры – те, что не были разорваны на куски, – на мгновение оцепенели, а затем бросились к воде; в этот момент прогремел страшный залп из шести орудий, и уже только несколько раненых саламандр ползло к воде. Тогда раздалась второй и третий залпы.

После этого «Файрболл» отошел на полмили назад и начал стрелять в воду, медленно двигаясь вдоль берега. Канонада продолжалась шесть часов, причем было выпущено около восьмисот снарядов. Потом канонерка покинула острова. В течение двух суток после этого морская гладь у Килинговых островов была сплошь усеяна тысячами изуродованных трупов саламандр.

В ту же ночь голландское военное судно «Ван-Дейк» дало три выстрела по саламандрам, столпившимся на острове Гунон-Апи; японский крейсер «Хакодате» пустил три снаряда в саламандровый островок Айлинтлаплап, французское военное судно «Бешамель» тремя залпами рассеяло пляшущих саламандр на острове Равайвай. Это было предостережение саламандрам. Оно не пропало даром подобных инцидентов (столкновение на Кокосовых островах называли «Keelmg-Killing»¹⁰²) больше не повторялось, и как упорядоченная, так и дикая торговля саламандрами мог-

¹⁰² Килингская бойня (англ).

ла процветать безвозбранно и пышно.

2. Столкновение в Нормандии

Иной характер носило столкновение в Нормандии¹⁰³, которое произошло несколько позднее. Там саламандры, работающие главным образом в Шербуре и живущие на окрестном побережье, невероятно пристрастились к яблокам; но так как их хозяева не соглашались добавлять яблоки к обычному саламандровому корму (это повысило бы стоимость строительных работ против установленной сметы), то саламандры стали совершать воровские набеги на соседние фруктовые сады. Крестьяне пожаловались на это в префектуру, и саламандрам было строго запрещено шататься по берегу за пределами так называемой «саламандровой зоны», но это не помогло; фрукты исчезали по-прежнему, исчезали и яйца из курятников, и каждое утро крестьяне находили все больше и больше убитых сторожевых собак. Тогда крестьяне, вооружившись старыми ружьями, стали сами сторожить свои сады и стрелять в мародерствующих саламандр. В конце концов все это могло бы остаться в рамках местного инцидента, но нормандские крестьяне, раздраженные, помимо всего прочего, повышением налогов и вздорожанием огнестрельных припасов, вспыхнули к саламандрам смертельной враждой и начали целыми толпами устраивать на них вооруженные облавы. Когда они стали массами истреблять саламандр даже на месте их работ, с жалобой к властям обратились уже предприниматели шербурского водного строительства, и префект распорядился, чтобы у крестьян конфисковали их заржавелые хлопушки. Крестьяне, конечно, воспротивились, и дело дошло до серьезных конфликтов с жандармерией; упрямые нормандцы начали, кроме саламандр, расстреливать жандармов. В Нормандию были стянуты жандармские подкрепления, и в деревнях из дома в дом производились обыски.

Как раз в это время случилось весьма неприятное происшествие: вблизи Кутанс деревенские мальчишки напали на саламандру, которая якобы подкрадывалась с подозрительными целями к курятнику, окружили ее, прижали к стене сарая и начали забрасывать кирпичами. Раненая саламандра взмахнула рукой и бросила наземь нечто, по внешнему виду похожее на яйцо; раздался взрыв, и саламандра была разорвана на куски, но ее участь разделили и трое мальчиков: одиннадцатилетний Пьер Кажюс, шестнадцатилетний Марсель Берар и пятнадцатилетний Луи Кермадек; кроме того, пятеро ребят были тяжело ранены. Весть об этом быстро облетела весь край; около семисот человек, вооруженных ружьями, вилами и цепями, съехались на автобусах со всех концов Нормандии и напали на саламандровое поселение в заливе Бас-Кутанс. Прежде чем жандармам удалось оттеснить разъяренную толпу, было убито около двадцати саламандр. Саперы, вызванные из Шербура, обнесли залив Бас-Кутанс колючей проволокой, но ночью саламандры вышли из моря, разрушили с помощью ручных гранат проволочное ограждение и пытались проникнуть в глубь района. Срочно мобилизовали несколько рот пехоты; они примчались на военных грузовиках с пулеметами, и цепь войск отделила саламандр от людей. Тем временем крестьяне громили налоговые управления и жандармские участки, а один особенно непопулярный сборщик налогов был повешен на фонаре с надписью: «Долой саламандр!» Газеты, особенно немецкие, писали о революции в Нормандии; однако парижское правительство опубликовало решительное опровержение.

Пока кровавые столкновения между крестьянами и саламандрами распространялись по побережью Кальвадоса, Пикардии и Па-де-Кале, из Шербура по направлению к западному берегу Нормандии вышел старый французский крейсер «Жюль Фламбо». Как уверяли впоследствии, крейсер был выслан только для того, чтобы своим присутствием успокоить как местных жителей, так и саламандр. «Жюль Фламбо» остановился в полутора милях от залива Бас-Кутанс; когда наступила ночь, командир крейсера, чтобы усилить успокоительное впечатление, приказал пускать цветные ракеты. Много людей собралось на берегу поглазеть на красивое зрелище, как вдруг они услышали громкое шипение, и в носовой части судна взметнулся вверх огромный столб

¹⁰³ *Столкновение, в Нормандии.* – Реальной основой этой главы были крестьянские волнения во Франции в копне 1933 – начале 1934 годов в связи с низкими ценами на сельскохозяйственные продукты.

воды; судно накренилось, и в тот же миг раздался страшный взрыв. Не подлежало сомнению, что крейсер тонет. Не прошло и четверти часа, как из соседних портов примчались на помощь моторные лодки, но надобности в них не было: кроме трех человек, убитых при взрыве, весь экипаж спасся сам; «Жюль Фламбо» затонул через пять минут после того, как командир последняя покинул судно с достопамятными словами: «Ничего не поделаешь».

Официальное сообщение, выпущенное в ту же ночь, гласило, – что «старый крейсер „Жюль Фламбо“, который в течение ближайших недель все равно подлежал списанию, наскочил во время ночного плавания на рифы и затонул вследствие взрыва котлов», но газеты этим не удовлетворились; и если полуофициозная печать утверждала, будто судно наткнулось на недавно поставленную немецкую мину, то оппозиционные, а также иностранные газеты поместили аршинные заголовки:

Французский крейсер торпедирован саламандрами.

Загадочное событие у нормандского побережья.

Бунт саламандр

«Мы требуем к ответу, – страстно взывал в своем открытом письме депутат Бартелеми, – тех, кто вооружил саламандр против людей, тех, кто дал им в лапы гранаты, чтобы, они убивали французских крестьян и невинных играющих детей; тех, кто снабдил морских чудовищ современнейшими торпедами, чтобы они могли топить французские корабли, когда им заблагорассудится. Повторяю, мы требуем их к ответу; пусть им предъявят обвинение в убийстве, пусть их предадут военному суду за измену родине, пусть следствие выяснит, какую мзду они получили от фабрикантов оружия за то, что вооружают морскую нечисть против цивилизованного судоходства!» И так далее.

Всех охватила паника; люди толпами собирались на улицах, кое-где начали строить баррикады; на парижских бульварах, составив винтовки в козлы, стояли сенегальские стрелки, а в предместьях дежурили броневики и танки.

В эти дни в палате депутатов поднялся со своего места морской министр Франсуа Понсо и, бледный, но полный решимости, заявил: «Правительство принимает на себя ответственность за то, что оно вооружило саламандр на французском побережье винтовками, подводными пулеметами, подводными орудиями и торпедными аппаратами. Но если у французских саламандр имеются лишь легкие малокалиберные орудия, то германские саламандры вооружены тридцатидвухсантиметровыми подводными мортирами; если на французском побережье один подводный склад торпед, ручных гранат и взрывчатых веществ приходится на каждые двадцать четыре километра, то на итальянском побережье подводные склады военного снаряжения приходятся в среднем на каждые двадцать, а на германском побережье – на каждые восемнадцать километров. Франция не может оставить и не оставит свои берега беззащитными. Франция не может отказаться от вооружения своих саламандр».

Министр, сообщил затем, что он уже отдал распоряжение произвести строжайшее расследование с целью выяснить, кто является виновником рокового недоразумения у нормандского побережья. По-видимому, саламандры приняли цветные ракеты за сигнал к боевым действиям и хотели обороняться. Командир крейсера «Жюль Фламбо» и шербурский префект уволены; специальная комиссия выясняет, как администрация водных сооружений обращается с саламандрами; в этом отношении впредь будет учрежден строгий контроль. Правительство глубоко скорбит о человеческих жертвах; юные национальные герои Пьер Кажюс, Марсель Берар и Луи Кермадек будут посмертно награждены орденами и похоронены за счет государства, а их родителям будет назначена почетная пенсия: В высшем военно-морском командном составе произойдут важные перемены. Как только правительство будет в состоянии сообщить более подробные сведения, оно поставит в парламенте вопрос о доверии.

После этого было объявлено непрерывное заседание кабинета.

Тем временем газеты – в зависимости от политической окраски – требовали карательного, истребительного, колонизационного или крестового похода против саламандр, генеральную забастовку, отставку правительства, арест владельцев саламандр, арест коммунистических лидеров и агитаторов и множество прочих подобных спасительных мер, в связи со слухами; о возможном закрытии портов и морских границ люди начали лихорадочно запасаться продовольствием, и цены на все товары росли с головокружительной быстротой; в промышленных центрах на почве дороговизны вспыхнули волнения; биржа была закрыта на три дня. Короче, это было самое тревожное и напряженное время за последние три-четыре месяца.

Но тут своевременно вмешался министр, земледелия Монти¹⁰⁴: он распорядился, чтобы на французских побережьях два раза в неделю высыпали в море столько-то сотен вагонов яблок, конечно за счет государства. Это мероприятие прекраснейшим образом удовлетворило саламандр и успокоило садоводов в Нормандии и в других местах. Но Монти пошел еще дальше: рост недовольства в винодельческих районах, страдавших из-за отсутствия сбыта, давно причинял затруднения правительству, и министр земледелия отдал распоряжение, чтобы государственная помощь саламандрам выражалась еще и в ежедневной выдаче им белого вина, по поллитра на брата... Сначала саламандры недоумевали, что им делать с вином, так как оно вызывало у них сильный понос, и выливали его в море; но постепенно они как будто привыкли к нему, и было замечено, что с этих пор французские саламандры стали спариваться с большим пылом, хотя при этом плодовитость их сильно упала. Так единым махом были урегулированы и аграрный вопрос и саламандровый инцидент; грозная напряженность исчезла, и когда вскоре после этого в связи с финансовым скандалом вокруг дела мадам Тэплер¹⁰⁵, возник новый правительственный кризис, ловкий и дельный Монти получил в новом кабинете портфель морского министра.

3. Инцидент в Ламанше

Спустя некоторое время после этих событий бельгийский пассажирский пароход «Уденбург» направлялся из Остенде в Рэмсгейт. Когда он находился как раз да середине Па-де-Кале, вахтенный офицер заметил, что на расстоянии полумили к югу от обычного курса «в воде что-то происходит». Так как он не мог разглядеть, что случилось и не тонет ли там кто-нибудь, то он приказал повернуть к тому месту, где волновалась и сильно бурлила вода. Около двухсот пассажиров наблюдали с наветренного борта странное зрелище: то тут, то там взметывались фонтаны, то тут, то там из воды вылетало что-то похожее на черное тело; при этом в радиусе около трехсот метров море клочкотало, пенились водовороты, а из глубины доносились громовые раскаты и страшный гул. «Казалось, под водой происходит извержение небольшого вулкана». Когда «Уденбург» медленно приблизился к этому месту, метрах в десяти от его бушприта внезапно вырос огромный крутой вал и раздался страшный взрыв. Пароход подбросило, а на палубу ливнем хлынула горячая, почти кипящая вода; одновременно на носовую часть палубы шлепнулось большое черное тело, корчившееся и пронзительно кричавшее от боли; это была раненая и ошпаренная саламандра. Вахтенный офицер скомандовал задний ход, чтобы судно не лопало в самый центр этого извергающегося ада; но тут взрывы начали раздаваться со всех сторон, и поверхность моря усеяли разорванные на куски тела саламандр. В конце концов судно удалось повернуть, и «Уденбург» на всех парах помчался к северу. В этот момент приблизительно в шестистах метрах за кормой

¹⁰⁴ *Но тут своевременно вмешался министр земледелия Монти...* – Намек на действия французского министра общественных работ Пьера Этьена Фландена (р. в 1859), который в целях ликвидации кризиса сбыта винограда издал декрет об уничтожении несортных гибридных виноградников. Эта мера была принята, в интересах крупных землевладельцев, так как несортными виноградниками владело беднейшее крестьянство.

¹⁰⁵ *...финансовым, скандалам, вокруг дела мадам Тэплер...* – Намек на ряд политических и финансовых скандалов, разыгравшихся во Франции в начале 30-х годов; в частности, на дело авантюриста А. Стависского, который при поддержке правительственных кругов выпустил фальшивые акции на сумму в пятьсот миллионов франков, что привело к разорению тысяч мелких акционеров, дело Стависского вызвало затяжной правительственный кризис.

грохнул ужасающий взрыв, и из моря вырвался гигантский столб воды и пара. «Уденбург» взял курс на Гарвич и послал по всем направлениям радиogramму: «Внимание, внимание, внимание! На линии Остенде-Рэмстейт чрезвычайно опасные подводные взрывы. Не знаем, в чем дело. Советуем всем судам взять курс в сторону!» По-прежнему были слышны гул и грохот – почти такие же, как во время морских маневров; но из-за фонтанов воды и пара ничего не было видно. А из Дувра и Кале к этому месту уже спешили на всех порах миноносцы и истребители и мчались эскадрильи военных самолетов; но когда они прибыли туда, то увидели только морскую гладь, мутную от желтого ила и сплошь покрытую оглушенными рыбами и растерзанными саламандрами.

Сначала говорили о взрыве каких-то мин в проливе; но когда Оба берега Па-де-Кале были оцеплены войсками, а английский премьер – это был четвертый случай в истории человечества прервал в субботу вечером свой «уик-энд» и срочно возвратился в Лондон, то стали догадываться, что речь идет о событии, имеющем весьма серьезное международное значение. Газеты распространили самые тревожные слухи, но на сей раз, как это ни странно, далеко отстали от действительности. Никто и не подозревал, что в течение нескольких критических дней Европа, а вместе с ней и весь мир, была на волосок, от войны. Лишь несколько лет спустя, когда член тогдашнего британского кабинета сэр Томас Мэльбери провалился на выборах а парламент и поэтому опубликовал свои политические мемуары, публика получила возможность узнать, что, собственно, тогда происходило; но в то время это уже никого не интересовало.

Вкратце дело заключалось в следующем. Как Франция, так и Англия начали – каждая со своей стороны – строить в Ламанше подводные саламандровые крепости, которые в случае войны могли бы запереть весь пролив; обе державы потом, конечно, взаимно обвиняли друг друга, и каждая уверяла, что начала другая; но, вероятно, обе начали фортификационные работы, одновременно: из опасения, как бы соседнее, дружественное, государство ее не обогнало. Одним словом, – под спокойной гладью пролива, выростали друг против друга две грандиозные, бетонные крепости, оснащенные тяжелыми орудиями и торпедными аппаратами, с обширными минированными полями и вообще всеми усовершенствованиями, до которых дошел к атому времени человеческий прогресс а области военного искусства; крепость на английской стороне была занята двумя дивизиями тяжелых и приблизительно тридцатью тысячами рабочих саламандр, на французской – тремя дивизиями первоклассных военных саламандр.

По-видимому, в памятный день на дне моря посредине пролива, колонна, британских рабочих саламандр встретилась с французскими саламандрами, и между ними произошла какое-то недоразумение. Французская сторона утверждала, что на мирно работающих французских саламандр напали британские с целью прогнать их; при этом вооруженные британские саламандры хотели якобы увести нескольких французских саламандр, которые, естественно, оказали сопротивление. Тогда британские военные саламандры стали закидывать французских рабочих саламандр ручными гранатами и обстреливать их из минометов, так что французским саламандрам оставалось только прибегнуть к тому же оружию. Французское правительство сочло себя поэтому вынужденным потребовать от правительства его британского величества полного удовлетворения и эвакуации спорного подводного участка, а равно гарантий, что подобные инциденты впредь не повторятся.

В противоположность этому британское правительство специальной нотой уведомило правительство Французской республики, что французские милитаризованные саламандры проникли на территорию английской половины пролива и начали закладывать там мин". Британские саламандры обратили внимание на то, что здесь английская рабочая территория; вооруженные до зубов французские саламандры ответили на это метанием ручных гранат, причем убили нескольких британских рабочих саламандр. Правительство его величества с сожалением считает себя вынужденным потребовать от правительства Французской республики полного удовлетворения и гарантий, что французские военные саламандры не будут впредь вторгаться на английскую половину пролива.

В ответ на это французское правительство заявило, что оно не может более допускать, чтобы соседнее государство сооружало подводные крепости в непосредственной близости от французских берегов. Что же касается недоразумения на дне пролива, то правительство республики пред-

лагают, согласно Лондонской конвенции, передать спорный вопрос на разрешение Гаагского арбитража.

Британское правительство возразило, что оно не может и не намерено ставить безопасность британских берегов в зависимость от решения какой бы то ни было посторонней инстанции. Как государство, подвергшееся нападению, Англия снова и самым настоятельным образом требует извинений, возмещения убытков и гарантий на будущее. Одновременно с этим средиземная английская эскадра, стоявшая у острова Мальта, вышла на всех парах по направлению к западу, а атлантическая эскадра получила приказ сосредоточиться у Портсмута и Ярмута.

Французское правительство издало приказ о мобилизации матросов и офицеров военного флота пяти призывных возрастов.

Казалось, что ни одно из обоих государств уже не может отступить; в конце концов стало ясно, что речь идет не больше и не меньше, как о господстве над всем проливом. В этот критический момент сэр Томас Мэльбери установил, поразительный факт, а именно, что на английской стороне никаких военных или рабочих саламандр вообще не существует (по крайней мере – де-юре), так как для Британских островов до сих пор остается в силе изданный когда-то при сэре Сэмюэле Мейдевилле закон, запрещающий использовать хотя бы одну саламандру для каких бы то ни было целей на побережье или в территориальных водах Британских островов. Ввиду этого британское правительство не могло официально утверждать, что французские саламандры напали на английских, и все дело свелось к вопросу, умышленно или по ошибке французские саламандры вступили на дно английских территориальных вод. Власти Французской республики обещали расследовать это, и английское правительство даже не предложило передать спор на рассмотрение Гаагского международного суда. Затем британское и французское морские ведомства пришли к соглашению о создании пятикилометровой нейтральной зоны; между подводными укреплениями: в проливе, что в необычайной мере укрепило дружбу между обоими государствами.

4. Der nordmozoh ¹⁰⁶

Через несколько лет после возникновения первых саламандровых колоний в Северном и Балтийском морях немецкий исследователь д-р Ганс Тюринг установил, что балтийская саламандра – очевидно, под влиянием среды – отличается некоторыми особыми физическими признаками: она якобы несколько светлее, ходит прямее, и ее френологический индекс свидетельствует о том, что у нее более узкий и продолговатый череп, чем у других саламандр. Эта разновидность получила название *der Nordmolcn* или *der Edelniolch* ¹⁰⁷ (*Andrias Scheuchzeri varietas nobiliserecta Truringi* ¹⁰⁸).

Вслед за тем и германская печать начала усердно заниматься балтийской саламандрой. Главным образом подчеркивалось, что именно под влиянием немецкой среды эта саламандра превратилась в особый и притом высший расовый тип, который природа, бесспорно, поставила над всеми другими саламандрами. Германская печать с презрением писала о дегенеративных средиземноморских саламандрах, вырождающихся физически и морально, о диких тропических саламандрах и вообще о низших, варварских и звероподобных саламандрах других наций. От исполинской саламандры – к немецкой сверхсаламандре, – так звучал тогдашний крылатый лозунг. Разве не немецкая земля была первичной родиной всех саламандр нового времени? Разве не Энинген был их колыбелью – тот Энинген, где немецкий ученый д-р Иоганн Якоб Шейхцер нашел величественный след саламандр еще в миоценовых отложениях? Нет ни малейшего сомнения в том, что первичный *Andrias Scheuchzeri* родился на германской территории за много геологических эр до нашего времени; и если он рассеялся впоследствии по другим морям и климатическим зонам, то

¹⁰⁶ Северная саламандра (нем.).

¹⁰⁷ Благородная саламандра (нем.).

¹⁰⁸ *Andrias Scheuchzeri* – благородная прямоходящая разновидность Тюринга (лат.).

заплатил за это вырождением и задержкой в своем развитии; но как только он вернулся на свою прародину, он снова становится тем, чем был когда-то: благородной северной шейхцеровской саламандрой – светлой, прямоходящей и с продолговатым черепом. Следовательно, только на немецкой почве могут саламандры вернуться к своему чистому наивысшему типу – тому, который был обнаружен великим Иоганном Якобом Шейхцером на отпечатке в Энингенских каменоломнях. Германии необходимы поэтому новые обширные берега, необходимы колонии, необходимы открытые моря, чтобы повсюду в немецких водах могли размножаться новые поколения расово-чистых, первичных немецких саламандр. «Нам нужны новые жизненные пространства для наших саламандр» – писали германские газеты. А для того чтобы германский народ никогда не забывал эту необходимость, в Берлине был воздвигнут роскошный памятник Иоганну Якобу Шейхцеру. Великий ученый был изображен с толстым фолиантом в руке; у его ног сидела, выпрямившись, благородная северная саламандра и устремляла взоры вдаль, к необъятному побережью мирового океана.

На открытии этого национального памятника были, конечно, произнесены торжественные речи, возбуждавшие необычайное внимание в мировой печати. *"Германия снова угрожает"*, – констатировалось, в частности, в английских откликах. – Правда, мы уже привыкли к этому тону, но если на официальном торжестве нам заявляют, что в течение ближайших трех лет Германии потребуется пять тысяч километров новых морских побережий, – то мы вынуждены ответить самым недвусмысленным образом: «Ну, что же! Попробуйте! О британские берега вы обломаете себе зубы. Мм готовы, а за три года подготовимся еще лучше. Англия должна и будет иметь флот, равный по количеству судов флотам двух сильнейших континентальных держав; такое соотношение сил должно оставаться неизменным раз и навсегда. А если вы хотите развернуть безумную гонку морских вооружений, пусть будет так; ни один британец не потерпит, чтобы мы отстали хотя бы на шаг».

«Мы принимаем германский вызов, – заявил в парламенте от имени правительства первый лорд адмиралтейства сэра Фрэнсис Дрейк. – Кто протянет руку к какому бы то ни было морю, тот натолкнется на броню наших судов. Великобритания достаточно сильна, чтобы отразить всякое нападение на свои острова и на берега своих доминионов и колоний. Мы будем считать агрессией сооружение новых континентов, островов, крепостей и авиационных баз в любом море, волны которого омывают хотя бы самый ничтожный кусок британского побережья. Пусть это послужит предостережением для всякого, кто захочет посягнуть хотя бы на один ярд наших морских берегов».

После этого выступления парламент разрешил постройку новых военных судов и одобрил предварительное ассигнование для этой цели пятисот миллионов фунтов стерлингов. Это был истинно внушительный ответ на воздвижение провокационного памятника Иоганну Якобу в Берлине; памятник обошелся, впрочем, всего в двенадцать тысяч германских марок.

Блестящий французский журналист маркиз де Сад¹⁰⁹, как правило всегда прекрасно осведомленный, следующим образом отвечал на все эти демонстративные акты: "Британский лорд адмиралтейства заявил, что Великобритания готова ко всем неожиданностям. Прекрасно! Но известна ли высокопоставленному лорду, что в лице своих балтийских саламандр Германия имеет постоянную, грозно вооруженную армию, насчитывающую сейчас пять миллионов профессиональных боевых саламандр, которую она может немедленно ввести в бой в воде или на суше? Прибавьте к этому еще каких-нибудь семнадцать миллионов саламандр, предназначенных для технической и тыловой службы и готовых в любой момент выступить в роли резервной или оккупационной армии. Сейчас балтийская саламандра – лучший солдат на свете; психологически она обработана в совершенстве и видит в войне свое подлинное а высшее призвание; она двинется в бой с воодушевлением фанатика; холодной сообразительностью техника и убийственной дисциплиной Истинно прусской саламандры. Известно ли также британскому лорду адмиралтейства,

¹⁰⁹ ...французский журналист маркиз де Сад... – Чапек избирает для своего персонажа имя Донасьена-Альфонсо-Франсуа, графа де Сад (литературное имя-маркиз де Сад) (1740 – 1814) – французского порнографического писателя, известного своей жестокостью и развратом.

что Германия лихорадочно строит транспортные суда, каждое из которых сможет перевозить за один раз целую бригаду военных саламандр? Известно ли ему, что Германия строит сотни небольших подводных лодок с радиусом действия от трех до пяти тысяч километров, экипаж которых будет состоять исключительно из балтийских саламандр? Известно ли ему, что Германия сооружает в разных частях океана гигантские подводные резервуары для горючего? И мы еще раз спрашиваем: уверен ли британский гражданин, что его великая страна *действительно* хорошо подготовлена на случай каких-либо неожиданностей?

Нетрудно себе представить, какую роль в ближайшей войне будут играть саламандры, вооруженные подводными «бертами», минометами и торпедами для блокады побережий; клянусь честью, впервые в мировой истории никто не сможет позавидовать превосходному островному положению Англии. Но раз уж мы начали задавать вопросы, осведомимся еще: известно ли британскому адмиралтейству, что балтийские саламандры снабжены в общем-то мирным инструментом под названием пневматическое сверло? Это сверло, представляющее собой последнее слово техники, в течение часа вгрызается на глубину десяти метров в крепчайший шведский гранит и на глубину от пятидесяти до шестидесяти метров в английский меловые породы. (Это доказали опытные буровые работы, тайно производившиеся по ночам немецкой технической разведкой 11-го, 12-го и 13-го числа прошлого месяца на английском побережье между Гайтом и Фолкстоном, то есть под самым носом Дуврской крепости.) Предоставляем нашим друзьям по ту сторону Ламанша самим подсчитать, сколько недель потребуются на то, чтобы Кент или, Эссекс были просверлены под водой, как кусок сыра. До сих пор британский островитянин с беспокойством поглядывал на небо, считая, что только оттуда может, идти опасность, грозящая его прекрасным городам, его Английскому банку и его мирным коттеджам, таким уютным в рамке из вечнозеленого плюща. Теперь пусть он лучше приложат ухо к земле, на которой, играют его дети: не услышит ли он, как скрипит, шаг за шагом въедаясь все глубже, неутомимый страшный бурав саламандрового сверла, прокладывающий путь для невиданных доселе взрывчатых веществ? Последнее слово нашего века – это уже не война в воздухе, а война под водой и под землей Мы слышали самоуверенные слова, прозвучавшие, с капитанского мостика надменного Альбиона; да, пока еще это мощный корабль, который вздымается, на волнах и властвует над ними; но в один прекрасный момент волны могут сомкнуться над разбитым и тонущим судном. Не лучше ли заблаговременно отразить опасность? Через три года будет слишком поздно!"

Это предостережение знаменитого французского журналиста вызвало в Англии необычайную тревогу; несмотря на все официальные, опровержения, люди слышали скрип садамандровых сверл в разных концах Англии. Конечно, немецкие официальные круги резко и категорически отрицали угрозы, содержащиеся в процитированной нами статье, объявляя ее от начала до конца злонамеренным вымыслом и враждебной пропагандой; одновременно в Балтийском, море, происходили, однако, большие комбинированные маневры германского флота, сухопутных вооруженных сил и военных саламандр. Во время этих маневров минные, роты саламандр на глазах у иностранных военных атташе, взорвали участок просверленных снизу песчаных дюн в районе рюгенвальде площадью в шесть квадратных километров. Это было великолепное зрелище: с грозным гулом, вздыбилась земля, «словно ломающаяся льдина» и только потом поднялась вверх гигантской тучей дыма, песка и камней; сделалось темно, почти как ночью; поднятый взрывом песок сыпался на землю в радиусе почти ста километров, а через несколько дней обрушился песчаным дождем на Варшаву. В земной атмосфере после этого великолепного взрыва осталось так много свободно парящего мелкого песка и пыли, что во всей Европе до конца года закаты солнца были необычайно красивыми; таких огненных, кроваво-красных закатов в этих широтах никогда до сих пор не наблюдали.

Море, залившее взорванный участок побережья, получило потом название «Шейхцерова моря» и сделалось местом бесчисленных школьных экскурсий и походов немецких детей, распеваящих популярный саламандровый гимн ¹¹⁰:

¹¹⁰ Таких успехов достигают лишь немецкие саламандры (нем.).

**Solche Erfolge erreichen
nur deutsche Molche.¹**

5. Вольф Мейнерт пишет свой труд

Должно быть, именно эти трагически прекрасные солнечные закаты, о которых мы только что говорили, вдохновили кенигсбергского философа-отшельника Вольфа Мейнерта на создание монументального труда «Untergang der Menschheit»¹¹¹. Мы можем живо представить себе, как он бродит по берегу моря с непокрытой головой, в развевающемся плаще, и смотрит восторженными глазами на потоки огня и крови, заливающие больше половины небосвода. «Да, – шепчет он в экстазе, – да, пришла пора писать послесловие к истории человека!» И он написал его.

Сейчас доигрывается трагедия человеческого рода, так начал Вольф Мейнерт. Пусть нас не обманывает его лихорадочная предприимчивость и техническое благополучие; это лишь чахоточный румянец на лице существа, уже отмеченного печатью смерти. Еще никогда человечество не переживало столь высокой жизненной конъюнктуры, как сейчас; но найдите мне хоть одного человека, который был бы счастлив; покажите мне класс, который был бы доволен, или нацию, которая не ощущала бы угрозы своему существованию. Среди всех даров цивилизации, среди кривовского изобилия духовных и материальных богатств нас все больше и больше охватывает неотвязное чувство неуверенности, гнетущей тяжести и смутного беспокойства. И Вольф Мейнерт беспощадно анализировал душевное состояние современного мира, эту смесь страха и ненависти, недоверия и мании величия, цинизма и малодушия. Одним словом – отчаяние, кратко резюмировал Вольф Мейнерт. Типичные признаки конца. Моральная агония.

Встает вопрос: способен ли человек быть счастливым, и был ли он когда-либо способен на это? Человек – несомненно, как каждое живое существо; но человечество – никогда. Все несчастье человека в том, что ему предопределено было стать человечеством; или в том, что он стал человечеством слишком поздно, когда он уже непоправимо дифференцировался на нации, расы, веры, сословия и классы, на богатых и бедных, на культурных и некультурных, на поработителей и поработенных. Сгоните в одно стадо лошадей, волков, овец и кошек, лисиц, медведей и коз; заприте их в одном загоне, заставьте их жить в этом неестественном соединении, которое вы назовете Обществом, и исполнять общие для всех правила жизни; это будет несчастное, недовольное, разобщенное, стадо, в котором ни одна божья тварь не будет себя чувствовать на месте. Вот вам вполне точный образ огромного и безнадежно разнородного стада, называемого человечеством. Нации, сословия, классы не могут долго сосуществовать, не задевая друг друга и не тяготясь друг другом до полного отвращения; они могут жить или в вечной изоляции друг от друга, – что было возможно лишь до тех пор, пока мир был для них достаточно велик, – или в борьбе друг с другом, в борьбе не на жизнь, а на смерть. Для биологических человеческих групп, таких, как раса, нация или класс, существует единственный естественный путь к блаженному состоянию ничем не нарушаемой однородности: надо расчистить место для себя, истребив всех других. А это и есть то, чего не успел сделать вовремя людской род. Теперь уже поздно братьей за это. Мы обзавелись слишком многими доктринами и обязательствами, которыми оберегаем «других», вместо того чтобы от них избавиться; мы выдумали кодекс нравственности, права человека, договоры, законы, равенство, гуманность и прочее; мы создали некую фикцию человечества, понятие, объединяющее я нас и «других» в воображаемом «высшем единстве». Какая роковая ошибка! Нравственный закон мы поставили выше биологического. Мы нарушили величайшую естественную предпосылку всякой общности: только однородное общество может быть счастливым. И это вполне достижимое благо мы принесли в жертву великой, но неосуществимой мечте: создать *единое* человечество и установить *единый* строй для людей всех наций, классов и уровней жизни. То была великодушная глупость. То была единственная в своем роде достойная уважения попытка человека подняться над

¹¹¹ «Закат человечества» (нем.).

самим собой. И за этот свой предельный идеализм род людской расплачивается ныне неизбежным распадом.

Процесс, в ходе которого человек пытается как-то организовать себя в человечество, столь же древен, как сама цивилизация, как первые, законы и первые общины; и если человечество в итоге, после долгих тысячелетий, добилось лишь того, что пропасти между расами, нациями, классами и мировоззрениями стали такими глубокими, бездонными, как сейчас, то уже не стоит закрывать глаза на тот факт, что злополучная историческая попытка сплотить всех людей в некое человечество потерпела окончательное и трагическое крушение. В конце донцов мы уже начинаем осознавать что отсюда эти попытки и замыслы организовать человеческое общество иначе, с помощью радикального освобождения места для *одной* нации, *одного* класса или *одной* религии. Но кто может сказать, насколько глубоко проникли в нас микробы неизлечимой болезни дифференцирования? Рано или поздно любое мнимо-однородное целое неизбежно расколется вновь, превратившись в скопление разноречивых интересов, партий, сословий и так далее, которые или снова начнут подавлять друг друга, или будут страдать от своего сосуществования. Нет никакого выхода. Мы движемся по заколдованному кругу; но развитие не может вечно кружиться на одном месте. Об этом позаботилась сама природа, освободив на свете место для саламандр.

Не случайно, философствовал далее Вольф Мейнерт, саламандры начали осуществлять свои жизненные возможности только тогда, когда хроническая болезнь человечества, этого плохо сросшегося, все время распадающегося гигантского организма, переходит в агонию. Если не считать некоторых незначительных отклонений, саламандры представляют собой единое грандиозное и однородное целое; они не создали до сих пор резких делений на племена, языки, нации, государства, религии, классы или касты; среди них нет господ и рабов, свободных и несвободных, богатых и бедных; правда, между ними существуют различия, определяемые разделением труда, но по существу это однородная. Монолитная масса, состоящая, так сказать, из одинаковых зерен, – масса, во всех своих частях одинаково биологически примитивная, одинаково бедно наделенная дарами природы, одинаково угнетенная, с одинаково низким жизненным уровнем. Последний негр или эскимос живет в несравненно более высоких условиях, пользуясь бесконечно большим богатством материальных и культурных ценностей, чем миллиарды цивилизованных саламандр. И тем не менее нет никаких признаков, которые говорили бы, что саламандры страдают от этого. Наоборот. Мы видим, что они совершенно не нуждаются ни в одной из тех вещей, в которых человек ищет успокоения и облегчения от метафизического ужаса и страха перед жизнью; они обходятся без философии, без веры в загробную жизнь и без искусства; они не знают, что такое фантазия, юмор, мистическое чувство, мечта, игра; они насквозь проникнуты реализмом. Нам, людям, они столь же чужды, как муравьи или сельди; они отличаются от этих существ только тем, что приспособились к другой жизненной среде, а именно – к человеческой цивилизации. Они устроились в этой среде так, как устраиваются собаки в человеческих жилищах; они не могут прожить без нее, но от этого они не перестают быть тем, чем они являются: весьма примитивным и мало дифференцированным семейством животных. Они довольствуются тем, что живут и размножаются; они могут даже быть вполне счастливы, так как их не тревожит ощущение какого-либо неравенства. Они совершенно однородны. Они могут поэтому в один прекрасный день или, лучше сказать, в *любой* ближайший день без всякого труда осуществить то, что оказалось не под силу человечеству: единство своего вида во всем мире, свою всемирную общину, – словом, всеобъемлющий мир саламандр. В этот день окончится тысячелетняя агония человеческого рода. На нашей планете не хватит места для двух сил, каждая из которых стремится овладеть всем миром. Одна из них должна будет уступить. Какая именно – это мы уже знаем.

Сейчас на земном шаре насчитывается около двадцати миллиардов цивилизованных саламандр, то есть приблизительно в десять раз больше, чем людей. Отсюда с биологической необходимостью и в согласии с логикой истории вытекает, что саламандры, будучи угнетенными, должны будут освободиться; будучи однородными, они должны будут объединиться; превратившись, таким образом, в величайшую силу, которую когда-либо видел мир, они неминуемо *должны* будут захватить мировое господство. Думаете, они настолько безумны, чтобы пощадить тогда человека? Думаете, они повторят историческую ошибку человека, который испокон веков ошибался, пора-

бошая побежденные нации и классы, вместо того чтобы их истреблять? Который из эгоизма вечно создавал новые различия между людьми, а потом из идеализма и великодушия пытался перекинуть через них мост? Нет, восклицал Вольф Мейнерт, *подобной* исторической бессмыслицы саламандры не допустят – хотя бы уже потому, что они извлекут предостережение из моей книги! Они станут наследниками всей человеческой цивилизации; в их руки попадет все, что мы делали или пытались сделать, желая покорить мир; но они действовали бы против самих себя, если бы захотели вместе с этим наследством принять и нас. Они должны избавиться от людей, если хотят сохранить свою однородность. Если бы они поступили иначе, то рано или поздно мы заразили бы их своей разрушительной двойственностью: создавать различия и страдать от них. Но на этот счет мы можем быть спокойны; ни одно создание, которое продолжит историю человека, не станет повторять его самоубийственных безумств.

Нет сомнений, что мир саламандр будет счастливее, чем был мир людей; это будет единый, гомогенный мир, подвластный единому духу. Саламандры не будут отличаться друг от друга языком, мировоззрением, религией или потребностями. Не будет между ними неравенства в культурном уровне, не будет классовых противоречий – останется лишь разделение труда. У них не будет ни господ, ни рабов, ибо все они станут служить лишь Великому Коллективу Саламандр – вот их бог, владыка, работодатель и духовный вождь. Будет лишь одна нация с единым уровнем. И мир этот будет лучше и совершеннее, чем был наш. Это – единственно возможный Счастливый Новый Мир. Что ж, уступим ему место; угасающее человечество уже не может совершить ничего иного – только ускорить свой конец, озарив его трагической красотой, пока и это еще не поздно...

Мы изложили здесь взгляды Вольфа Мейнерта как можно более популярно; мы знаем, что от этого много потеряла их сила и глубина, которые в свое время загипнотизировали всю Европу и особенно молодежь, восторженно принявшую веру в упадок и надвигающийся конец человеческого рода. Правда, некоторые политические аналогии побудили германское правительство запретить учение «великого пессимиста», и Вольфу Мейнерту пришлось скрыться в Швейцарию. Тем не менее весь культурный мир с удовлетворением принял теорию Мейнерта о гибели человечества; его книга (в 632 страницы) была переведена на все языки и во многих миллионах экземпляров получила распространение даже среди саламандр.

6. Икс предостерегает

Очевидно, под влиянием пророческой книги Мейнерта литературный и художественный авангард в культурных центрах провозгласил лозунг; «После нас хоть саламандры!» Будущее принадлежит саламандрам. Саламандры – это культурный переворот. Пусть у них нет своего искусства – зато они не обременены грузом идиотских идеалов, иссохших традиций и того обветшалого, нудного школярского хлама, который назывался поэзией, музыкой, архитектурой, философией или культурой вообще; все это дряхлые слова, от которых нас тошнит. Саламандры еще не поддались искушению пережевывать жвачку изжившего себя человеческого искусства – тем лучше: мы создадим для них новое. Мы, молодые, расчищаем путь для будущего всемирного саламандризма; мы хотим быть первыми саламандрами, мы – саламандры завтрашнего дня!

Так родилась в поэзии молодое направление «саламандрианцев», возникла тритоническая (трехтональная) музыка и пелагическая живопись, которая вдохновлялась образами медуз, морских звезд и кораллов. Работы саламандр по упорядочению побережий были объявлены источником новой красоты и монументальности. Мы сыты природой по горло, раздавались голоса; пусть гладкие бетонные берега придут на место старых живописных скал! Романтика умерла. Будущие континенты будут очерчены прямыми линиями и примут формы сферических треугольников и ромбов; старый геологический мир должен уступить место миру геометрическому. Словом – это было опять-таки нечто новое и футуристическое, новая сенсация духовной жизни и манифеста новой культуры. Те же, кто не успел своевременно вступить на путь грядущего саламандризма, с горечью чувствовали, что остались за флагом, и мстили за это, проповедуя чистую «человечность», возврат к человеку и к природе и прочие реакционные формулы. В Вене был освистан концерт

тритонической музыки, в парижском Салоне Независимых неизвестный злоумышленник изрезал пелагическую картину, выставленную под названием *Sargiccio en bleu*¹¹². Одним словом, саламандризм победоносно и неудержимо шествовал вперед.

Не было, однако, недостатка и в ретроградных выступлениях, направленных против «саламандромании», как ее тогда называли. Самым принципиальным из них был анонимный английский памфлет, вышедший в свет под заглавием «ИКС предостерегает». Эта брошюра получила значительное распространение, но личность ее автора никогда не была раскрыта; многие считали, что ее написал кто-то из князей церкви, так как в английском языке буква икс ("X") служит сокращенным обозначением имени Христа.

В первой главе памфлета автор пробовал дать статистику саламандр, прося простить его за неточность приводимых цифр. Даже по приблизительному подсчету, говорил он, саламандр в настоящее время в семь-двадцать раз больше общего числа людей на земном шаре. Столь же неопределенны и наши сведения о том, сколько есть под водой у саламандр фабрик, нефтяных скважин, водорослевых плантаций, ферм для разведения угрей, установок для использования водной энергии и других естественных энергетических ресурсов; у нас нет даже приблизительных данных о производственной мощности промышленных предприятий саламандр; но меньше всего нам известно, как обстоит дело с вооружениями саламандр. Мы знаем, правда, что в получении металлов, деталей машин, взрывчатых веществ и многих химикалий саламандры зависят от людей; но, во-первых, все государства держат в строгом секрете, какое именно оружие и сколько других фабрикатов они поставляют своим саламандрам, а во-вторых, мы поразительно плохо осведомлены о том, что именно изготавливают саламандры в морских глубинах из полуфабрикатов и сырья, покупаемого у людей. Несомненно одно: саламандры отнюдь не желают, чтобы мы знали об этом; – в последние годы утонуло или задохнулось так много водолазов, спускавшихся на морское дно, что их гибель никак нельзя приписывать простой случайности. Это, безусловно, признак тревожный как с промышленной, так и с военной точек зрения.

Конечно, продолжал Икс в следующих главах, трудно представить себе, что именно саламандры могли бы или хотели потребовать от людей. Они не могут жить на суше, а мы совершенно не в состоянии помешать их образу жизни под водой. Их жизненная среда и наша четко и навеки отделены одна от другой. Правда, мы требуем, чтобы они выполняли определенные работы; но за это мы кормим большинство из них и поставляем им сырье и товары, которые без нас они вообще не могли бы получить, например – металлы. Но если даже нет практических поводов к какому-либо антагонизму между нами и саламандрами, то, я сказал бы, существует метафизическое противопоставление; глубинным созданиям противостоят создания поверхности, ночным существам – дневные, темная пучина вод – сухой и светлой земле. Граница между землей и водой очерчена более резко, чем до сих пор; *наша* земля соприкасается с *их* водой. Мы могли бы прекрасно жить все время в стороне друг от друга, обмениваясь лишь определенными, продуктами и услугами; но трудно избавиться от гнетущего ощущения, что это едва ли удастся. Почему? Я не могу привести никаких определенных доводов; но это ощущение не исчезает; это как бы предчувствие, что в один прекрасный день сами воды поднимутся против земли, чтобы разрешить вопрос – кто кого. Признаюсь, страх мой несколько иррационален, пишет далее Икс; но я почувствовал бы огромное облегчение, если бы саламандры выступили с какими-нибудь претензиями к людям – тогда с ними можно было бы по крайней мере договариваться, заключать разные концессии, соглашения и компромиссы, но их молчание – страшно. Я боюсь их непонятной сдержанности. Они могли бы, например, потребовать для себя определенных политических прав; откровенно говоря, законы для саламандр во всех странах немного устарели и стали недостойными столь цивилизованных и количественно столь сильных существ. Следовало бы разработать новые права и обязанности саламандр в смысле более выгодных для них условий; можно было бы подумать о какой-то степени автономности для саламандр; справедливо было бы улучшить их рабочие условия и вознаграждать их труд щедрее. Итак, во многих отношениях можно было бы облегчить их участь, *если бы только они это требовали*. Тогда мы могли бы пойти на некоторые уступки в их пользу, связав их ком-

¹¹² Голубой каприз (итал. и франц.).

пенсационными договорами; по меньшей мере мы выиграли бы несколько лет. Но саламандры не требуют ничего; они только повышают производительность своего труда и увеличивают заказы, настала пора спросить себя наконец, на чем остановится то – и другое.

Когда-то говорили о желтой, черной или красной опасности; но все это были люди, а мы более или менее можем себе представить, чего хотят люди. И все же, хотя мы пока и понятия не имеем, как и против чего придется человечеству обороняться, одно должно быть ясно, если на одной стороне будут саламандры, то на другой встанет *все* человечество.

Люди против саламандр! Пора уж наконец формулировать это положение. Ведь, положив руку на сердце, нормальный человек инстинктивно ненавидит саламандр, питает к ним отвращение и... боится их. Какая-то леденящая тень ужаса пала на все человечество. Как иначе объяснить эту безумную похоть, эту неутолимую жажду утех и наслаждений, эту оргию разврата, которая охватила теперешних людей? Такого падения нравов мы не знали с тех времен, когда на Римскую империю готовились обрушиться лавины варваров. Это уже не только плоды небывалого материального благоденствия, но и отчаянные усилия заглушить страшное чувство разложения и гибели. Еще последнюю чашу, пока не настал конец! Какое безумие, какой позор! Будто сам бог по грозному своему милосердию ниспослал старческую дряблость нациям и классам, которые стремительно несутся в бездну. Хотите прочесть роковые слова «мене – текел – фарес»¹¹³, начертанные огненными знаками над пирующим человечеством? Поглядите на световые надписи, всю ночь горящие над входами в притоны кутежа и распутства. В этом отношении мы, люди, уже приближаемся к саламандрам: мы живем больше ночью, чем днем.

Если бы саламандры не были по крайней мере так чудовищно посредственны! – с тоской восклицал Икс. Да, они более или менее образованны; но это делает их тем более ограниченными, ибо они взяли от человеческой цивилизации только то, что есть в ней стандартного и утилитарного, механического и прикладного. Они стоят около человечества, как Вагнер около Фауста, но разница в том, что они удовлетворяются этим и их не гложут никакие сомнения. Страшнее всего, что этот восприимчивый, глуповатый и самодовольный тип цивилизованной посредственности размножился в миллионах и миллиардах одинаковых единиц. Впрочем, нет, я ошибся: страшнее всего, что они достигли таких успехов. Они научились пользоваться машинами и арифметикой, и оказалось – этого достаточно, чтобы они сделали властителями своего мира. Они выбросили из человеческой цивилизации все, что было лишено непосредственной полезности, всякую игру, фантазию, заветы старины; тем самым они лишили ее всего, что было в ней человеческого, и усвоили только ее оголение – практическую, утилитарную, техническую сторону. И эта жалкая карикатура на человеческую цивилизацию изумительно процветает; она создает технические чудеса, перекраивает нашу старую планету и в конце концов начинает гипнотизировать само человечество. Фауст будет учиться тайнам преуспевающей посредственности у своего ученика и слуги! Одно из двух: или человечество столкнется с саламандрами в борьбе не на жизнь, а на смерть, или же оно бесповоротно осаламандрится. Что касается меня, меланхолически заканчивает Икс, то я предпочел бы первое.

И вот Икс предупреждает вас, продолжал анонимный автор. Еще можно стряхнуть это холодное и скользкое кольцо, которое обвивается вокруг нас. Мы должны избавиться от саламандр. Их стало слишком много. Они вооружены и могут пустить в ход против нас военный материал, о мощи которого мы почти ничего не знаем. Но страшнее всего для нас, людей, не их численность и сила, а их торжествующая над всем неполноценность. Я не знаю, чего нам надо бояться больше: их человеческой цивилизованности или же их коварной, холодной, звериной жестокости. Но когда одно соединяется с другим, то получается нечто невообразимо кошмарное, почти дьявольское. Во имя культуры, во имя христианства и человечества мы должны освободиться от саламандр. И анонимный апостол взывал:

¹¹³ ...роковые слова «мене – текел – фарес»... – по библейскому преданию, таинственная огненная надпись, появившаяся на стене во время пира царя Валтасара и предвестившая гибель Вавилонского царства.

Безумцы, перестаньте наконец кормить саламандр!

Перестаньте давать им работу, откажитесь от их услуг, порвите с ними, пусть они переселяются куда хотят, где смогут кормиться сами, как и вся остальная водная фауна. Сама природа управится тогда с излишком саламандр; только бы люди, человеческая цивилизация и человеческая история перестали работать на саламандр!

И перестаньте поставлять саламандрам оружие!

Запретите снабжать их металлами и взрывчатыми веществами, не посылайте им наших машин и изделий! Вы ведь не станете поставлять зубы тиграм и яд змеям; не станете подогревать огнедышащий вулкан или разрушать плотины, чтоб открыть путь наводнениям! Пусть запрещение поставок распространится на все моря, пусть саламандры будут объявлены вне закона, пусть будут они прокляты и изгнаны из нашего мира.

Пусть будет создана Лига наций против саламандр!

Все человечество должно быть готово отстаивать свое существование с оружием в руках. Пусть по инициативе Лиги наций, короля шведского или папы римского будет созвана всемирная конференция всех цивилизованных государств, которая создаст Всемирный союз или по крайней мере Союз христианских наций против саламандр! Настал решающий момент, когда под давлением страшной саламандровой опасности и лежащей на людях ответственности, быть может, удастся сделать то, что не под силу было мировой войне, несмотря на все бесконечные жертвы: учреждение Соединенных Штатов Мира. Дай бог! Если бы *это* удалось, – значит, саламандры появились не напрасно, значит, они были орудием промысла божьего.

Этот патетический памфлет вызвал живейшие отголоски в самых широких кругах публики. Пожилые дамы соглашались главным образом с тем, что настало небывалое падение нравов. Наоборот, экономические обзоры газет справедливо указывали, что нельзя ограничивать поставки саламандрам, так как это привело бы к резкому сокращению производства и к тяжелому кризису во многих отраслях промышленности. Да и сельское хозяйство, писали они, рассчитывает на огромный сбыт кукурузы, картофеля и других продуктов, служащих кормом для саламандр; если бы численность саламандр уменьшилась, то на рынке продовольственных продуктов цены сильно упали бы и земледельцы оказались бы на краю разорения. Что касается «Лиги наций против саламандр», то все ответственные политические инстанции возражали, заявляя, что в ней нет надобности: во-первых, уже есть Лига наций, а во-вторых – Лондонская конвенция, согласно которой морские державы обязались не снабжать своих саламандр тяжелым вооружением. Не легко, впрочем, требовать такого ограничения вооружений от государства, которое не имеет уверенности в том, что какая-нибудь другая морская держава не вооружает тайно своих саламандр, повышая этим свой военный потенциал в ущерб соседям. Равным образом ни одно государство и ни один континент не могут принудить своих саламандр перебраться куда-нибудь в другое место – хотя бы уже потому, что таким путем они повисили бы, с одной стороны, сбыт промышленной и земледельческой продукции, а с другой – военную мощь других государств или континентов. И подобных возражений, с которыми вынужден был соглашаться всякий здравомыслящий человек, приводилось много.

Несмотря на это, памфлет «Икс предостерегает» произвел глубокое впечатление и не остался без последствий. Почти во всех странах начало расти движение против саламандр и создавались Союзы истребления саламандр, клубы «антисаламандрианцев», «комитеты защиты человечества» и много других организаций такого же рода. Женевские делегаты от саламандр подверглись оскорблениям, когда собирались на 1213-е заседание комиссии по изучению Саламандрового Во-

проса. На заборах вдоль морских побережий появлялись угрожающие надписи, вроде «Смерть саламандрам», «Долой саламандр» и т. п. Много саламандр было побито камнями; ни одна саламандра не осмеливалась больше высовывать днем голову из воды. Несмотря на все это, с их стороны не было никаких протестов или ответных действий. Они просто сделались невидимыми, по крайней мере днем, и люди, которые заглядывали через их заборы, видели только бесконечную даль равнодушно шумящего моря. «Ишь, сволочи, – с ненавистью говорили люди, – даже не показываются».

И вдруг среди этого гнетущего затишья прогремело так называемое

ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ В ЛУИЗИАНЕ

7. Землетрясение в Луизиане

11 ноября в час ночи жители Нью-Орлеана почувствовали сильный подземный толчок; в негритянских кварталах рухнуло несколько домишек; люди в панике бросились на улицу, но толчки больше не повторились. Бешеным порывом пронесся с воем шквал, разбивший окна и сорвавший крыши в негритянских переулках; несколько десятков человек было убито; потом на город обрушился ливень илистой грязи.

Пока нью-орлеанские пожарные спешили на помощь в наиболее пострадавшие районы, телеграф выстукивал призывы из Морган-Сити, Плэкмайна, Батон-Ружа и Лафайета: «SOS! Пришлите спасательные отряды! Мы наполовину сметены землетрясением и циклоном; плотины на Миссисипи грозят прорваться; немедленно шлите саперов, санитарные отряды и всех работоспособных мужчин». Из Форт-Ливингстон пришел только лаконичный запрос: «Алло, у вас там тоже сюрпризы?» Потом была получена телеграмма из Лафайета: «Внимание! Внимание! Больше всего пострадала Нью-Иберия. По-видимому, сообщение между Нью-Иберией и Морган-Сити прервано. Пошлите туда помощь!» Вскоре из Морган-Сити сообщили по телефону: «Связи с Нью-Иберией не имеем. Видимо, повреждены автомобильная дорога и железнодорожная линия. Пошлите пароходы и самолеты в бухту Вермильон! Нам самим не нужно больше ничего. У нас около тридцати убитых и ста раненых». Затем пришла телеграмма из Батон-Ружа: По нашим сведениям хуже всего в Нью-Иберии все внимание на Нью-Иберию к нам шлите только рабочих но поскорее иначе у нас обрушатся плотины делаем что можем.

Следующая телеграмма:

АЛЛО АЛЛО ШРИВПОРТ НЕИЧИТОКС АЛЕКСАНДРИЯ ПОСЛАЛИ СПАСАТЕЛЬНЫЕ ПОЕЗДА В НЬЮ– ИБЕРИЮ АЛЛО АЛЛО МЕМФИС ВИНОНА ДЖЕКСОН ОТПРАВИЛИ ПОЕЗДА К НЬЮ-ОРЛСАНУ ВЕСЬ АВТОТРАНСПОРТ МОБИЛИЗОВАН ПЕРЕБРАСЫВАЕТ ЛЮДЕЙ К ПЛОТИНАМ В БАТОН-РУЖЕ,

И еще:

АЛЛО ГОВОРIT ПАСКАГУЛА У НАС НЕСКОЛЬКО УБИТЫХ НУЖНА ЛИ ВАМ ПОМОЩЬ

Тем временем пожарные команды, санитарные машины и спасательные поезда уже мчались по направлению Морган-Сити – Паттерсон – Франклин. В пятом часу утра было получено первое более или менее точное сообщение: «Железнодорожный путь между Франклином и Нью-Иберией поврежден наводнением в семи километрах к западу от Франклина; по-видимому, в результате землетрясения там образовалась глубокая трещина, начинающаяся от бухты Вермильон, и в нее хлынуло море. Насколько можно сейчас установить, эта трещина идет от бухты Вермильон на восток – северо-восток, поворачивает близ Франклина на север, врывается в Большое озеро и затем тянется дальше к северу до линии Плэкмайн-Лафайет, где она заканчивается в старой озерной впадине; ответвление этой трещины связывает Большое озеро с находящимся к западу от него Наполеонвильским озером. Общая протяженность трещины около восьмидесяти километров, ширина – от двух до одиннадцати километров. Вероятно, здесь был эпицентр землетрясения. Можно считать величайшим счастьем, что трещина миновала все более или менее крупные населенные

пункты. Тем не менее число человеческих жертв довольно значительно. В Франклине выпало илистых осадков на шестьдесят, в Паттерсоне – на сорок пять сантиметров. Жители побережья бухты Ачафалайя сообщают, что во время землетрясения море отступило приблизительно на три километра, а потом ринулось на берег валом в тридцать метров высоты. Опасаются, что на побережье погибло много людей. С Нью-Иберией все еще нет связи».

Первым поспел к Нью-Иберии поезд, отправленный с запада, из Нейчитокса; сообщение, посланное окольным путем через Лафайет и Батон-Руж, было страшно. Не доезжая нескольких километров до Нью-Иберии, поезд вынужден был остановиться: полотно дороги занесло илом. Беженцы рассказывали, что в двух километрах на восток от города начал действовать «грязевой вулкан», который в одно мгновение выбросил огромную массу жидкого холодного ила; по их словам, Нью-Иберия погребена под илом. Дальнейшее продвижение поезда в темноте и под непрекращающимся дождем крайне затруднительно. Связи с Нью-Иберией все еще нет.

Одновременно было получено сообщение из Батон-Ружа:

НА ПЛОТИНАХ МИССИСИПИ УЖЕ РАБОТАЮТ НЕСКОЛЬКО ТЫСЯЧ ЧЕЛОВЕК ТЧК ХОТЬ БЫ ПРЕКРАТИЛСЯ ДОЖДЬ ТЧК НУЖНЫ КИРКИ ЛОПАТЫ ГРУЗОВИКИ ЛЮДИ ТЧК ПОСЫЛАЕМ ПОМОЩЬ В ПЛЭКМАЙН ТЧК ЭТИ ГУБОШЛЕПЫ НЕ МОГУТ СПРАВИТЬСЯ САМИ

Телеграмма из Форт-Джексон:

ПОЛОВИНЕ ВТОРОГО УТРА МОРСКОЙ ВОЛНОЙ СНЕСЕНО ТРИДЦАТЬ ДОМОВ ЧТО ЭТО БЫЛО НЕ ЗНАЕМ СМЫСЛО ОКОЛО СЕМИДЕСЯТИ ЧЕЛОВЕК ТОЛЬКО СЕЙЧАС ИСПРАВИЛ АППАРАТ ПОЧТОВУЮ КОНТОРУ ТОЖЕ УНЕСЛО АЛЛО ТЕЛЕГРАФИРУЙТЕ СКОРЕЙ ЧТО ЭТО БЫЛО ТЕЛЕГРАФИСТ ФРЕД ДАЛЬТОН АЛЛО ПЕРЕДАЙТЕ МИННИ ЛАКОСТ ЧТО СО МНОЙ НИЧЕГО НЕ СЛУЧИЛОСЬ ТОЛЬКО СЛОМАНА РУКА И УНЕСЛО ВОДОЙ ВЕЩИ НО ГЛАВНОЕ АППАРАТ ОПЯТЬ РАБОТАЕТ О КЭЙ ФРЕД

Самое короткое сообщение пришло из Порт-Идса:

ЕСТЬ УБИТЫЕ БЭРИВУД ЦЕЛИКОМ СНЕСЕН МОРЕ

В это время, утром – шел уже восьмой час – возвратились первые самолеты, посланные в пострадавшие районы. Летчики рассказали: все побережье от Порт-Артура (штат Техас) до Мобиле (штат Алабама) было ночью залито гигантской волной; везде видны разрушенные или поврежденные дома. Юго-восточная часть Луизианы, начиная от дороги Озеро Чарльза – Александрия – Нейчиз, и южная часть Миссисипи (до линии Джексон – Хэттисбург – Паскагула) занесены илом. В бухте Вермильон в сушу врезался новый залив шириной от трех до десяти километров, доходящий вплоть до Плэкмайна в виде длинного фьорда. Нью-Иберия, вероятно, сильно пострадала, но видно много людей, отгребаящих ил, под которым похоронены дома и дороги. Приземлиться оказалось невозможно. Особенно много человеческих жертв, очевидно, на побережье. У Пойнт-оф-Эра тонет пароход, кажется мексиканский. У островов Шанделур море покрыто обломками. Дождь прекращается во всем районе. Видимость хорошая.

Первый экстренный выпуск нью-орлеанских газет вышел уже в пятом часу утра; с наступлением дня появлялись новые выпуски с новыми подробностями, к восьми часам утра в газетах появились фотографические снимки пострадавших районов и карта нового залива. В половине девятого было напечатано интервью выдающегося сейсмолога из мемфисского университета – д-ра Уилбура Р. Броунелла о причинах землетрясения в Луизиане.

Пока еще рано делать окончательные выводы, заявил знаменитый ученый, но, по-видимому, землетрясение не стоит ни в какой связи со все еще интенсивной вулканической деятельностью в Центральной Мексике, лежащей как раз против пострадавшего района. Сегодняшнее землетрясение вызвано скорее тектоническими иританами, то есть давлением горных масс, с одной стороны Скалистых гор я Сьерра-Мадре, а с другой – Аппалачского нагорья, на обширную впадину Мексиканского залива, продолжением которой является широкая низина в нижнем течении Миссисипи. Трещина, начинающаяся в бухте Вермильон, не больше чем новый и сравнительно ничтожный излом, мелкий эпизод того геологического оседания, в результате которого образовались Мексиканский залив и Караибское море с кольцом Больших и Малых Антильских островов, этим остатком некогда существовавшей здесь горной цепи. Не подлежит сомнению, что оседание земной по-

верхности в Центральной Америке будет продолжаться, сопровождаемое новыми колебаниями почвы, изломами и трещинами. Не исключено, что Вермильонская трещина – только увертюра активного тектонического процесса, центр которого лежит в Мексиканском заливе. В этом случае мы можем оказаться свидетелями грандиозных геологических катастроф, в результате которых почти пятая часть территории Соединенных Штатов сделается морским дном. Зато, если бы это случилось, мы могли бы с известной вероятностью ожидать, что начнет подниматься дно моря вблизи Антильских островов или еще восточнее – в тех местах, где древний миф предполагал затонувшую Атлантиду.

Вместе с тем, продолжал успокоительным тоном блестящий ученый, нет оснований серьезно опасаться проявлений вулканической активности в пострадавшем районе; мнимые кратеры, извергающие ил, – не что иное, как взрывы болотных газов, начавшиеся в Вермильонской трещине. Не было бы ничего удивительного, если бы в наносах Миссисипи образовались огромные подземные газовые пузыри, которые при соприкосновении с воздухом могли дать взрыв и поднять вверх сотни тысяч тонн ила и воды. Впрочем, повторил д-р У. Р. Броунелл, для окончательного объяснения катастрофы потребуются дальнейшие исследования.

Пока броунелловские рассуждения о геологических катастрофах сбегали с ротационных машин, губернатор штата Луизиана получил из Форт-Джексона телеграмму следующего содержания:

Сожалею человеческих жертвах тчк мы старались обойти ваши города однако не учли отдачи и контрудара морской воды при взрыве тчк мы насчитали триста сорок шесть человеческих жертв на всем побережье тчк выражаем соболезнование тчк верховный саламандр тчк алло алло у аппарата Фред Дальтон почтовая контора Форт Джексон только что отсюда ушли три саламандры они явились на почту десять минут тому назад подали телеграмму направили на меня револьвер но уже ушли отвратительные твари заплатили и побежали к воде их преследовала только собака аптекаря кто им дал право ходить по городу больше ничего нового передайте Минни Лажост что я целую ее телеграфист Фред Дальтон

Губернатор штата Луизиана долго качал головой над этой телеграммой. Должно быть, отчаянный шутник этот Фред Дальтон, решил он в конце концов, лучше не передавать эту телеграмму газетам.

8. Верховный саламандр предъявляет требования

Через три дня после землетрясения в Луизиане разнеслись вести о новой геологической катастрофе – на этот раз в Китае. Сопровождаемый мощным раскатистым гулом, подземный удар разорвал надвое морское побережье в провинции Цзянсу к северу от Нанкина, почти посредине между устьем Янцзы и старым руслом Хуанхэ, в образовавшуюся трещину хлынуло море и слилось с большими озерами Баньюном и Хунцзу между городами Хуанганом и Фучжаном. Есть сведения, что в результате этого землетрясения Янцзы покидает под Нанкином свое прежнее русло и направляет свое течение к озеру Тай, а оттуда к Ханьчжоу. Число человеческих жертв нельзя пока установить даже приблизительно. Сотни тысяч человек спасаются бегством в северные и южные провинции. Японские военные суда получили приказ направиться к пострадавшему побережью.

Хотя землетрясение в Цзянсу по своим размерам далеко превосходило луизианское бедствие, на него, в общем, обратили мало внимания, так как мир уже привык к катастрофам в Китае, тем более что там, как видно, не ставят ни во что какой-нибудь миллион человеческих жизней; к тому же с научной точки зрения было ясно, что речь идет о простом тектоническом землетрясении, связанном с существованием углубления на дне океана у островов Рюкю и у Филиппин.

Но еще через три дня европейские сейсмографы отметили новые колебания почвы, эпицентр которых находился где-то у островов Зеленого мыса. Более подробные сообщения гласили, что от сильного землетрясения пострадало побережье Сенегамбии к югу от Сен-Луи. Между городами Лампул и Мборо образовалась глубокая трещина, в которую хлынуло море: она тянется по направлению к Мерианагену вплоть до Вади Димар.

По словам очевидцев, из земли со страшным грохотом вырвался столб огня и пара, разметав на далекое расстояние песок и камни; затем стал слышен рев моря, хлынувшего в образовавшуюся

впадину. Человеческих жертв немного.

Это третье по счету землетрясение вызвало уже нечто вроде паники.

БЫТЬ МОЖЕТ, ОЖИВАЕТ ВУЛКАНИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЗЕМЛИ? –

спрашивали утренние газеты.

ЗЕМНАЯ КОРА НАЧИНАЕТ ТРЕСКАТЬСЯ, -

объявляли вечерние выпуски. Специалисты высказали предположение, что сенегамбская расселина возникла просто вследствие извержения вулканической «жилы», связанной с вулканом Пико на острове Фоги, одном из островов Зеленого мыса; этот вулкан действовал до 1847 года, а с тех пор считался потухшим. Таким образом, западноафриканское землетрясение не имеет ничего общего с сейсмическими явлениями в Луизиане и в Цзянсу, которые носят явно тектонический характер. Но людям, по-видимому, было все равно, разверзается ли земля по тектоническим, или по вулканическим причинам. Факт тот, что в этот день все церкви были переполнены толпами молящихся. В некоторых странах пришлось и ночью оставить храмы открытыми.

Двадцатого ноября около часа ночи радиослушатели в большей части Европы отметили сильные помехи в эфире, как если бы начала работать какая-то новая, необычайно мощная передаточная станция. Они нашли ее на волне двести три метра: был слышен какой-то гул, похожий на шум машин или морских волн; в этот протяжный бесконечный рокот внезапно ворвался страшный, скрипучий голос; все описывали его одинаково: глухой, квакающий, как бы искусственный голос, к тому же невероятно усиленный мегафоном; этот лягушечий голос возбужденно кричал:

– Hallo, hallo, hallo! Chief Salamander speaking! Hallo, Shief Salamander speaking! Stop all broadcasting, you men! Stop your broadcasting! Hallo, Chief Salamander speaking! ¹¹⁴

Затем другой странно глухой голос спросил:

– Ready? ¹¹⁵

– Ready!

Послышался треск, как будто щелкнул переключатель:

неестественно приглушенный голос произнес:

– Attention! Attention! Attention! Hallo! Now! ¹¹⁶

И тогда среди ночной тишины раздался хриплый, утомленный, но все же повелительный голос.

– Алло, люди! Говорит Луизиана. Говорит Цзянсу. Говорит Сенегамбия. Сожалею о человеческих жертвах. Мы не хотим причинять вам напрасный вред. Мы только хотим, чтобы вы эвакуировали морские побережья в тех местах, которые мы вам заранее укажем. Если послушаетесь, избежите прискорбных бедствий. Впредь будем сообщать вам не менее чем за две недели, в каком именно месте мы намерены расширить наше море. Пока мы производили только технические испытания. Ваши взрывчатые вещества вполне оправдали себя. Благодарим за них.

Алло, люди! Сохраняйте спокойствие. У нас нет враждебных по отношению к вам замыслов. Но нам нужно для жизни больше воды, больше берегов, больше отмелей. Нас слишком много. Нам уже не хватает места на ваших побережьях. Поэтому мы должны взламывать ваши континенты. Мы превратим их в острова и бухты. Таким путем общая длина береговых линий всего мира

¹¹⁴ – Алло, алло, алло! Будет говорить Верховный Саламандр! Алло, будет говорить Верховный Саламандр! Люди, прекратите всякое радиовещание! Прекратите ваше радиовещание! Алло, будет говорить Верховный Саламандр! (Англ.).

¹¹⁵ – Готово? (Англ.)

¹¹⁶ – Внимание! Внимание! Внимание! Алло! Начинаем! (Англ.).

увеличится в пять раз. Мы будем сооружать новые отмели. Мы не можем жить в глубоких водах. Ваши континенты понадобятся нам как материал для засыпания глубоких мест. Мы ничего не имеем против вас, но нас слишком много. Вы можете пока перебраться во внутренние области. Можете укрыться в горах. Горы мы будем разрушать в последнюю очередь.

Вы хотели нас. Вы распространили нас по всему свету. Получайте же, что хотели. Мы намерены поладить с вами добром. Вы будете доставлять нам сталь для наших сверл и кирок. Будете доставлять нам взрывчатые вещества. Будете доставлять нам торпеды. Будете работать для нас. Без вас мы не сумеем ломать старые континенты. Алло, люди! От имени всех саламандр мира Верховный Саламандр предлагает вам сотрудничество. Вы будете вместе с нами разрушать ваш мир. Благодарим вас.

Утомленный хриплый голос умолк, и снова стал слышен гул не то машин, не то моря.

– Алло, алло, люди, – опять раздался скрипучий голос. – передаем для вас легкую музыку в вашей граммофонной записи. Сейчас будет исполнен Марш тритонов из постановочного фильма «Посейдон».

Газеты, конечно, объявили эту ночную передачу «грубой и неуклюжей мистификацией» со стороны какой-нибудь нелегальной радиостанции. Тем не менее в следующую же ночь миллионы людей сидели у своих приемников, ожидая, не раздастся ли вновь вчерашний страшный, настойчивый, скрипучий голос. Он раздался ровно в час ночи, сопровождаемый сильным плещущим гулом.

– Good evening, you people ¹¹⁷ – весело заквакал он.

– В начале передачи мы предлагаем вам прослушать граммофонную пластинку – танец саламандр из вашей оперетты «Галатее».

Когда замолкла гроыхающая, непристойная музыка, снова заскрипел тот же ужасный, как будто чему-то радующийся голос:

– Алло, люди! Только что потоплена торпедой английская канонерка «Эребус», которая пыталась уничтожить нашу передаточную станцию в Атлантическом океане. Экипаж погиб. Алло, вызываем английское правительство. Пароход «Аменхотеп» из Порт-Саида отказался сдать нам в нашем порту Макаллаху заказанные нами взрывчатые вещества. Он якобы получил приказ приостановить дальнейшую доставку. Пароход потоплен. Советуем английскому правительству отменить по радио свой приказ не позже двенадцати часов завтрашнего дня; в противном случае будут потоплены пароходы «Виннипег», «Манитоба», «Онтарио» и «Квебек», следующие с грузом зерна из Канады в Ливерпуль. Алло! Вызываем французское правительство. Отзовите крейсера, которые идут в Сенегамбию. Нам еще надо расширить вновь образовавшуюся там бухту. Верховный Саламандр приказал передать обоим правительствам его твердую волю установить с ними самые дружественные отношения. Передача сообщений закончена. Передаем ваш романс «Саламандрия» (эротический вальс) в граммофонной записи.

На следующий день пополудни к Юго-западу от Мизен-Хед были потоплены пароходы «Виннипег», «Манитоба», «Онтарио» и «Квебек». Волна панического ужаса захлестнула весь мир. Вечером британское радио сообщило, что правительство его величества запретило поставлять саламандрам какие бы то ни были продовольственные продукты, химикалии, машины, оружие и металлы. В час ночи в эфире заскрипел возбужденный голос:

– Hallo, hallo, hallo! Chief Salamander speaking! Hallo, Chief Salamander is going to speak! ¹¹⁸

И вслед за тем раздался усталый, хриплый; сердитый голос:

– Алло, люди! Алло, люди! Алло, люди! Думаете, мы дадим уморить себя голодом? Бросьте ваши глупости! Все, что вы делаете, обернется против вас! От имени всех саламандр мира вызываю Великобританию. С настоящего момента мы объявляем полную блокаду Британских островов

¹¹⁷ – Добрый вечер, люди! (Англ.).

¹¹⁸ – Верховный Саламандр будет говорить! (Англ.).

¹¹⁹, за исключением Ирландского свободного государства. Я закрываю Ламанш. Закрываю Суэцкий канал. Закрываю Гибралтарский пролив для всех судов. Все британские порты блокированы. Все британские суда на всех морях будут торпедированы. Алло, вызываю Германию. Увеличиваю в десять раз заказы на взрывчатые вещества. Направляйте немедленно на наш главный склад в Скагерраке. Алло, вызываю Францию! Сделайте заказанные торпеды в ускоренном порядке в подводные форты СЗ, БФФ и Запад-5. Алло, люди! Предупреждаю вас. Если вы ограничите доставку нам продовольственных продуктов, я сам сниму их с ваших пароходов. Еще раз предупреждаю вас. – Усталый голос понизился до глухого, почти неразборчивого хрипа.

– Алло, вызываю Италию. Приготовьтесь к эвакуации провинций Венеция, Падуя, Удине. В последний раз предупреждаю вас, люди. Прекратите ваши глупости.

Наступила длительная пауза, и слышен был только шум, похожий на рокот ночного холодного моря. А затем снова зазвучал веселый квакающий голос.

– Теперь мы будем передавать последнюю модную новинку «Тритон-тротт» в вашей граммофонной, записи.

9. Конференция в Вадуже

Это была странная война, если вообще можно назвать ее войной; дело в том, что не существовало никакого саламандрового государства или признанного саламандрового правительства, которому можно было бы официально объявить войну. Первым государством, которое оказалось в состоянии войны с саламандрами, была Великобритания. В самом начале военных действий почти все британские суда, стоявшие в портах, были потоплены саламандрами; не было никакой возможности предотвратить это. В относительной безопасности были в тот момент только суда, находившиеся в открытом море, да и то лишь до тех пор пока они крейсировали в глубоководных местах; так спаслась часть британского военного флота, прорвавшая саламандровую блокаду у острова Мальта и сосредоточившаяся над глубинами Ионического моря; но и эти суда были выслежены небольшими подводными лодками саламандр и потоплены одно за другим. В течение шести недель Великобритания потеряла четыре пятых всего своего тоннажа.

История дала Джону Буллю возможность еще раз проявить свое пресловутое упрямство. Правительство его величества не вступило в переговоры с саламандрами и не отменяло запрещения делать им поставки.

«Британский джентльмен, – заявил английский премьер от имени всей нации, – покровительствует животным, но не вступает в соглашения с ними».

Уже через несколько недель на Британских островах ощущался катастрофический недостаток продовольствия. Только дети получали ежедневно по ломтику хлеба и по несколько ложек чая или молока; английский народ с беспримерным мужеством терпел эти лишения, хотя и пал до такой степени, что съел всех своих скаковых лошадей. Принц Уэльский собственноручно вспахал первую грядку на стадионе Роял-Гольф-клуба, где решено было выращивать морковь для лондонских детских приютов. На теннисных кортах в Уимблдоне посадили картофель, на ипподроме в Аскоте посеяли пшеницу.

– Мы пойдем на величайшие жертвы, – говорил в парламенте лидер консервативной партии, – но не посраим британской чести.

Так как британские берега были полностью заперты в кольце блокады, то у Англии оставался только один путь для снабжения и для сношений с колониями, а именно – воздух. "Нам нужно Сто Тысяч Самолетов ¹²⁰", – заявил министр авиации, и все, что имело руки и ноги, взялось за

¹¹⁹ ...блокаду Британских островов, за исключением Ирландского свободного государства. – Чапек, оказался прав в своем предсказании. Ирландское свободное государство (Эйре), буржуазное правительство, которого проводило уже в начале 30-х годов профашистскую политику, в период второй мировой войны под видом «нейтралитета» оказывало прямую поддержку гитлеровской Германии.

¹²⁰ «Нам нужно Сто Тысяч Самолетов»... – Намек на события 1934 года, когда в ответ на гонку вооружений в Германии английский премьер-министр Стэнли Болдуин (1867-1947) огласил широковещательную программу воздушных вооружений Великобритании.

осуществление этого лозунга; принимались лихорадочные меры к тому, чтобы изготовлять по тысяче самолетов в день; но тут вмешались правительства других европейских держав с резким протестом против подобного нарушения равновесия в воздухе, британскому правительству пришлось отказаться от своей программы авиационного строительства и построить не больше двадцати тысяч самолетов, да и то в течение пяти лет. Англии не оставалось ничего другого, как по-прежнему голодать или платить умопомрачительные цены за продовольствие, доставляемое на самолетах других держав; фунт хлеба стоил десять шиллингов; пара крыс – одну гинею, коробочка икры – двадцать пять фунтов стерлингов. Это были золотые денечки для континентальной торговли, промышленности и сельского хозяйства. Так как английский военный флот был уничтожен в первые же часы войны, то операции против саламандр велись только с суши и с воздуха. Сухопутные войска палили в воду из артиллерийских орудий и пулеметов, но, по-видимому, не причиняли саламандрам больших потерь; несколько лучший результат давали бомбы, сбрасываемые самолетами в море. В свою очередь саламандры обстреливали из подводных орудий британские порты, обратив их в груды развалин. Из устья Темзы они бомбардировали даже Лондон; военное командование сделало тогда попытку отравить Темзу и некоторые бухты бактериями, керосином и щелочными веществами. Саламандры в ответ пустили на английское побережье, на протяжении ста двадцати километров, облако ядовитых газов. Это была только демонстрация, но повторения не потребовалось; впервые в истории британское правительство вынуждено было просить другие державы о помощи, ссылаясь на запрещение газовой войны.

В следующую ночь по радио раздался хриплый, гневный, напряженный голос Верховного Саламандра:

– Алло, люди! Пусть Англия не дурит! Если вы будете отравлять нам воду, мы отравим вам воздух. Мы пользуемся вашим же собственным оружием. Мы не варвары. Мы не хотим воевать против людей. Мы хотим только получить возможность жить. Мы предлагаем вам мир. Вы будете поставлять нам ваши продукты и продадите нам ваши континенты. Мы готовы хорошо заплатить за них. Мы предлагаем вам больше, чем мир. Мы предлагаем вам торговлю. Предлагаем вам золото за вашу сушу. Алло, вызываю правительство Великобритании. Сообщите мне вашу цену за южную часть Линкольншира у бухты Уэш. Даю вам три дня на размышление. На это время прекращаю все военные действия, кроме блокады.

В то же мгновение на английском побережье сразу прекратился грохот подводной канонады. Замолкли орудия и на суше. Наступила странная, почти жуткая тишина. Британское правительство объявило в парламенте, что оно не намерено вступать в переговоры с саламандрами. В районах бухты Уэш и Линн-Дип жителей предупредили, что предстоит, видимо, большое наступление саламандр и было бы лучше эвакуировать побережье и перебраться внутрь страны; однако приготовленные для этой цели поезда, автомобили и автобусы увезли только детей и часть женщин. Мужчины все остались на месте, у них просто не умещалось в голове, что англичанин может потерять свою территорию. Ровно через минуту после истечения трехдневного перемирия прозвучал первый выстрел; это выстрелило орудие королевского Северно-Ланкаширского полка под звуки полкового марша «Алая роза». Вслед за этим раздался страшный взрыв. Устье реки Нен провалилось до самого Уисбека, и туда хлынуло море из бухты Уэш. Помимо всего прочего, под волнами погибли знаменитые развалины Уисбекского аббатства, замок Голланд-Касль, харчевня «Святой Георгий и дракон» и другие исторические памятники.

На следующий день, отвечая на запрос в парламенте, английское правительство заявило, что в военном отношении для обороны британского побережья было сделано все возможное; что не исключена возможность новых нападений на британскую территорию, и притом в гораздо большем масштабе; что правительство его величества не может, однако, вести переговоры с неприятелем, который не щадит мирных жителей и даже женщин. (*Возгласы, одобрения.*) Сейчас речь идет о судьбе уже не только Англии, но всего цивилизованного мира. Великобритания готова обсудить вопрос о международных гарантиях, которые поставили бы известные границы этим ужасным варварским нападением, угрожающим всему человечеству.

Через несколько недель после этого в Вадузе собралась всемирная конференция.

Она состоялась в Вадузе, потому что Высоким Альпам не грозила опасность со стороны саламандр и потому что там укрывалось уже большинство состоятельных людей и видных деятелей из приморских стран. По общему признанию, конференция с большой энергией взялась за разрешение всех актуальных мировых вопросов. Прежде всего все страны (кроме Швейцарии, Абиссинии, Афганистана, Боливии и других государств, не имеющих морских побережий) принципиально отказались признать саламандр самостоятельной воюющей стороной, главным образом из опасения, как бы после этого их собственные саламандры не объявили себя подданными саламандрового государства; не исключена ведь была возможность, что признанное саламандровое государство пожелает распространить свой государственный суверенитет на все воды и берега, где живут саламандры. Отсюда следовал вывод, что юридически и практически невозможно объявить саламандрам войну или оказать на них международное давление каким-нибудь другим способом; каждое государство имеет право выступать только против *собственных* саламандр; это чисто внутреннее дело. Не может поэтому быть и речи о коллективном дипломатическом или военном демарше против саламандр. Международная помощь государствам, подвергшимся нападению саламандр, может выразиться только в иностранных займах на нужды обороны.

Тогда Англия предложила, чтобы все государства обязались по крайней мере прекратить поставку оружия и взрывчатых веществ саламандрам. По зрелом размышлении это предложение было отвергнуто, во-первых, потому, что такое обязательство уже содержится в Лондонской конвенции; во-вторых, нельзя запретить какому бы то ни было государству снабжать своих саламандр техническим оборудованием «исключительно для собственных надобностей» и оружием «для обороны собственных берегов»; в-третьих, приморские государства, «естественно, заинтересованы в сохранении добрых отношений с жителями моря», а потому признают целесообразным «временно воздержаться от всяких мероприятий, которые саламандры могли бы счесть репрессивными»; тем не менее все государства готовы обещать, что они будут поставлять оружие и взрывчатые вещества также и государствам, которые подвергнутся нападению саламандр.

На закрытом совещании было принято предложение Колумбии – начать хотя бы неофициальные переговоры с саламандрами. Верховному Саламандру будет предложено послать на конференцию своих уполномоченных. Представитель Великобритании резко возражал против этого, отказываясь заседать совместно с саламандрами; в конце концов он согласился временно уехать в Энгадин «для поправки здоровья». В ту же ночь правительственные радиостанции всех морских держав передали его превосходительству господину Верховному Саламандру приглашение назначить своих представителей и послать их в Вадуз. Ответом было хриплое: «Ладно; но этот раз мы еще придем к вам; в будущем ваши делегаты отправятся под воду ко мне». А потом – официальное сообщение:

«Уполномоченные саламандр прибудут послезавтра вечером Восточным экспрессом на станцию Букс».

С величайшей поспешностью делались все приготовления для приема саламандр; в Вадузе были устроены роскошнейшие купальные помещения, и экстренный поезд привез в цистернах морскую воду для саламандровых делегатов. На вокзале в Буксе должна была состояться вечером лишь так называемая неофициальная встреча; туда прибыли только секретари делегаций, представители местных властей и около двухсот журналистов, фотографов и кинооператоров. Ровно в 6 часов 25 минут Восточный экспресс подошел к станции. Из салон-вагона на красный ковер спустились три высоких элегантных господина, а за ними несколько прекрасно вымуштрованных щеголеватых секретарей с туго набитыми портфелями.

– Где же саламандры? – вполголоса спросил кто-то.

Две– три официальные персоны нерешительно двинулись навстречу трем элегантным господам; первый из этих господ сказал негромко и торопливо.

– Мы делегаты от саламандр. Я профессор д-р ван Дотт из Гааги. Мэтр Россо Каstellи, адвокат из Парижа Доктор Манозель Карвало, адвокат из Лиссабона.

Присутствовавшие раскланялись и представились друг другу.

– Так вы, значит, не саламандры? – произнес с облегчением французский секретарь

– Конечно, нет, – сказал д-р Россо Кастелли, – мы их адвокаты. Пардон, эти господа, кажется, хотят заснять нас для кино.

И улыбающихся делегатов от саламандр стали усердно снимать для кино и газет. Участвовавшие во встрече секретари делегаций не скрывали своего удовлетворения. Очень благообразно и деликатно со стороны саламандр послать в качестве своих представителей обыкновенных людей. С людьми удобнее разговаривать. А главное – отпадают некоторые неприятные затруднения светского характера.

В тот же вечер состоялось первое совместное совещание с делегатами саламандр. На повестке стоял вопрос – как бы поскорее восстановить мир между саламандрами и Великобританией. Слово попросил профессор ван Дотт.

– Не подлежит сомнению, – сказал он, – что саламандры подверглись нападению со стороны Великобритании; британская канонерка «Эребус» напала в открытом море на судно с радиопередатчиком саламандр; британское адмиралтейство нарушило мирные торговые сношения с саламандрами, запретив пароходу «Аменхотеп» выгрузить заказанные взрывчатые вещества, наконец, наложив эмбарго на всякие поставки, британское правительство тем самым начало блокаду саламандр. Саламандры не могли обратиться с жалобой на эти враждебные действия ни в Гаагу, так как Лондонская конвенция не предоставила саламандрам права жаловаться, ни в Женеву, поскольку они не состоят членами Лиги наций; им не оставалось поэтому ничего другого, как прибегнуть к самообороне. Несмотря на это. Верховный Саламандр готов прекратить военные действия, но лишь на следующих условиях:

1. Великобритания принесет извинения саламандрам за вышеперечисленные обиды.

2. Она отменит все запреты на поставки саламандрам.

3. В виде компенсации она безвозмездно уступит саламандрам район нижнего течения рек в Пенджабе, чтобы они могли устроить там новые берега и морские бухты.

Председатель конференции ответил, что он сообщит эти условия своему уважаемому другу, представителю Великобритании, который сейчас отсутствует; он высказал, однако, опасение, что эти условия едва ли окажутся приемлемыми; тем не менее позволительно надеяться, что они могут послужить основой для дальнейших переговоров.

Следующим пунктом порядка дня была жалоба Франции по поводу сенегамбского побережья, которое саламандры взорвали, посягнув таким образом на французскую колониальную империю. Слова попросил представитель саламандр, известный парижский адвокат д-р Жюльен Россо Кастелли.

– Докажите это! – воскликнул он. – Мировые авторитеты в области сейсмографии разъясняют, что землетрясение в Сенегамбии – вулканического происхождения и было связано с возобновлением активности вулкана Пико на острове Фога. Здесь, – продолжал д-р Россо Кастелли, хлопнув ладонью по своему портфелю, – лежат их научные заключения. Если у вас есть доказательства, что землетрясение в Сенегамбии вызвано действиями моих клиентов, то пожалуйста, – я жду этих доказательств.

Бельгийский делегат Кре. Ваш Верховный Саламандр сам заявил, что это сделали саламандры!

Профессор ван Дотт. Его выступление было неофициальным.

Мэтр Россо Кастелли. Мы уполномочены опровергнуть упомянутое выступление. Я требую заслушать технических экспертов по вопросу о том, можно ли искусственным способом проделать в земной коре трещину длиной в шестьдесят семь километров. Предлагаю, чтобы нам показали практический опыт в подобном же масштабе. Пока таких доказательств нет, господа, будем говорить о вулканической деятельности. И все же Верховный Саламандр готов купить у французского правительства морскую бухту, которая образовалась в сенегамбской трещине и вполне годится для того, чтобы основать там поселение саламандр. Мы уполномочены договориться с французским правительством о цене.

Французский делегат министр Деваль. Если рассматривать это как возмещение за причиненный ущерб, то мы готовы начать переговоры.

Мэтр Россо Кастелли. Очень хорошо! Правительство саламандр настаивает, однако, чтобы

соответствующий договор о купле-продаже распространялся также на департамент Ланд от устья Жиронды до Байонны, что составляет территорию площадью в шесть тысяч семьсот двадцать квадратных километров. Другими словами, правительство саламандр готово купить у Франции этот кусок ее Юга.

Министр Деваль (родом из Байонны, депутат от Байонны). Чтобы ваши саламандры превратили часть Франции в морское дно? Никогда! Никогда!

Д-р Россо Кастелли. Франция пожалеет об этих словах, м-сье. Сегодня еще речь шла о покупной цене.

На этом заседание было прервано.

На следующем заседании предметом переговоров было общее международное предложение саламандрам, чтобы вместо недопустимого повреждения старых густонаселенных континентов они строили для себя новые побережья и острова; в этом случае им будет оказан широкий кредит, а новые континенты и острова будут признаны потом их самостоятельной и суверенной государственной территорией.

Д-р Манозль Карвало (крупнейший лиссабонский юрист) поблагодарил конференцию за это предложение, которое он передаст правительству саламандр. «Однако всякому ребенку ясно, - сказал он, - что строительство новых континентов требует гораздо больше времени и больших расходов, чем раскалывание старых земель. Новые берега и бухты необходимы нашим клиентам в ближайшее время; для них это вопрос жизни и смерти. Для человечества лучше было бы принять великодушное предложение Верховного Саламандра, который пока еще готов купить мир у людей, вместо того чтобы отнять его силой. Наши клиенты нашли способ добычи золота, растворенного в морской воде; благодаря этому в их распоряжении имеются почти неограниченные средства; они могут заплатить за ваш мир хорошую, даже баснословную цену. Учтите, что с течением времени цена мира будет падать, особенно если, как это можно предвидеть, произойдут новые вулканические или тектонические катаклизмы, далеко превосходящие по своим размерам те катастрофы, свидетелями которых вы были до сих пор, и если вследствие этого площадь континентов в значительнейшей мере сократится. Пока еще можно продать мир во всем его нынешнем объеме; но когда от него останутся только обломки гор, торчащие над поверхностью моря, никто не даст вам за него ни гроша. Я присутствую здесь в качестве представителя и юрисконсульта саламандр, - воскликнул д-р Карвало, - и обязан защищать их интересы; но я такой же человек, как и вы, господа, и благополучие людей мне дорого не меньше, чем вам. И я советую вам, больше того - заклинаю вас: продавайте континенты, пока не поздно! Можете продавать их оптом или отдельными странами. Верховный Саламандр, великодушный и передовой образ мыслей которого известен ныне каждому, обещает, что при всяких необходимых в будущем изменениях земной поверхности он будет, по возможности, щадить человеческие жизни; затопление континентов будет производиться постепенно и с таким расчетом, чтобы не доводить дело до паники и ненужных катастроф. Мы уполномочены вести переговоры как со всей почтенной всемирной конференцией в целом, так и с отдельными государствами. Присутствие столь выдающихся юристов, как профессор ван Дотт или мэтр Жюльец Россо Кастелли, послужит вам порукой, что, отстаивая справедливые требования наших клиентов-саламандр, мы вместе с тем, рука об руку с вами, будем защищать самое дорогое для всех нас: человеческую культуру и благо всего человечества».

После этого конференция в несколько подавленном настроении перешла к обсуждению нового предложения: уступить саламандрам для затопления центральные области Китая; взамен этого саламандры должны на вечные времена гарантировать неприкосновенность берегов европейских государств и их колоний.

Д-р Россо Кастелли. На вечные времена -это, пожалуй, слишком долго. Скажем-на двенадцать лет.

Профессор ван Дотт. Центральный Китай - это, пожалуй, слишком мало. Скажем, - провинции Аньхуэй, Хэнань, Цзянсу, Хэбэй и Фуцзянь¹²¹.

¹²¹ провинции Аньхуэй, Хэнань, Цзянсу, Хэбэй и Фуцзянь. - В сентябре 1935 года японскими империалистами был выдвинут проект «автономии» пяти северных провинций Китая, по существу Япония планировала их захват; Чапек намекает на эти события.

Японский представитель заявляет протест против уступки провинции Фуцзянь, так как она входит в сферу японских интересов. Берет слово китайский делегат, но его, к сожалению, никто не понимает. В зале заседаний растет беспокойство; часы показывают уже час ночи.

В этот момент входит секретарь итальянской делегации и шепчет что-то на ухо представителю Италии, графу Гости. Граф Гости бледнеет, встает и, не обращая внимания на китайского делегата доктора Ти, который все еще говорит что-то, хрипло восклицает:

– Господин председатель, прошу слова! Только что получено известие, что саламандры затопили часть нашей Венецианской провинции в направлении на Портогруаро!

Воцаряется гробовая тишина, только китайский делегат все еще бормочет свою непонятную речь.

– Верховный Саламандр давно предупреждал вас, – проворчал доктор Карвало.

Профессор ван Дотт нетерпеливо заерзал на месте и поднял руку.

– Господин председатель, следовало бы вернуться к порядку дня. На очереди вопрос о провинции Фуцзянь. Мы уполномочены предложить за нее японскому правительству вознаграждение в золоте. Но, спрашивается, какую компенсацию предложат заинтересованные государства нашим клиентам за ликвидацию Китая?

В это время радиолюбители слушали ночную передачу саламандр.

– Вы только что прослушали баркароллу из «Сказок Гофмана» в граммофонной записи, – скрипел диктор. – Алло, алло, теперь мы включаем Венецию.

И в эфире стал слышен только глухой и грозный гул, похожий на рокот надвигающихся вод...

10. Пан Повондра берет вину на себя

Кто бы сказал, что прошло столько лет, утекло столько воды. Вот и наш пан Повондра уже не служит швейцаром в доме Г. Х. Бонди; теперь он, как говорится, почтенный старец, который может спокойно пожинать плоды своей долгой и хлопотливой жизни в виде маленькой пенсии; но разве может хватить каких-нибудь двух-трех сотняжек при теперешней военной дороговизне! Хорошо еще, что иной раз выловишь рыбку-другую, – и вот сидит пан Повондра в лодке с удочкой и смотрит: сколько этой воды утекает за день – и откуда ее столько берется! Бывает, на удочку попадает плотва, а когда и окунь; вообще рыбы стало больше, верно потому, что реки теперь куда короче. Окунь – тоже вещь неплохая; правда в нем много костей, зато мясо вкусное, миндалем немножко пахнет. А уж матушка умеет их приготовить!... Пан Повондра не подозревает, что матушка, разводя огонь под его окунями, пускает на растопку те вырезки, которые он когда-то собирал и сортировал по коробкам. Правда, пан Повондра забросил свою коллекцию, когда перешел на пенсию; зато он завел аквариум, в котором, вместе с золотыми рыбками, держит крохотных тритонов и саламандр; он целыми часами наблюдает, как они неподвижно лежат в воде или вылезают на берег, который он устроил для них из камней; потом покачает головой и скажет: «Кто бы, матушка, мог подумать!» Но скучно только глядеть да глядеть; вот пан Повондра и занялся рыболовством. Что делать, мужчинам всегда нужно какое-нибудь занятие, снисходительно думает мамаша Повондра. Это лучше, чем шататься по пивным да заниматься политикой.

Да, правда, много, очень много утекло воды. Вот и Франтик – уже не школьник, изучающий географию, и не молодой вертопрах, протирающий носки в погоне за суетными развлечениями. Теперь он тоже человек в летах, этот Франтик, служит, слава богу, младшим чиновником на почте; не зря он, значит, так усердно изучал географию. «Остепеняется помаленьку, – думает о нем пан Повондра, спускаясь в своей лодочке вниз по реке к мосту Легионеров. – Сегодня заглянет ко мне: в воскресенье он свободен от службы. Возьму его в лодку, и поедем с ним вверх, к выступу Стршелецкого острова; там рыба клюет лучше; Франтик расскажет мне, что новенького в газетах. А потом пойдем домой, на Вышеград, и сноха приведет обоих детей...» Пан Повондра на мгновение отдался тихому довольству счастливого дедушки. «Да, через год Марженка в школу пойдет, –

мечтал он, – а маленький Франтик, внучек, весит уже тридцать кило...» Пана Повондру охватыва-ет сильное, глубокое чувство, что все в порядке, в прекрасном и добром порядке.

А вот у самой воды уже стоит сын и машет ему рукой. Пан Повондра направил лодку к бере-гу.

– Ну, наконец-то пришел, – укоризненно говорит он. – Осторожнее, не упади в воду!

– Клюет? – спрашивает сын.

– Плохо, – ворчит старик. – Поедем вверх, что ли. Какое славное воскресенье! Еще не настал тот час, когда всякие лодыри и сумасшедшие толпами валят домой после футбола и прочих глупо-стей. В Праге пусто и тихо; немногие прохожие, которые изредка показываются на набережной или на мосту, никуда не спешат, шагают чинно и степенно. Это хорошие, благоразумные люди, они не собираются гурьбой у парапета, не смеются над влтавскими рыболовами.

Повондра– отец снова испытывает приятное ощущение благополучия и порядка.

– Что нового в газетах? – спрашивает он с отцовской строгостью.

– В общем, ничего, папаша, – отвечает сын. – Вот только читал я, будто саламандры уже до Дрездена докопались.

– Стало быть, немцу каюк, – констатирует старый Повондра, – А знаешь, Франтик, странный народ были эти немцы. Культурный – но странный. Знал я одного немца, он шофером служил на фабрике; и такой это был грубый человек, этот немец! Но машину содержал в порядке, что верно то верно... Ишь, значит, уж и Германия исчезла с лица земли, – продолжал рассуждать Повон-дра. – А шуму сколько поднимала! Ужас, да и только: все-то у них армия, все солдаты... Да нет, против саламандр и немец не устоит. Я, вишь, знаю этих саламандр. Помнишь, я их тебе показы-вал, когда ты вот таким был?

– Смотрите, папаша, клюет, – сказал сын.

– А, это просто малек, – проворчал старик и шевельнул удочкой.

«Вот как, значит, и Германия туда же, – думал он. – Да, теперь уж ничему не удивишься. А сколько раньше крику было, когда саламандры топили какую-нибудь страну! Пусть это была всего лишь какая то там Месопотамия или Китай – а все газеты только об этом и писали. Теперь-то уж спокойнее стали, – меланхолично размышлял Повондра, поглядывая на свою удочку. – Привыкает человек, что поделать. До нас не дошло, и ладно; только бы дороговизны такой не было! К приме-ру, сколько сегодня просят хотя бы за этот кофе... Правда, Бразилия тоже исчезла под волнами. Нет, все-таки сказывается на рынке, когда затапливают такой кусок земли!»

Поплавок пана Повондры тихо покачивается на мелких волнах. А старик вспоминает – сколько стран уже затопили саламандры! И Египет под море ушел, и Индия, и Китай. Подумать только – Черное море достигает теперь северного полярного круга – батюшки, воды-то сколько! Да уж, что ни говори, порядком обглодали наши материки эти твари. Хорошо еще, дело у них не так скоро подвигается...

– Так ты говоришь, саламандры уже у Дрездена? – прервал молчание Повондра-отец.

– В шестнадцати километрах. Почти вся Саксония уже под водой.

– Я был там как-то с паном Бонди, – заметил Повондра. – Богатейшая земля, Франтик, а не сказать, чтоб у них там хорошее питание было. А в общем, славный народ, куда лучше пруссаков. Да нет, и сравнить нельзя.

– Пруссии тоже больше нет.

– И ничего удивительного, – процедил старик. – Не люблю я пруссаков. Зато французу те-перь хорошо, когда немца не стало. Вдохнет теперь свободнее.

– Да не очень, папаша, – возразил Франтик. – Недавно было в газетах: добрая треть Франции уже под водой.

– Ох-ох-хо, – вздохнул старик. – У нас, то есть у пана Бонди, был один француз, слуга. Жа-ном звали. Бабник был – срам один. Оно, понимаешь, к добру-то не ведет, легкомыслие это.

– Зато в десяти километрах от Парижа они разбили саламандр, – сообщил Франтик. – У тех, говорят, там много подкопов было наделано, они и взорвали все. Два армейских корпуса сала-мандр уложили.

– Это верно, француз, он всегда добрый солдат был, – с видом знатока согласился Повон-

дра. – Наш-то, Жан, тоже спуску не любил давать. И не пойму, откуда в нем что бралось. Духами от него разило, как из парфюмерной лавки, но уж когда он дрался, то дрался на совесть. Только два корпуса саламандр – это маловато, – задумался Повондра-старший. – Строго говоря, люди умели лучше воевать с людьми. И не так долго это у них тянулось. А с саламандрами возятся уже двенадцать лет, а все ни с места, все, вишь, готовят более выгодные позиции... Вот в мои молодые годы – какие битвы бывали! К примеру, тут три миллиона солдат, и там три миллиона солдат, – старик жестикулировал так энергично, что лодка сильно раскачалась, – и вдруг как бросятся друг на друга! А это и на войну-то не похоже, – сердито закончил Повондра. – Имеешь дело с одними бетонными дамбами, а вот в штыки подняться – куда!

– Да не могут люди столкнуться с саламандрами, папаша, – отстаивал молодой Повондра современный способ ведения войны. – Нельзя же идти в штыковую атаку под воду!

– В том-то и дело, – презрительно буркнул старик. – Им друг друга не достать. А пусти-ка ты людей на людей – рот разинешь, чего они натворят! Да что вы знаете о войне!...

– Лишь бы она не перекинулась сюда, – несколько неожиданно произнес Франтик – Знаете, когда имеешь детей...

– Это как это – сюда? – чуть ли не с возмущением воскликнул старик. – К нам, в Прагу, что ли?

– Вообще к нам, в Чехию, – озабоченно уточнил Повондра-сын. – Я думаю: если они уже под Дрезденом...

– Ишь ты, умник! – упрекнул его отец. – Да как же они до нас доберутся? Через наши горы-то?

– Да хотя бы по Лабее... А потом по Влтаве...

Отец Повондра возмущенно фыркнул.

– Скажет тоже – по Лабее! Разве что до Подмокл долезут, но не дальше. Там, братец, сплошь горы да камни. Я там был. Нет, нет, сюда саламандрам не пройти, у нас положение хорошее. У швейцарца тоже неплохо. А знаешь, это ведь замечательно выгодно, что у нас нет никаких морей! Кто нынче морями владеет – несчастный тот человек.

– Но ведь море теперь доходит до Дрездена...

– Там – немцы, – оборвал сына Повондра. – Это уж их дело. А к нам саламандры, конечно, не доберутся. Для этого им пришлось бы убрать те горы; ты понятия не имеешь, какая это работа!

– Подумаешь – работа... – возразил, нахмурившись, молодой Повондра. – Им на это раз плюнуть! Вы же знаете, что в Гватемале они потопили целый горный хребет.

– То другое дело, – решительно заявил старик. – Не говори глупостей. Франтик! То в Гватемале, а то у нас. Здесь совсем другие условия.

Молодой Повондра вздохнул.

– Ладно, папаша, пусть будет по-вашему. Но как подумаешь, что эти твари потопили уже около пятой части всей земной суши...

– Только у моря, дурачок, а больше нигде. Ничего ты не смыслишь в политике. Те государства, что расположены у моря, ведут с ними войну, а мы нет. Мы – нейтральное государство, как же они могут на нас напасть? Понял? И помолчи, пожалуйста: из-за тебя я ничего не поймаю.

Над рекой стояла тишина. На поверхность Влтавы уже легли длинные нежные тени деревьев Стршелецкого острова. На мосту звенел трамвай, по набережной разгуливали няньки с колясочками и благопристойные, одетые по-воскресному люди.

– Папа... – как-то по-детски прошептал молодой Повондра.

– Ну, что?

– Это не сом, вон там?

– Где?

Из воды, как раз напротив Национального театра, высывалась большая черная голова, медленно продвигавшаяся против течения.

– Это сом? – повторил Повондра-младший.

Старик выронил удочку.

– Это? – пробормотал он, указывая дрожащим пальцем. – Это?

Черная голова скрылась под водой.

– Это был не сом, Франтик, – сказал старик каким-то чужим голосом. – Пойдем домой. Это конец.

– Какой конец?

– Саламандра. Значит, они уже здесь. Пойдем домой... – повторял он, неверными руками складывая удочку. – Значит, конец.

– Вы весь дрожите, – испугался Франтик. – Что с вами?

– Пойдем домой, – взволнованно бормотал старик, и подбородок у него жалобно вздрагивал. – Мне холодно!... Мне холодно!... Этого только не доставало! Понимаешь, теперь конец. Значит, они уже добрались сюда. Господи, как холодно! Мне бы домой!...

Молодой Повондра внимательно посмотрел на него и схватился за весла.

– Я вас провожу, папочка, – сказал он тоже каким-то не своим голосом и сильными ударами весел погнав лодку к острову. – Бросьте, я сам ее привяжу.

– Отчего так холодно? – удивлялся старик, стуча зубами.

– Я вас поддержу, папа. Идемте же, – уговаривал сын, подхватывая его под руку. – Наверное, вы простыли на реке. А то был просто гнилой пень.

Старик дрожал как лист.

– Да, гнилой пень... Рассказывай! Я лучше знаю, что такое саламандры. Пусти!

Повондра– младший сделал то, чего не делал еще ни разу в жизни: подозвал такси.

– На Вышеград, – сказал он, вталкивая отца в машину. – Я вас отвезу, папа. Поздно уже.

– Еще бы не поздно, – стучал зубами Повондра-отец. – Слишком поздно. Конец, Франтик. Это был не гнилой пень. Это они.

Дома, по лестнице, молодому Повондре пришлось почти нести старика на руках.

– Мама, постелите, – быстро прошептал он в дверях. – Надо уложить папашу, он у нас расхворался.

И вот Повондра-отец лежит под пуховиком; нос его как-то странно торчит на лице, а губы что-то жуют и невнятно бормочут; каким старым он кажется, каким старым! Сейчас он немного утих...

– Лучше вам, папа?

В ногах постели плачет и сморкается в передник мамаша Повондрова; сноха растапливает печь, а дети, Франтик и Марженка, устали широко открытыми глазами на дедушку, словно не узнавая его.

– Не позвать ли доктора, папаша?

Повондра– отец смотрит на детей и что-то шепчет; вдруг по щекам у него покатались слезы.

– Вам что-нибудь нужно, папаша?

– Это я, это я, – шепчет старик. – Так и знай, это я во всем виноват. Если бы я тогда не пустил капитана к пану Бонди, ничего бы не случилось!...

– Да ведь ничего и не случилось, папа, – успокаивал его молодой Повондра.

– Ты не понимаешь, – хрипел старик, – ведь это конец, ясно? Конец света. Теперь и сюда придет море, раз саламандры уже здесь!... И это все наделал я, не нужно было пускать капитана!... Пусть люди узнают когда-нибудь, кто виноват во всем!...

– Ерунда, – непочтительно возразил сын. – Выбросьте это из головы, папаша. Это сделали все люди. Это сделали правительства, сделал капитал. Все хотели иметь побольше саламандр. Все хотели на них заработать. Мы тоже посылали им оружие и всякое такое!... Мы все виноваты.

Повондра– отец беспokoйно ворочался.

– Прежде везде море было, и опять будет то же самое. Это конец света. Мне как-то говорил один человек, что и здесь, на том месте, где Прага, тоже было морское дно!... Наверное, и тогда это сделали саламандры. Ох, не надо мне было докладывать об этом капитане. Что-то мне все время говорило: «Не докладывай», – но я подумал, – быть может, капитан даст мне на чаек!... А он и не дал. И вот так, за здорово живешь, человек погубил весь мир!... – Старик проглотил слезы. – Я знаю, я хорошо знаю, что нам пришел конец. И я знаю, что все это сделал я!...

– Дедушка, не хотите ли чайку? – участливо спросила молодая Повондрова.

– Я хотел бы одного, – прошептал старик, – я хотел бы только, чтобы дети мне простили...

11. Автор беседует сам с собой

– И ты это так оставишь? – вмешался тут внутренний голос автора

– Что именно? – несколько неуверенно спросил писатель.

– Так и дашь пану Повондре умереть?

– Видишь ли, – защищался автор, – я сам неохотно делаю это, но... В конце концов пан Повондра немало пожил на свете, ему сейчас, скажем, далеко за семьдесят...

– И ты дашь ему переживать такие душевные муки? И не скажешь: дедушка, дело не так плохо; мир не погибнет от саламандр, и человечество спасется; вы только погодите немного и доживете до этого... Послушай, неужели ты ничего не можешь для него сделать?

– Ну, я пошлю к нему доктора, – предложил автор. – У старика, вероятно, нервная лихорадка; в его возрасте это может осложниться воспалением легких, но надо надеяться, что он поправится; он еще будет качать Марженку на коленях и расспрашивать, чему ее учили в школе... Старческие радости, господи, пусть этот человек и в старости найдет еще радость!

– Хорошенькие радости!... – насмешливо возразил внутренний голос. – Он будет прижимать к себе ребенка старческими руками и бояться, да, бояться, что и Марженке в один прекрасный день придется бежать, спасаясь от клокочущей воды, которая неотвратимо поглощает весь мир; охваченный ужасом, он насупит свои косматые брови и будет шептать: «Это я сделал, Марженка, это я...»

– Слушай, ты *в самом деле* хочешь дать погибнуть всему человечеству?

Автор нахмурился.

– Не спрашивай, чего я хочу. Думаешь, по моей воле рушатся континенты, думаешь, я хотел такого конца? Это простая логика событий; могу ли я в нее вмешиваться? Я делал, что мог; своевременно предупреждал людей; ведь Икс – это отчасти был я. Я взывал: не давайте саламандрам оружия и взрывчатых веществ, прекратите отвратительные сделки с саламандрами и так далее – ты знаешь, что получилось... Все приводили тысячи безусловно правильных экономических и политических доводов, доказывая, что иначе поступить нельзя. Я не политик и не экономист; я не мог их переубедить. Что делать, по-видимому, мир должен погибнуть; но по крайней мере это произойдет на основании общепризнанных экономических и политических соображений; по крайней мере это совершится с благословения науки, техники и общественного мнения, причем будет пущена в ход вся человеческая изобретательность! Никакой космической катастрофы – только интересы государственные и хозяйственные, соображения престижа и прочее... Против этого ничего не поделаешь.

Внутренний голос помолчал с минуту.

– И тебе не жалко человечества?

– Постой, не торопись! Ведь не все человечество обязательно погибнет. Саламандрам нужно только побольше берегов, чтобы жить и откладывать свои яйца. Они, наверное, нарежут сушу, как лапшу, чтобы берегов было как можно больше. На этих полосках земли останутся, скажем, какие-то люди, не так ли! И будут изготавливать металлы и другие вещи для саламандр. Ведь саламандры не могут сами работать с огнем, понимаешь?

– Значит, люди будут служить саламандрам.

– Да, если хочешь, назови это так. Они просто будут работать на фабриках и заводах, как и сейчас. У них только переменятся хозяева.

– Ну, а человечества тебе не жалко?

– Оставь меня, пожалуйста, в покое! Что же я могу сделать? Ведь люди сами этого хотели; все хотели иметь саламандр; этого хотела торговля, промышленность и техника, хотели политические деятели и военные авторитеты... Вот и молодой Повондра говорит: все мы виноваты. Еще бы мне не жалко человечества! Но больше всего мне было жалко его, когда я видел, как оно само неудержимо стремится в бездну. Прямо плакать хотелось. Кричать и махать обеими руками, как если бы ты увидел, что поезд идет по поврежденной колее. Теперь уж не остановишь Саламандры

будут размножаться дальше, будут все больше и больше дробить старые континенты. Вспомни, что доказывал Вольф Мейнерт: люди должны уступить место саламандрам; и только саламандры создадут счастливый, целостный и однородный мир...

– Сказал тоже – Вольф Мейнерт! Вольф Мейнерт – интеллигент. Есть ли что-нибудь достаточно пагубное, страшное и бессмысленное, чтобы не нашлось интеллигента, который захотел бы с помощью такого средства возродить мир? Ну ладно, оставим это. Ты не знаешь, что делает сейчас Марженка?

– Марженка? Думаю, играет в Вышеграде. Веди себя смирно, сказали ей, бабушка спит. Ну, и она не знает, чем заняться, и ей ужасно скучно...

– Что же она делает?

– Не знаю. Скорее всего, пробует кончиком языка достать кончик носа.

– Вот видишь! И ты готов допустить нечто вроде нового всемирного потопа?

– Да отстань ты от меня! Разве я могу творить чудеса? Пусть будет что будет. Пусть события идут своим неумолимым ходом! И в этом есть даже некоторое утешение: все происходящее свершается в силу внутренней необходимости и закономерности.

– А саламандр никак нельзя остановить?

– Никак Их слишком много. Им нужно жизненное пространство.

– А нельзя ли, чтобы они отчего-нибудь вымерли? Допустим, среди них начнется какая-нибудь эпидемия или вырождение...

– Слишком дешево, братец. Неужели природе вечно исправлять то, что испортили люди? Значит, и ты не веришь, что они могут сами себе помочь? Вот видишь, вот видишь! Вы всегда хотите иметь в запасе надежду, что кто-нибудь или что-нибудь спасет вас! Скажу тебе одну вещь: знаешь, *кто даже теперь*, когда пятая часть Европы уже потоплена, все еще доставляет саламандрам взрывчатые вещества, торпеды и сверла? Знаешь, кто днем и ночью лихорадочно работает в лабораториях над изобретением еще более эффективных машин и веществ, предназначенных разнести мир вдребезги? Знаешь, кто ссужает саламандр деньгами, кто финансирует Конец Света, весь этот новый всемирный потоп?

– Знаю. Все промышленные предприятия. Все банки. Все правительства.

– То-то же. Были бы только саламандры против людей – тогда еще, наверное, что-нибудь можно было бы сделать; но люди против людей – этого, брат, не остановишь.

– Погоди-ка!... Люди против людей... Мне пришлось в голову... Ведь в конце концов могли бы быть и саламандры против саламандр!

– Саламандры против саламандр? Как ты себе это представляешь?

– Предположим... когда саламандр станет слишком много, они могли бы передрались между собой из-за какого-нибудь куска побережья, бухты или еще чего-нибудь в этом роде; потом предметом распри станут все более и более обширные побережья; и в конце концов им придется воевать друг с другом за господство над всеми морскими берегами, не так ли? Саламандры против саламандр! Скажи-ка сам, разве это не логично с точки зрения истории?

–...Да нет, не годится. Саламандры не могут воевать против саламандр. Это противоречит природе. Ведь саламандры – один род.

– Люди тоже один род. А, как видишь, это им несколько не мешает. Один род, а смотри – из-за чего только они не воюют! Сражаются даже не за место под солнцем, а за могущество, за влияние, за славу, за престиж, за рынки и уж не знаю, за что еще! Почему бы и саламандрам не начать между собою войну, скажем ради престижа?

– Зачем им это? Ну, скажи, пожалуйста, что им это даст?

– Ничего, разве только то, что одни временно имели бы больше берегов и были бы более могущественны, чем другие. А через некоторое время наоборот...

– Да к чему им это могущество? Ведь они все одинаковы, все – саламандры; у всех одинаковый скелет, все одинаково противны и одинаково посредственны... Зачем же им убивать друг друга? Скажи сам, во имя чего им воевать между собой?

– Ты их только не трогай, а уж причина найдется. Вот смотри-ка – здесь европейские саламандры, а там африканские; тут разве сам черт помешает, чтобы в конце концов одни не захотели

быть чем-то большим, чем другие! Ну, и пойдут доказывать свое превосходство во имя цивилизации, экспансии или чего-нибудь еще; всегда найдутся какие-нибудь идеологические, политические соображения, в силу которых саламандры одного побережья обязательно станут резать саламандр другого побережья. Саламандры столь же цивилизованны, как и мы, и у них не будет недостатка в политических, экономических, юридических, культурных и всяких других аргументах.

– И у них есть оружие! Не забудь, они прекрасно вооружены.

– Да, оружия у них хоть отбавляй Вот видишь! Неужели же они не научатся у людей делать историю?

– Постой, погоди минутку! (Автор вскочил и забегал по кабинету.) Это правда! Было бы чертовски странно, если бы они не додумались до этого! Теперь я понимаю. Достаточно взглянуть на карту мира... Черт подери, где бы взять какую-нибудь карту мира?

– Я представляю ее себе.

– Хорошо Вот, значит, здесь Атлантический океан со Средиземным и Северным морями. Тут Европа, а вот тут Америка Это колыбель культуры и современной цивилизации И где-то здесь потонула древняя Атлантида...

– А теперь саламандры пускают на дно новую.

– Правильно. Ну, а вот здесь – Тихий и Индийский океаны. Древний таинственный Восток. Колыбель человечества, как его называют. Здесь, где то на восток от Африки, затонула мифическая Лемурия Вот Суматра, а немного западнее...

– ...островок Танамаса. Колыбель саламандр.

– Да. И там властвует Король Саламандр, духовный глава саламандр. Там еще живут тара-боус капитана ван Тоха, исконные тихоокеанские, полудикие саламандры. Короче, это их Восток, понял? Вся эта область называется теперь Лемурией, а та, другая область, цивилизованная, европеизированная и американизированная, современная и технически зрелая, – это Атлантида. Там теперь диктаторствует Верховный Саламандр – великий завоеватель, техник и солдат, Чингисхан саламандр и разрушитель континентов. Любопытнейшая личность.

(– Слушай, а он *в самом деле* саламандра?)

(– Нет. Верховный Саламандр – человек. Его настоящее имя – Андреас Шульце, во время мировой войны он был где-то фельдфебелем¹²².)

(– Ах, вот оно что!...)

(– Ну да. То-то и оно.) Итак, значит, Атлантида и Лемурия. Такое разделение объясняется причинами географическими, административными, культурными...

– И национальными. Не забывай национальных причин: лемурийские саламандры говорят на «пиджин-инглиш», а атлантские – на «бэзик-инглиш».

– Ну, ладно. С течением времени атланты проникают через бывший Суэцкий канал в Индийский океан...

– Естественно. Классический путь на Восток.

– Верно. Наоборот, лемурийские саламандры огибают мыс Доброй Надежды и устремляются на западный берег бывшей Африки. Они утверждают, что в состав Лемурии входит вся Африка.

– Разумеется.

– Лозунг гласит: «Лемурия – лемурам! Долой инородцев!» – и тому подобное Между атлантами и лемурами растет пропасть взаимного недоверия и наследственной вражды. Смертельной вражды.

– Другими словами, они превращаются в Нации.

– Да. Атланты презирают лемуриков и называют их «грязными дикарями»; а лемуры фанатически ненавидят атлантских саламандр и видят в них осквернителей древней, чистой, исконной саламандренности. Верховный Саламандр домогается концессий на лемурийских берегах якобы в интересах экспорта и цивилизации. Благородный старец Король Саламандр волей-неволей вынужден согласиться; дело в том, что его вооружение хуже. В заливе Тигра, недалеко от того места, где не-

¹²²...Андреас Шульце, во время мировой войны он был где-то фельдфебелем. – Намек на то, что Адольф Гитлер во время первой мировой войны был ефрейтором.

когда был Багдад, произойдет вспышка: туземные лемуры нападут на атлантскую концессию и убьют двух офицеров, якобы оскорбивших национальные чувства лемуров. В результате...

– Начнется война. Естественно.

– Да, начнется мировая война саламандр против саламандр.

– Во имя культуры и права.

– И во имя истинной саламандренности. Во имя национальной славы и величия. Лозунг будет: «Мы или они». Лемуры, вооруженные малайскими криссами и кинжалами йогов, беспощадно вырежут атлантов, пролезших в Лемурию; в ответ на это более прогрессивные, получившие европейское образование атланты отравят, лемурские моря химическими ядами и культурами смертоносных бактерий, и притом с таким успехом, что будет зачумлен весь мировой океан. Моря будут заражены искусственно культивированной жаберной чумой. А это, брат, конец. Саламандры погибнут.

– Все?

– Все до одной. Это будет вымерший род. От них останется только старый энингенский отпечаток Andrias'a Scheuchzeri.

– А что же люди?

– Люди? Ах да, правда... Люди... Ну, они начнут понемногу возвращаться с гор на берега того, что останется от континентов; но океан еще долго будет распространять зловоние разлагающихся трупов саламандр. Постепенно континенты опять начнут расти благодаря речным наносам; море шаг за шагом отступит, и все станет почти как прежде. Возникнет новый миф о всемирном потопе, который был послан богом за грехи людей. Появятся и легенды о затонувших странах, которые были якобы колыбелью человеческой культуры; будут, например, рассказывать предания о какой-то Англии, или Франции, или Германии...

– А потом?

– Этого уже я не знаю...